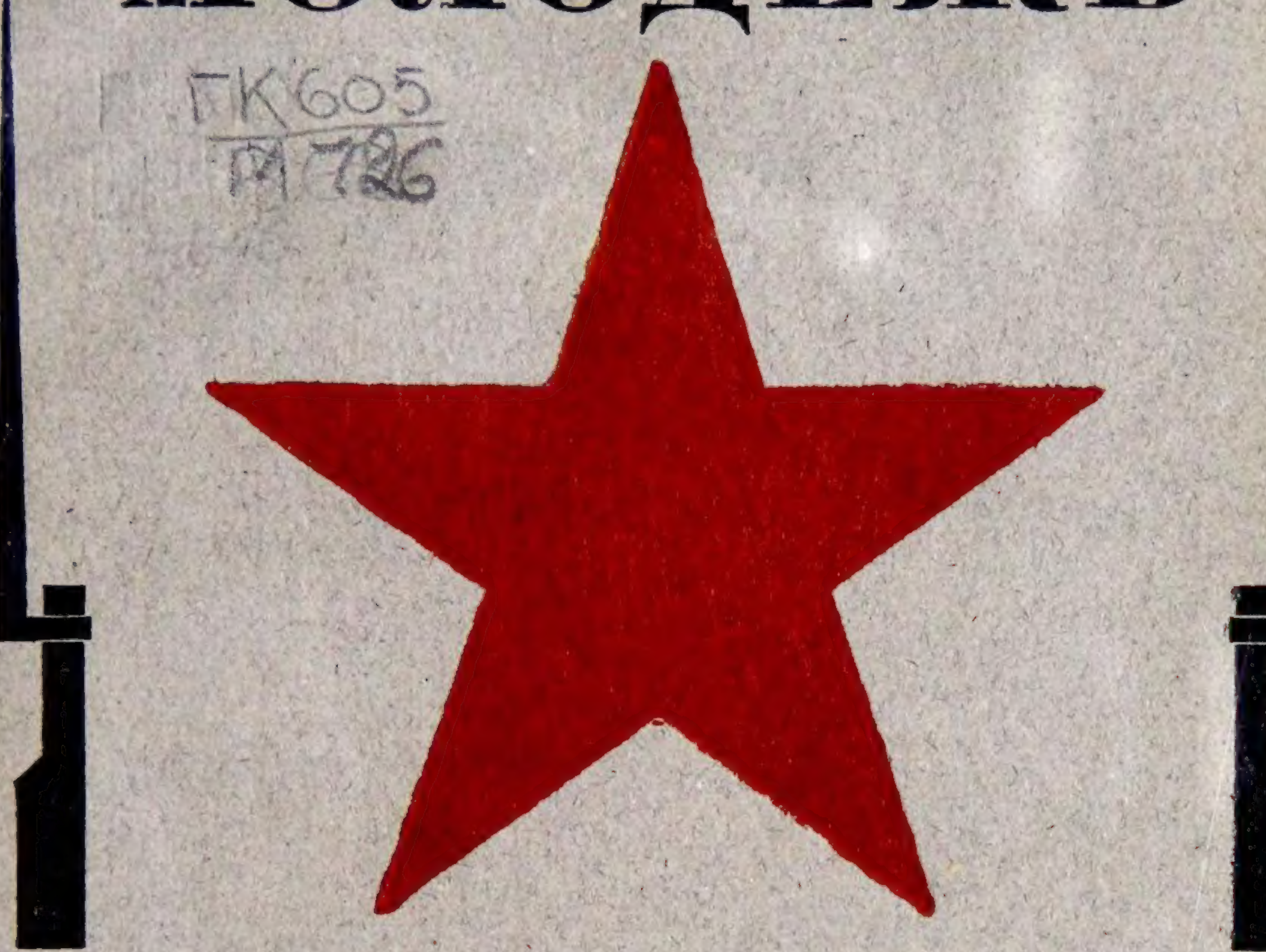
МОЛОДЕЖЬ

В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

СБОРНИК

СОСТАВИЛ

И. ВЛАДИМИРОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО · 1926

МОЛОДЕЖЬ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

СБОРНИК

СОСТАВИЛ

И. ВЛАДИМИРОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Гиз № 12076.
Ленинградский Гублит № 7707.
7½ л. Тираж 4000 экз.

ВОЖДИ О МОЛОДЕЖИ.

Пролетарская молодежь—самое горячее, самое чистое, неугасающее пламя неизбежной всемирной социальной революции.

Карл Либкнехт.

Разве не естественно, что у нас, партии революции, преобладает молодежь. Мы — партия будущего, а будущее принадлежит молодежи. Мы — партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодежь. Мы—партия самоотверженной борьбы со старым гнильем, а на самоотверженную борьбу всегда первою пойдет молодежь.

Энгельс.

* * *

Каковы стоящие перед нами новые задачи, мы в общих чертах не раз уже говорили; расширение агитации на новые слои городской и деревенской бедноты, создание более широкой, подвижной и крепкой организации, подготовка восстания и вооружение народа, соглашение для этих целей с революционной демократией. Каковы новые силы для осуществления этих задач, — об этом красноречиво говорят вести о всеобщих стачках по всей России, о забастовках и революционном настроении молодежи.

...В военное время рекрутов надо учить непосредственно на военных действиях. Смелее же беритесь за новые приемы обучения, товарищи! Смелее составляйте новые и новые дружины, посылайте их в бой, вербуйте больше рабочей молодежи, расширяйте обычные рамки всех партийных организаций, начиная от комитетов и кончая фабричными группами, цеховыми союзами, студенческими кружками!

Ленин.

1905 г.

Коммунистический союз молодежи только тогда оправдает свое звание, что он есть союз коммунистического молодого поколения, если он каждый шаг своего учения, воспитания, образования связывать будет с участием в общей борьбе всех трудящихся против эксплуататоров. Ибо вы прекрасно знаете, что, пока Россия остается единственной рабочей республикой, а во всем остальном мире существует старый буржуазный порядок, мы слабее их; что каждый раз нам угрожает новый натиск; что только, если мы научимся сплочению и единодушию, мы победим в дальнейшей борьбе и, окрепнув, станем действительно непобедимы.

Ленин.

1920 г.

* * *

Когда II Интернационал позорно провалился, когда официальная организация превратилась из пропагандистов международной солидарности в разжигателей национальной ненависти, из стража мирового мира в подстрекателей беспрерывных раздоров, из ударного батальона классовой борьбы в армию спасения классового мира, — тогда именно пролетарская молодежь, на ряду с женщинами, явилась спасителем чести социализма. Она в первый же день войны подняла знамя международной классовой борьбы и развернула его мужественно перед лицом всего мира.

Карл Либкнехт.

* * *

Рабочая молодежь является самой активной частью пролетариата. Важнейшей задачей коммунистических организаций молодежи является теперь неутомимая политическая агитация среди широких масс рабочих, организация и проведение политических выступлений, непосредственная борьба за коммунизм, участие в низвержении капиталистического строя и воспитание молодежи и женщин для коммунистического общества.

Программа КИМ.

МОЛОДЕЖЬ В ФЕВРАЛЕ.

Февральская революция и молодежь.

С беззаветной храбростью, насмехаясь над опасностями и смертью, вооруженные подростки, вместе с передовыми рабочими и солдатами, снимали с чердаков городовых, арестовывали пришибленных событиями сановников и выполняли самые разнообразные поручения партии большевиков. В эти дни подростки обнаруживали глубокие познания в истории революционного движения, и эти познания использовали под руководством партии в целях введения стихийного революционного движения в организованное русло.

На некоторых заводах предложения о возрождении Советов рабочих депутатов, по примеру 1905 года, исходили со стороны рабочего молодняка.

К чести рабочей молодежи, как неотъемлемой и энергичной части рабочего класса России, следует отметить, что она была самым яростным врагом буржуазного Временного Правительства. После Февральской революции эту борьбу молодежь уже вела организованным путем, создав свой собственный Союз молодежи, который через ряд названий, этапов, пришел к Ленинскому Коммунистическому Союзу молодежи.

Приезд тов. Ленина.

В апреле в Россию приехал тов. Ленин.

Молодежь явилась к вокзалу в большом числе, подчеркивая этим любовь к пролетарскому вождю.

Пункт Ленинских „Апрельских тезисов" — „не парламентская республика" — возвращение к ней от Совета рабочих депутатов было бы шагом назад, — „а республика Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов по всей стране снизу доверху" — был воспринят молодежью как цель ее ближайших достижений.

Удар за Ленина.

В то время, когда ропот недовольства у рабочих происходил под шум и грохот станков, на Невском с утра до вечера бродили толпами бездельники, сея клевету и ложь по адресу революционной партии и ее вождей.

С вызывающим видом там расхаживали довольно странные солдаты, обилие колец у которых и запах „Лоригана" выдавали их офицерское происхождение.

Очень часто оказывалось, что такой „солдат", завернув за угол или в подворотню, перевертывал погоны и появлялся уже поручиком или капитаном.

Лично мне довольно часто приходилось наблюдать такие изменения с „солдатами-хлеборобами" (как они себя рекламировали).

Там же, благодаря их участию, происходили возмутительные сцены травли большевиков.

Помнится мне несколько таких случаев.

После Февральской революции в привычку революционной молодежи Петергофского района вошли ежедневные вечерние сборища в райкоме партии.

Здесь мы после нудного грохота станков собирались, вели беседы на отвлеченные темы, вникали в смысл происходящих событий, коллективно мечтали о новом коммунистическом обществе.

А после пели, острили, хохотали.

И вот, в один прекрасный день, когда от звуков мощного Интернационала сотрясались стекла, в комнату вбежал товарищ, растрепанный, потный и с огромным синяком под глазом.

Компания посмотрела на его странный вид и расхохоталась.

Парень сконфузился и пробормотал:

— Это... на Невском. За... Ленина.

— Как за Ленина? Что такое? — вскочили все в недоумении.

— На Невском... товарища Ленина... шпионом называют... кто за него... того избивают... Ну вот и... меня!

Мы отчаянно возмутились и зашумели.

— На Невский! За Ленина! — раздался воинственный клич, и несколько человек, сбивая с ног обывателей, понеслись стремительно к трамваю.

На Невском, при выходе из трамвая, нам послышались какие-то неясные крики, затем аплодисменты, и через некоторое время показался торжественно убранный зеленью и материей грузовик, в котором сидела масса гимназистов с национальными флагами и плакатом „Война до полной победы".

Увидя ненавистных „барчуков", мы молчаливо сговорились глазами и, заправив в рот пальцы, свистнули.

Тотчас же послышался звук затрещины и исступленный крик:

— Мерзавец!

Мы оглянулись и увидели 16-летнего путиловца, который тщетно пытался что-то сказать.

Он шевелил, губами, открывал рот, но звук где-то застревал, и он только вдыхал воздух. Из глаз его катились крупные слезы. Около него стоял огромный верзила — матрос-гвардеец или гардемарин, изрыгавший проклятья и в пылу вторично занесший руку.

Не помня себя от негодования и бешенства, группа бросилась на него, но была предупреждена.

Заметивший, видимо, все происходящее, солдат подбежал к нему и наотмашь ударил моряка в лицо, и, когда тот от удара зашатался, солдат в ярости ударил его ногой в живот.

Верзила схватился за живот и бессильно прислонился к стене Публичной библиотеки, а солдат, воспользовавшись замешательством, прыгнул в проезжающий трамвай.

Мы успели также разбежаться.

Около ресторана „Квисисана" увидели толпу, в середине которой, горячо жестикулируя, разглагольствовал некий субъект пшютоватого вида.

Из любопытства мы остановились послушать.

— ... и вот этот несчастный Ленин из Германии приехал в запломбированном вагоне...

„Стой же! — подумал я. — Буду непонимающим простачком".

— А зачем он ехал через Германию? — простодушно спросил я, двигаясь в середину.

Пшют с пренебрежением посмотрел на меня, состроил презрительную гримасу, видя мой возраст, и собирался было отвернуться, как несколько человек (рабочих и солдат) воскликнули, поддерживая мой вопрос:

— Да! Да! Зачем он ехал через Германию?

Не отвечать „докладчику", вероятно, было неудобно, и, окинув меня уничтожающим взглядом, он раздражительно прокричал:

— Потому что ему запретили ехать через Францию!

— А это почему? — с самым наивным видом спросил я и увидел на некоторых лицах улыбку.

Быть „простаками" нас учил Вася Алексеев (вождь питерской молодежи в 1917 г)

— Вашу агитацию, — говорил он, — никто слушать не будет. Вы молоды. А вы тяните оратора (из наших противников) за язык, сбивайте его расспросами, чтобы он волновался и сел в лужу.

Я этого указания и придерживался.

— Что за скверный мальчишка! — вскипел пшют. — По той причине, что он был шпион!

— А доказательства? — возмущенно заорал я, еле сдерживаясь от желания ударить его по очкам. — Товарищ Ленин никогда свою совесть не продавал за деньги!

— Вот тебе, молокосос, доказательство, — злобно процедил кто-то, протягивая к моему носу довольно внушительный кулак.

Со стороны послышались звуки затрещин, крики: „Бей шпионов-ленинцев" и ответные. „А все-таки мы за Ленина".

То били товарищей Зернова и Устинова.

Не питая доверия к такого рода доводам и желая прогнать невольный трепет, вызванный солидным кулаком, я храбро заявил:

— Если в защиту вождя рабочие прибегнут к такого рода доказательствам, то вам иначе придется держать себя зде...

И не успел я окончить фразы, как почувствовал сильнейшую боль в груди от удара кулаком и отлетел к стене.

Апрельская демонстрация

В тот день, когда министр иностранных дел Временного Правительства Милюков в своей ноте подчеркнул незыблемость военных договоров, заключенных царским правительством с союзниками, рабочая молодежь безошибочно определила, как и чем на это ответить.

Пока на петроградских заводах по этому вопросу митинговали, во всех почти клубах молодежи красная материя покрывалась лозунгами:

„Долой войну".

„Мир хижинам — война дворцам".

„Мир без аннексий и контрибуций".

И в демонстрации молодежь шла впереди, криками подтверждая категоричность своих лозунгов.

А через несколько дней молодежь еще раз напомнила и Временному Правительству, и соглашательскому тогда ВЦИК'у об общих желаниях революционного народа.

Вследствие отказа владельцев некоторых предприятий улучшить экономическое положение подростков, в некоторых местах Петрограда вспыхнули забастовки.

Под давлением левых делегатов „Труд и Совет" согласился организовать юношескую демонстрацию с тем условием, что на знаменах (Шевцов предлагал выступить с синими) будут выставлены лозунги с требованиями: „6-часового рабочего дня и избирательного права с 18-ти лет".

Но в назначенный для демонстрации день получилась совершенно иная картина. Большинство районов к ВЦИК пришло исключительно с обще-политическими лозунгами, заимствованными у партии большевиков, чем весьма и весьма был озадачен „вождь революционной демократии".

Демонстрация подростков.

Не помню какого числа, рабочая молодежь всех районов Петрограда с красными знаменами пошла к Таврическому дворцу и организовала там митинг, на котором все речи ораторов сводились к требованиям: 6-часового рабочего дня и избирательного права 18-летним.

Удивительно кислое лицо было у Чхеидзе, председателя Всероссийского Исполнит. Комитета Советов, когда перед его глазами развевалось в воздухе черное знамя с лозунгом: „Мир хижинам, война дворцам!“ с изображением черепа с двумя перекрещенными под ним костями. Склонив голову набок и сделав приветливую мину, в напутствие нам Чхеидзе сказал:

Маленькие пролетарии, на ваших красных знаменах красуются лозунги демократии, но провести в жизнь эти лозунги в данный момент мы не можем, ибо Россия еще находится в процессе кровавой войны, и фронту, вашим отцам и братьям, нужны снаряды и патроны. Нужно подождать Учредительного Собрания, хозяина земли русской.

Демонстранты забушевали. Крики: „Долой войну!“, „Вся власть Советам!“ покрыли речь Чхеидзе. Выбрали делегатов и послали их в Таврический дворец с требованиями, наспех написанными на скамейке прихожей дворца, к Скобелеву (министру труда). Демонстрация молодежи ожидала ответа. Выборных представителей молодежи Скобелев не принял, и молодежь разошлась по районам.

Июльские дни.

Серьезным экзаменом для рабочей молодежи явились дни 3—5 июля.

В середине июня, когда в ответ на стремление трудящихся закончить тяжелую империалистическую бойню Временное Правительство ответило подготовкой нового военного наступления на юго-западном фронте, огромная масса рабочих и солдат, открыто выражающих свое большевистское настроение, выступает на демонстрацию (18 июня) с требованиями:

„Долой войну!“

„Долой десять министров-капиталистов“.

„Вся власть Советам“.

В ответ на это Временное Правительство начинает наступление против австрийцев и, конечно, из-за нежелания солдат вести войну, а также по ряду причин военного характера, терпит жестокое поражение.

В целях укрепления своей власти, Временное Правительство ищет способа вызвать революционную массу на преждевременное выступление, провоцирует ее с тем, чтобы кровью залить его и предупредить гибельное для себя и победное для революции восстание.

Большевики были против восстания, считая его нецелесообразным, преждевременным. Но возбуждение солдат и рабочих было настолько велико, что никакие благоразумные призывы не помогли. Стихийно выросшее возмущение, которое еще больше увеличивалось провокацией правительства, арестовывавшего лучших руководителей рабочего класса, вылилось в восстании 3—5 июля.

Роль молодежи в этом восстании чрезвычайно велика. Например, на Путиловском заводе, где авторитет большевиков к этому дню был достаточно велик, часть рабочих готова была принять резолюцию большевиков о нецелесообразности выступления. Но молодежь освистала большевика, тов. Войцеховского, подняла невероятный шум, обвиняя его чуть ли не в измене делу революции, и своей горячностью заразила остальных рабочих.

Путиловцами решение о выступлении было принято, и в тот же день (2-го июля) под охраной вооруженных красногвардейцев они выступили на Невский и к Таврическому дворцу, где и ночевали на тротуарах до следующего дня.

Молодежь и партии.

По Петергофскому шоссе в небольшом здании приютился райком партии народной свободы, который мы захотели во что бы то ни стало выжить. За это дело взялся Зернов и Шурка Васильев (б. левый эс-эр, ныне член РКП).

Оба вооруженные кольтами они среди бела дня заходили к ним, брали бумагу, перья и уходя заявляли, что, в случае нужды в этих предметах, они „по-товарищески" зайдут еще.

Группа кадетов насчитывала человек 100. И вот в день собрания Зернов и Васильев заявились к ним, влезли за стол президиума и от имени Союза молодежи, под звук ударяемого о стол кольта, „приказали" разойтись. Громко возмущаясь, те разошлись.

В дни выборов в районные думы эти два парня целую ночь срывали списки и воззвания всех партий, за исключением большевиков, от Нарвских ворот и до Красного Кабачка (верст 5).

В другой раз они утащили оттуда тюк воззваний.

Кадеты-обыватели, боясь таких „гонений", скоро перестали туда ходить, а через некоторое время, к нашему злорадству и смеху, кадетский райком приказал долго жить.

Пакостили мы не меньше и соглашателям.

Помнится мне случай с эс-эрами. Как-то мы проведали, что в Петергофский районный комитет эс-эров приедет Камков (левый эс-эр) и один из правых для доклада по очень спорному вопросу.

Так как на охране у дверей стояли знакомые нам лица, то масса товарищей туда прошла беспрепятственно.

При выборе президиума мы сошли за равноправных членов партии, и почти нашими одними голосами туда были избраны левые. Во время доклада правого эс-эра, левые свистнули. Правая часть собрания набросилась на левую, и у эс-эров началась ссора. Скандал вышел огромный, а мы злорадно посмеивались.

В день демонстрации юношества, единственный наш район был под сенью ярко-красных знамен с лозунгами: „Мир хижинам — война дворцам", „Долой войну", „Война — войне!". И когда на эти знамена набросились юнкера, гимназисты, студенты, то мы не дали их изорвать.

Политическая работа заключалась в том, что четыре большевика из 11 членов райкома были крепко спаяны с молодежью.

Мы старались для докладов среди юношества меньше всего пускать лиц, принадлежащих к другим партиям.

Эс-эры, меньшевики и Зернов у нас были техническими работниками.

Кроме того, мы имели Васю Алексеева. Еженедельно он делал нам доклады по текущему моменту, я писал резолюции в большевистском духе, а эс-эры и меньшевики, ругая за это весь Союз самым неподобающим образом, отдаляли от себя молодежь.

Помимо этого мы вели и индивидуальные беседы по политическим вопросам, держа молодежь в курсе всех событий.

Нами заблаговременно доставалась большевистская литература, которую мы с большой настойчивостью и успехом распространяли среди молодежи.

Культурно-просветительная работа.

Лучше всего у нас поставлена была культурно-просветительная работа, идейным руководителем которой был Вася Алексеев, а лицом исполнительным, как ни странно, Зернов (анархист).

... Не менее двух раз в неделю читались лекции: по гигиене, технике, литературе и пр.

При этом должен отметить один характерный момент:

Приглашенный нами лектор (имя рек) по истории литературы оказался, к ужасу Васи Алексеева, не „марксистом".

Вызванные к Васе, я (большевик) и Зернов (анархист) нашли его взволнованным.

— Вы знаете, что пригласили лектора не марксиста? — закричал он в возмущении.

Будучи очень молодыми для того, чтобы разбираться в марксистской идеологии, мы все-таки по виду Васи, почувствовав, что совершили что-то ужасное, могли только прошептать:

— Да ну?

И после этого мы с Зерновым, прежде чем пригласить лектора, самым серьезным образом наводили справки: „марксист" ли он?

Как правило, лекторам мы не платили, да и они, обрадованные такой хорошей и восприимчивой аудиторией, какой была наша, денег не спрашивали.

Но лучше всего у нас был поставлен аппарат „приспосабливания" (как мы это называли).

В Петергофском районе не было ни одной лекции, постановки, где бы не давались места нашему Союзу.

Если что-либо устраивали партия большевиков или заводы, то билеты нам присылали или мы их выпрашивали.

А если что-либо ставили другие организации, то мы здесь не церемонились.

Если нас не впускали в помещение, то анархист Зернов брал на себя функцию дирижера — и начинался такой гранд-кошачий концерт, что двери растворялись самым гостеприимным образом.

По предложению Васи Алексеева, каждый активный член союза, работающий в заводах и фабриках, в случае устройства там митинга, обязан был заблаговременно известить райком, чтобы мы имели возможность под тем или иным предлогом двинуть туда молодежь.

Излюбленным заводом был у нас Путиловский. Узнавая заранее о митинге, мы со всех заводов сзывали комсомольцев и рассаживали их на крыше конторы, находящейся рядом с трибуной.

При этом Вася Алексеев обычно становился на трибуне, а мы с Зерновым садились на трубе и зорко посматривали на Васю.

И вот, когда во время речи большевика Вася утирал нос, мы с Зерновым подавали команду, а остальные комсомольцы солидно хором подтверждали:

— Правильно! Верно!

Во время же речи соглашателя, нахлобученная на глаза шапка Васи служила нам разрешением начать концерт.

Часть ребят самыми скверными голосами заводила бесконечную:

... Ночь пройдет, настанет утро,
Пройдет утро — будет день...

Другая же часть „загоняла свистунов". Заправив в рот пальцы, мы свистали, не взирая на то, что на крышу сыпались гайки, камни и снизу посылались нам угрозы. Нам ли сдаваться?

Очень часто к нам подсаживались и взрослые (анархисты, большевики), сообщавшие, в каких местах речи оратора нам следует громче или аплодировать, или свистать.

И только однажды с нами случился грех! Перед выступлением на Невский 3 июля, мы освистали большевика т. Войцеховского (путиловца), старавшегося удержать рабочих от этого выступления.

Вечерами у нас была другая работа. Мы отправлялись на Невский для агитации. Собирались в райкоме и толпой направлялись в центр, где, выбрав группу солдат, обрабатываемых соглашателями, старались им противодействовать.

Вечера в большинстве случаев у нас оканчивались печально. Нас избивали и ночевать отправляли в участок.

Но это ничуть нас не смущало. На следующий день мы вновь были на Невском, не сомневаясь, что и сегодня будем избиты.

В демонстрациях мы были также первыми и грудью защищали большевистские знамена.

Получив воззвания большевиков, мы варили клейстер, брали кисть и направлялись под охраной молодежи „гулять". Первый мазал клейстером стену, второй наклеивал воззвание, третий

его расправлял, а остальные очищали забор от воззваний других партий.

Воззвания мы разносили по мастерским, подбрасывали к станкам; лучших распространителей партия и желать не могла.

Заговор Корнилова.

26 августа 1917 г. реакционный генерал Корнилов выступил на Петроград с целью обезоружить питерский революционный гарнизон и разогнать Советы.

Так как генерал Корнилов угрожал также и существованию Временного Правительства, оно вынуждено было объявить его мятежником и на борьбу с ним призвать рабочих и солдат.

В этом проглянула также и боязнь Временного Правительства, что, недостаточно решительно реагируя на наступление оголтелой контр-революции, оно окончательно скомпрометирует себя в глазах трудящихся.

Все революционные силы были в боевой готовности для оказания генералу Корнилову самого серьезного противодействия.

Часть рабочих и молодежи, объединенных в отряды Красной гвардии, занимала места на подступах к городу, другая часть опоясывала город и рабочие районы сетью колючей проволоки, третья работала по созданию траншей и окопов.

Но молодежь также разлагала и войска генерала Корнилова большевистской агитацией.

Помнится, как в дни корниловского мятежа Нарвско-Петергофский комитет социалистического союза рабочей молодежи, санкционировав поступление в Красную гвардию большого количества рабочей молодежи, постановил направить на станцию Вырица, где расположились корниловские войска, для ведения среди них агитационной работы несколько человек.

Выделенные товарищи, около десяти человек, несмотря на опасность пребывания в этом контр-революционном гнезде, ухитрились сделать очень многое.

Во-первых, они вели большевистскую пропаганду среди местных крестьян, затем агитировали среди корниловских войск, хотя это было сопряжено с чрезвычайными трудностями. Большинство расположенных в Вырице солдат состояло из чеченцев, ингушей и других кавказских народностей, плохо владеющих русским языком.

Агитационная группа имела связь с райкомом, который пересылал туда большевистскую литературу, листовки.

На эту работу было потрачено несколько дней, израсходованы на проезд и питание собственные деньги, а в то же время их командировка на заводе была сочтена администрацией за прогул и не оплачена.

Эта же группа прогуляла и еще несколько рабочих дней, потратив время на хождение по району с ведром краски и на украшение заборов надписями: „Голосуйте за большевиков".

Хвостики.[1]

15-е октября — день демонстрации. Бодрое, ласкающее солнце. С раннего утра стекаются к сборным пунктам девушки и юноши. — „Ведь предупреждали, что могут быть выстрелы, откуда же такая отвага. И сколько девушек-работниц! Неужели и они у нас такие храбрые?". „Нашей ли рати бояться призрачной силы царей", — ответом несутся мощные звуки молодых голосов. Выстраиваемся стройными колоннами. Двигаемся. Сотни юношей и девушек со сверкающими радостью лицами, десятки алых знамен с задорно-юными лозунгами: „Трепещите, тираны, юный пролетарий восстал против войны!", „Война войне!". „Миру дряхлому ли спорить с нами, юными, вперед!". А по тротуарам, цепью, вокруг юных демонстрантов мрачные фигуры взрослых рабочих. Это — красногвардейцы. Их послали комитеты партии охранять рабочую молодежь.

— Спокойно идите, хвостики (так называли членов союза взрослые партийные товарищи). Мы вас в обиду не дадим! Вы — наше будущее!

— Мы и сами сумеем за себя постоять, — обижаются хвосты.

Шумно и бодро идут демонстранты. Недоумевающие, перекошенные злобой взгляды буржуазии, но даже она поражена величием юности, даже у нее не хватает духа остановить молодой бурный поток. На Красной площади сливаются все районы. Юноши и девушки радостно приветствуют своих товарищей из других районов. Мощные звуки „Интернационала" несутся над толпой. Вся Красная площадь запружена демонстрантами. Идем к Скобелевской площади. На балкон совета выходят перепуганные меньшевики и эс-эры. Предлагают разойтись. Молодежь не слушает, повернулась спиной к соглашателям, радостно бросается навстречу выходящим из „Дрездена" представителям МКРСДРП (б).

Бурно, радостно встречает молодежь речи рабочих представителей.

Кончился митинг. С пением „Красного Знамени", „Кузнецов" молодежь расходится по районам.

Назавтра в буржуазных газетах следующая заметка:

„Маленькая кучка большевиков, в числе 5000, устроила демонстрацию против войны. Демонстрация носила мирный характер".

Буржуазия притворилась непонявшей значения протеста рабочей молодежи.

Но пролетарская масса и партия большевиков услышала боевой пламенный клич юных пролетариев. Через десять дней после демонстрации, когда большевики объявили войну — войне, красная молодежь вся была с ними.

---

[1] Шуточное прозвище московских комсомольцев.

В КРАСНОЙ ГВАРДИИ.

Создание Красной гвардии.

Февральская революция свергла царский режим. Власть перешла в руки буржуазии. Страной стали править Милюков, Гучков и прочие буржуазные вожди, тактика которых заключалась в том, чтобы одурманить рабочий класс, чтобы отвлечь его от его прямой революционной борьбы.

Но сознательная часть рабочего класса знала, что только вооруженной борьбой можно свергнуть буржуазию и что только после этого будут достигнуты те цели, за которые она боролась.

Сразу же после февраля рабочие промышленных городов России, во главе с Питером и под руководством большевистской партии, начали готовиться к борьбе и собирать свою вооруженную силу.

Такой силой была Красная гвардия. Она организовалась из лучших революционных солдат старой армии, из лучших моряков старого флота и рабочих фабрик и заводов.

Уже в апреле месяце 1917 года в Петрограде вырабатывается определенный план, как организовывать отряды Красной гвардии. С апреля же месяца решено было приступить к организации красногвардейских отрядов в наиболее революционных районах Петрограда: Выборгском, Нарвском и Невском.

С этого же приблизительно времени начинается агитационная работа в более революционных частях Петроградского гарнизона, значительная часть которого потом переходит в ряды Красной гвардии.

К июльскому выступлению число вооруженных рабочих-красногвардейцев по районам достигает 10 000 человек, а в армии, среди солдат и матросов — 20 000 человек.

В августе месяце в Питере создается Главный штаб Красной гвардии, который берет на себя руководство дальнейшим формированием красногвардейских отрядов и обучением красногвардейцев.

В половине сентября количество обучающихся военному делу отрядов по фабрикам и заводам достигает 80-ти.

Весь рабочий Петроград поднимается на ноги. Многие фабрики и заводы дают огромное число рабочих и молодежи в гвардию.

К октябрю петроградские рабочие представляют собою внушительную боевую единицу, готовую побеждать.

На ряду с революционным Питером вооружаются рабочие и других городов.

В Москве красногвардейцы организуются почти сразу же после Февральского переворота. Пресня, Лефортово, Сокольники и другие районы приступают к организации отрядов. Московские рабочие, наученные горьким опытом разгрома 1905 года, понимают всю необходимость вооружения. К октябрю Красная гвардия в Москве формируется окончательно.

На Урале, где рабочие выявили особенную революционность, красногвардейские отряды начинают организовываться в июне 1917 года. Они организуются под непосредственным руководством партии, и в этом их особенное отличие от тех красногвардейских отрядов, которые организовались и руководились Советами, тогда еще довольно непрочной и колеблющейся организацией. В отличие от других, уральские красногвардейские отряды называются „боевыми организациями народного вооружения".

На Донбассе первые отряды организуются в октябре месяце; на ст. Юзово гвардия организуется в виде обязательной для рабочих милицейской заводской службы. За юзовскими рабочими пошли десятки других рабочих Донбасса, организуя десятки новых отрядов.

В Таганроге организуется интернациональный отряд Красной гвардии из пленных чехов и немецко-австрийской роты, показавшей потом в боях свою стойкость, выносливость и дисциплинированность.

В Одессе, летом 1917 года организуются местные отряды из фабричных, заводских и портовых рабочих, и совершенно обособленно — Интернациональная Красная гвардия из австро-германских военнопленных и китайцев, стоящих на платформе защиты Советской власти. В Одессе организуется также красногвардейский отдельный отряд молодежи, в который входят кроме рабочей молодежи и лучшие революционные солдаты одесского гарнизона.

В Харькове, Киеве, Екатеринославе, Херсоне, Иваново-Вознесенске, во всех крупных промышленных городах рабочие и солдаты организуются в красногвардейские отряды.

Рабочая молодежь и Красная гвардия.

С первых дней переворота наши товарищи — рабочая молодежь, несмотря ни на какие физические трудности, исполняют свой революционный долг в рядах пролетарской Красной гвардии и санитарных отрядах. И искренне поражаемся той силе воли, храбрости, бодрости и энтузиазму, которыми отличаются наши товарищи в борьбе и сражениях за пролетарские идеалы против войск, обманутых авантюристом Керенским.

Рабочая молодежь не умом, так сердцем чувствует, что переход власти к Советам Рабочих и Солдатских Депутатов знаменует собою конец гнилых коалиций с буржуазией, конец буржуазно-империалистической политики в отношении мира, конец диктатуры Керенского — диктатуры „крови и железа".

Рабочая молодежь прекрасно понимает, что за 8 месяцев соглашательской, губительной для страны политики, Россия оказалась приведенной к полной хозяйственной экономической и финансовой разрухе и что для ее спасения необходимы решительные и героические меры, необходима твердая революционная власть.

Рабочая молодежь понимает, что только власть Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, опирающаяся на рабочий класс и беднейшее крестьянство и выражающая их свободную и непреклонную волю, сможет повести решительную борьбу за мир при полном сочувствии международного пролетариата, сможет дать землю исстрадавшему крестьянству, провести рабочий контроль над производством и сумеет заставить подчиниться этой воле имущие классы.

Вот почему наши юные товарищи, сознавая все это и сразу оценив свою пользу общему делу пролетариата, смело и радостно ринулись в ряды Красной гвардии.

В Красной гвардии.

Целый ряд разбросанных документов, рассказов, фактов, освещают участие рабочего молодняка в Красной гвардии.

Особенно нужно отметить в этой главе ту крупную роль, которую сыграл в Красной гвардии петроградский, московский и украинский Комсомол (в то время он еще назывался социалистический союз молодежи).

С самого начала формирования Красной гвардии в Петрограде мы имели почти поголовное участие в ней рабочей молодежи. В отряды, организующиеся на фабриках и заводах, вливается вся рабочая молодежь, способная носить оружие. На заводе „Новый Парвиайнен" из общего количества рабочих красногвардейцев, 370 человек, мы имеем 63 человека молодежи.

На „Новом Лесснере" из 267 вооруженных рабочих — 49 человек рабочего молодняка.

На одном из заседаний Выборгского района было вынесено постановление об организации отрядов Красной гвардии из рабочей молодежи.

Для формирования этих отрядов т. Н. К. Крупская предложила соответствующую инструкцию, которая и была одобрена районом.

Двум членам райкома, т.т. Егорову и Бурмистрову было поручено формирование этих отрядов и выдано соответствующее удостоверение. [1]

---

[1] Из материалов Ленинградского Истмола.

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ
ЮНОШЕЙ
Выборгского района.
№ 614.
17 августа 1917 г.

Копия.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дано сие Бурмистрову, Павлу и Егорову, Сергею для организации Красной гвардии по заводам ЛЕСНЕР, СТРУК, ЭКВАЛЬ, ПУЗЫРЕВ. По инструкции Крупской.

О всем доносить Президиуму Исполнительного Комитета.

Председатель: *Кузнецов.*

Путиловская молодежь на одном из своих собраний, 2-го августа 1917 года, обсуждая текущий момент, посылает свой привет вождям большевистской партии и решительно протестует против той травли, которую раздувает Временное Правительство против большевиков и передовых рабочих. Она требует, чтобы немедленно были выпущены все политические заключенные-большевики, которых заперло и изолировало от революционной борьбы правительство Керенского. В своей резолюции путиловская молодежь заявляет:

„Мы, юноши, наученные горьким опытом своих отцов, как опасно брататься с буржуазией, заявляем, что страшен будет тот час, когда мы, юноши, для спасения революции выйдем на улицу и своими молодыми руками уничтожим тех паразитов, которые живут потом и кровью трудящихся“. [1]

После этого масса путиловской молодежи вливается в красногвардейские отряды при своем заводе, а также и в целый ряд других отрядов Нарвского района.

Выборгская рабочая молодежь еще до октября 1917 года вместе со взрослыми рабочими почти вся вступает в ряды Красной гвардии и вместе с ними принимает участие в вооруженной борьбе. А в ночь под 24-е октября вооруженная, организованная, она вместе с „выборгскими“ рабочими собирается в здании Михайловского артиллерийского училища, чтобы отсюда организованно выступить на другой день — 25-го октября.

Мы видим, что питерская революционная молодежь является одним из основных звеньев Красной гвардии. Полная молодого энтузиазма и революционного духа, она выдвигается вместе с рабочими на передовые позиции гражданской войны. Будучи в Красной гвардии, члены питерского Союза и там ведут серьезную организационную работу. Так, например, отряд красногвардейцев выбирает в районный штаб своим представителем члена союза т. Васю Соколова. Васе выдано такое удостоверение:

[1] Из материала Истмола.

ШТАБ
Красной гвардии при Выборгском
Районном Совете Рабоч. и Солдат.
Деп. Лесной пр. д. 13-8.
Петроград.
№ 2461.

В Заводский Комитет Завода Ст. Барановский.

Штаб Красной гвардии имеет честь довести до вашего сведения, что т. Соколов (Василий)—выбран конференцией Красной гвардии Выборгского Района в члены штаба.

Обращаемся к вам с просьбой оплачивать его труд по работе в штабе, т. к. тов. занят там ежедневно.

Председатель штаба (подпись).
Секретарь (подпись).

24/XI — 1917 г.

На защиту Питера.

В феврале, когда Петрограду начинает грозить своим наступлением германская армия, Петроградский Комитет ССРМ бросает призыв к революционной молодежи—встать на защиту революции. Он постановляет организовать еще новые отряды Красной гвардии из рабочей молодежи и двинуть их на фронт. В ответ на это постановление почти все члены Союза от рядовика и до активиста охотно пополняют ряды Красной гвардии. Весь Петроградский Комитет Союза одевает серые шинели, вливается в красногвардейский отряд, организованный при нем, и отправляется на фронт к Гдову. Некоторые товарищи направляются на Финляндский фронт против наступающих на Питер бело-финнов. Вся организация революционного Союза молодежи идет на защиту революции от ее врагов. Петербургский Комитет Социалистического Союза Рабочей Молодежи организует свой отряд в количестве 150 человек со своим командиром и посылает его на защиту Питера от надвигающихся германских юнкеров.

Тревожные дни.

...Пришли тяжелые вести о падении Пскова и движении германцев к Питеру. Всю ночь тревожно гудели сирены на петроградских заводах. На следующий день происходила спешная мобилизация рабочих. Формировались отряды навстречу неприятелю. ПК Союза немедленно собрался, принял соответствующую моменту резолюцию и призвал молодежь записаться и организовать партизанский отряд имени союза. Призыв нашел живой отклик.

В первые же дни записались в отряд поголовно все еще не уехавшие на фронт работники районных организаций, и через несколько дней (1 марта) сформированный отряд во главе с Петроградским Комитетом Союза отправился на Гдовский фронт.

В Питере рабочие продолжали мобилизоваться. Почти вся молодежь записывалась в Красную армию и отправлялась на борьбу. Всюду была тревога, некогда было думать о культурно-просветительной работе. Помещения районных комитетов союза и клубов были закрыты. Деятельность союза на время замерла.

Победа молодежи.

Это было за несколько дней до декабрьских боев 1917 г. Дружина молодежи в эту ночь несла охрану Красной гвардии. Посреди глубокой ночи раздался призыв „к оружию". Взволнованный т. Урицкий сообщил, что сейчас нам предстоит первое боевое крещение и что для этой цели необходимо 20 охотников. Охотниками оказались все, и потому по выбору т. Урицкого и т. Учителя были выделены 20 человек. Задача заключалась в следующем: гайдамаки, чувствуя назревающие события, под прикрытием конницы, под носом Красной гвардии, вооруженные до зубов, пытались вывести из гаража, по Софиевскому пер., находившиеся там автомобили. Эти автомобили нужно было отбить у гайдамаков. Рассыпавшись цепью, мы, на углу Софиевской и Конной заметили движущиеся тени автомобилей. Точно электрический ток ударил по всем дружинникам, и, не сговорившись, из 20 глоток вылетело могучее: „Стой".

Этот возглас был настолько решителен и неожидан, что почти решил судьбу дела. Опешившие в первую минуту, гайдамаки быстро пришли в себя, выскакивая из автомобилей, пытались оказать сопротивление, но окруженные со всех сторон дружинниками не могли ничего предпринять и вынуждены были сдаться. Конечно, не обошлось без курьезов. Помнится, как в пылу разоружения некоторые дружинники сгоряча сносили все оружие на руки т. Урицкому, и у последнего за плечами на руках оказалось довольно большое количество винтовок и шашек. Вследствие такого „вооружения" т. Урицкий чуть не погиб.

Одному из гайдамаков удалось спрятаться за автомобиль, и, когда т. Урицкий, заметив его, пытался обезоружить, последний, видя его положение, вместо сдачи оружия, прицелился винтовкой прямо ему в грудь. И только вмешательство наше и т. Учителя спасло положение.

В результате схватки — 27 пленных гайдамаков, такое же количество трехлинейных винтовок и сабель и несколько „наганов".

Впервые часть дружинников стала обладателями годного к употреблению оружия, авторитет дружины был сразу упрочен.

Уральская сотня.

Последние числа февраля — первые числа марта 1918 года. Впервые раздается громкий, тревожный революционный набат по склонам и отлогам Уральских гор, призывающий уральских рабочих в ряды революционной Красной гвардии.

Впервые начинается лихорадочно-спешная организация боевых отрядов революционных уральских пролетариев для непосредственного боевого участия в защите пролетарской революции. Впервые по заводам пролетарского Урала прокатывается неудержимая волна добровольной записи в ряды рабоче-крестьянской Красной гвардии — для защиты прав трудового народа...

Это восстал против власти трудящихся полковник Дутов со своими белогвардейскими бандами оренбургских казаков. Это в грозном поединке скрещивается оружие революционных рабочих и крестьян Урала с оружием непримиримых врагов пролетариата— офицеров и зажиточного казачества.

Рабочие быстро вооружаются и устремляются дружными рядами на защиту Красного Урала. С ними идет и пролетарская молодежь.

Созданный тогда уже Уральский Областной Комитет Социалистического Союза рабочей молодежи 6 — 7 марта объявляет добровольную мобилизацию членов Союза на Дутовский фронт, телеграфно сообщает об этом в местные организации, и к 9 марта в сердце Красного Урала—Екатеринбурге—съезжаются до 80 членов Союза из Мелинского, Новомелинского, Теплогорского и целого ряда других заводов, к ним примыкают до 50 членов ССРМ Екатеринбургской организации из созданного заранее отряда Красной гвардии, при ней, таким образом, в два — три дня готова первая сотня боевого отряда Социалистических Союзов рабочей молодежи Урала. 9 марта сотню обмундировывают, вооружают, 10 вся она идет за город на пробную стрельбу и 11 марта под боевым лозунгом „смерть или свобода“ уезжает на фронт.

И тут на безлесных, снежных громадных степях Оренбургской губернии лучшая, сознательная часть пролетарской молодежи Урала получает боевое крещение. Вместе с другими сотнями взрослых рабочих она делает 25 — 30-верстные переходы в день по глубоким снежным сугробам, участвует во всех возникающих стычках, перестрелках и боях, выполняет серьезные разведочные задания. Главные силы Дутова в то время были сконцентрированы в Верхнеуральске, и отряд из 4 дружин, в котором находилась наша сотня, сразу же по приезде получает задание взять его. Через несколько дней стоянки в Троицке, во время которых велась подготовка, отряд выступает в Верхнеуральск. Первый ружейный и пулеметный огонь сотне пришлось услышать в станице Сухтемек, в 75 верстах от Троицка и в 50 верстах от Верхнеуральска.

Из Сухтелей отряд, по некоторым соображениям, должен отойти обратно к Троицку. Во время этого отступления сотня выполняла задания прикрытия артиллерии, обоза и т. д. В девятнадцати верстах от Троицка, на Черной речке, пользуясь присутствием неподалеку леса и выгодной природной позицией, белогвардейцы-казаки напали на нас с диким гиканьем.

Наш отряд был раскинут в цепь и повел энергичный обстрел по нападающим казакам; благодаря вскоре подоспевшей артиллерии и сильному огню, развитому ею через 1—2 часа, нападавшие были рассеяны. В Троицке отряду, приготовляясь к будущим походам, пришлось задержаться почти на целую неделю.

Этим воспользовалась немногочисленная кучка малодушных и дезертировала с фронта. Впоследствии эта уехавшая часть постановлением Областного Комитета ССРМ за дезертирство с фронта была исключена из членов ССРМ.

Сотне было дано задание очистить один из жел. дор. мостов, неподалеку от Троицка, от пироксилиновых шашек, которые были подложены белогвардейцами. Сотня погрузилась на бронированный поезд, представлявший собою обыкновенные вагоны-платформы с большими тюками из шерсти, положенными по их краям, и двинулась выполнять это задание. При подъезде к мосту поезд стали сильно обстреливать залегшие вблизи банды дутовцев, так что сотне пришлось под огнем слезать с поезда на землю, разбиться на две группы, одна из которых пошла цепью в наступление на обстреливающих, другая же осталась работать. После большой перестрелки первая группа, совместно с конными разведчиками, разогнала небольшие части обстреливающих, вторая же за это время успела очистить мост.

Последняя крупная схватка с Дутовым произошла под станицей Бриентской, к которой отряд подошел в одну из апрельских ночей.

Станица была обложена цепью с трех сторон, четвертая сторона случайно осталась открытой. Перед утром отряд, открыв артиллерийский огонь, повел внезапное наступление на станицу, с целью захвата в плен Дутова с его бандитами.

Дутовцы успели проскользнуть. После этого все усилия отряда догнать остатки дутовцев оказались тщетными, они сумели уйти глубоко в Тургайскую область, где преследование оказалось невозможным.

Таким образом, развязка с белогвардейской дутовской кампанией быстро пришла к концу, и отряд, а с ним и сотня, первого мая 1918 года вернулась в Екатеринбург, где и была распущена, оставив по себе громкую, неувядаемую славу.

ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ.

Октябрьские дни.

Когда между Временным Правительством и Петроградским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов возник конфликт из-за желания первого вывести на фронт две трети революционных солдат питерского гарнизона, большевиками это было оценено, как попытка ослабить Питер от лучших и боевых сил.

Считая такое требование угрозой революции, Совет, возглавляемый большевиками, создает Военно-Революционный Комитет, фактически являющийся революционным штабом, ведающий вооружением рабочих, контролем над воинскими частями и т. д.

Под руководством Военно-Революционного Комитета ведется открытая подготовка вооруженного восстания, и атмосфера поэтому стала чрезвычайно сгущенной. Непосредственной причиной, ускорившей развязку, явилось столкновение ВРК со штабом Петроградского Округа, когда последний отказался признать комиссаров ВРК, высланных для контроля в части округа.

23 октября на заседании Петроградского Совета была принята резолюция, в которой штаб округа объявляется контр-революционным и где предписывалось воинским частям выполнять только те приказы, которые снабжены подписью Военно-Рев. Комитета.

В ответ на это со стороны правительства посыпались никого не пугающие угрозы, а затем была совершена попытка двинуть с фронта на Петроград солдат. Но это распоряжение не было выполнено и тогда на помощь были вызваны юнкера.

Одновременно правительство отдало распоряжение о закрытии большевистских газет „Солдат“ и „Рабочий Путь“ и выключении Смольного из телефонной сети.

Военно-Революционный Комитет быстро ликвидировал все угрозы. Типографии, где печатались газеты, работали под охраной верных большевикам солдат, а вооруженными красногвардейцами и солдатами была занята телефонная станция.

Восстание началось...

25 октября был взят Зимний дворец, где заседало Временное Правительство, и в этот день тов. Ленин, скрывавшийся до этого момента в подполье, заявил на заседании Петроградского Совета:

„Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась“.

Роль молодежи в Октябрьской революции.

Когда конфликт между правительством и Советом привел к организации Военно-Революционного Комитета, молодежь составляла в то время самый активный кадр его работников.

Молодежь ездила на грузовиках и подводах за винтовками, требуемыми рабочими на заводах. Ею была налажена служба разведки. Молодежь, применяя все способы, даже самые рискованные, проникала в юнкерские училища, следя за каждым шагом юнкеров. Она строго охраняла город от преступного элемента.

Молодежь стойко, бесстрашно, с презрением относясь к смерти, наступала на защитников старого,—московских и петроградских юнкеров.

Сколько неокрепших и молодых, сердца которых в Октябрьские дни так горячо, так пламенно бились на улицах революционных городов, падало от белогвардейских пуль, не увидев торжества той власти, ради которой отдали они свою жизнь.

Октябрьские дни показали еще раз рабочему классу ту самоотверженность, героизм молодежи, которые она способна проявлять в борьбе за идею восставшего народа.

И в последующие дни, дни ожесточенной гражданской войны, в дни величайшего напряжения всех сил борющегося пролетариата, молодежь оправдала призыв и надежды тов. Ленина.

Свою самоотверженность она доказала бесчисленными примерами на всех фронтах гражданской войны.

Дни восстания.

В ночь на 24 октября 1917 года вооруженная „выборгская" Красная гвардия собралась в здании Михайловского артиллерийского училища на Симбирской улице (ныне „Красное Зало").

Поздно ночью шли мы с отрядом красногвардейцев в Выборгский районный совет.

Нас остановил окрик:

— Стой! Кто идет?

— Красный... (условный пароль).

Гордо зажав винтовку в руке, освещенный тлеющим костром, стоял тов. Александров (он погиб под Псковом весной 1918 г.,— рабочий-юноша завода „Арсенал").

— Слушай, что нового?

— Пойдете к товарищу Антюхину, он вам даст работы.

Во втором этаже училища, несмотря на позднее время, было оживление.

Вооруженные рабочие с громадным процентом молодежи в своих рядах, в разнообразных рабочих костюмах, нервно расхаживали по большим залам училища.

По возбужденным лицам и воспаленным от бессонницы глазам можно было определить их настроение.

Облака махорочного дыма застилали свет электрических лампочек.

Группа молодежи, окружив деревянную лошадь, служившую юнкерам гимнастическим предметом для изучения посадки на лошади, хохотала над двумя молодцами, угнездившимися на спине лошади и изображавшими собою лихих казаков.

Казалось, весь союз рабочей молодежи Выборгского района присутствовал на этом вооруженном сборище.

Василий Соколов (член районного комитета ССРМ), словно утка переваливаясь с боку на бок, занимался шагистикой, а горячий по темпераменту Кузьма Романов, прозванный в районе „деткой", отрывисто командовал, выкрикивая: „Подбери живот!", „ногу!".

Борис Шишкин (член Выборгского районного комитета ССРМ) раздавал патроны, а группа взрослых рабочих в левом углу зала набивала патроны в пулеметную ленту.

Шум, смех, топанье ног и щелканье затворов винтовок мигом прекратились, когда тов. Артем (рабочий завода „Новый Парвиайнен") закричал:

— Эй, парвиайненские красногвардейцы, ко мне!

Костя Сурков, Семчуков (оба члены Выборгского комитета ССРМ) и я (остальных не помню) пошли в наряд для охраны районной Выборгской продовольственной управы (на Большом Сампсониевском пр.)

Среди ночной тишины огромного города редко слышались одиночные выстрелы да шум быстро едущего автомобиля.

В домах было темно.

Лишь через каждые десять минут слышались окрики:

— Куда? Эй, Костька! Сашка! Сенька!

И ответы: „По делу".

Мерно ходили по улицам патрули, перекликаясь с вооруженными отрядами рабочих, идущими к районному совету.

В помещении продовольственной управы нас весело встретил наш, большевик Л. М. Михайлов.

Его седая голова была очень встрепана; вероятно, он целую ночь думал о том, что Выборгскому району вот уже двое суток Центральная продовольственная управа не давала хлеба.

— Ну, ребятки, не спите, — сказал он нам и, указав на посты, удалился в одну из комнат управы.

Пасмурное петроградское утро не обещало хорошей погоды, кучевые облака быстро ползли по небу, когда, сдав караул новой смене, мы возвращались в юнкерское училище.

Поставив к стене винтовки и сбросив „присягу" (так мы называли патронташ, одевавшийся через плечо), мы, усталые, тут же на полу завалились спать.

Даже призывы обедать (хотя мы и были очень голодны) не могли разбудить нас.

К вечеру, примерно в 4 часа, наш безмятежный сон был нарушен криками:

— Эй! Вставайте! Нужно итти к Зимнему!

В большой комнате, где спали на полу ночные патрули и дозоры, слышались крики:

— На Зимний! На Зимний!

Впопыхах, еще не разобравшись в чем дело, наскоро одеваясь и пихая в рот пайковую остывшую, оставшуюся от обеда, кашу, мы быстро построились в ряды.

Ни до правильности рядов, ни до выравнивания штыков никому никакого дела не было.

Пошли и заговорили:

— Временное Правительство в Зимнем под охраной юнкеров и женских батальонов заседает.

— Хотят арестовать Совет Рабочих Депутатов и не открывают его съезда.

— Совещаются и вызывают войска для подавления движения и не согласны передать власть Советам.

Зачем идут говорящие, это можно было прочесть на их усталых лицах. На этих лицах было как-будто выжжено: „Вся власть Советам!“

На Литейном мосту ни одной „крахмальной“ души, только группы вооруженных солдат и рабочих спешили по направлению к Зимнему.

Прямой длинный Невский проспект был наполнен вооруженными рабочими.

Некогда было разговаривать со встречавшимися знакомыми.

Так прошли мы Невский и влились в общую группу вооруженных матросов, солдат и рабочих, толпившихся у арки на Морской улице.

— Ну что? Как дела?

— Сейчас итти нельзя, нужно выждать время.

Вечерело...

Сначала перестрелка слышалась редко, затем все чаще и чаще, сливаясь с таканьем пулеметов. Слышались крики: „ура!“.

Шум, движение вперед, и через минуту все снова шарахалось к стенам домов.

Нетерпение, нервность и досада четко вырисовывались на лицах рабочих.

Задорная молодежь кипела нетерпением и рвалась на площадь к дворцу.

Выстрелы с „Авроры“ вывели рабочих из нерешительности, и они двинулись ко дворцу с криками „ура“, и Зимний был окружен.

Вот и пленные.

— Ребята, не трогай их, не обижай! Веди, куда следует, — слышались голоса рабочих.

Рабочая молодежь, получив винтовки, уже не выпускала их из своих рук.

На Большой Гребецкой улице вскоре она вместе с рабочими дала новый бой юнкерам.

Петроградский Комитет ССРМ, большинство членов его, организовав в районах группы революционной молодежи, влился в ряды Красной гвардии.

В Выборгском районе, для объединения отрядов Красной гвардии в целое, был сформирован 1-й маршевый батальон под командой тов. Воробьева.

В Московском зап. пех. полку производилась запись в Красную гвардию, и всюду-всюду рабочая молодежь свою судьбу соединяла с судьбой революции. Многие из них погибли. Помню, что на Колпинском фронте погиб 28 октября 1917 года активный работник Московского района тов. Такмак. В Московском районе молодежь также, влившись в ряды Красной гвардии, храбро сражалась на революционных аванпостах.

Власть укрепилась в руках Советов... Вооруженная молодежь, разойдясь по заводам, стала готовиться ко 2-й конференции своего Петроградского Союза...

Борьба с саботажем.

ПК Союза мобилизовал активных работников членов Союза молодежи и послал их на места саботирующей интеллигенции.

Так, например, Центральная страховая касса, где чиновники, науськиваемые меньшевиками и эс-эрами, бросили работу и присоединились к саботажу, оказалась в руках членов Петербургского Комитета, который послал туда на работу 6 членов активных работников.

В Наркомпросе, в банках и других учреждениях саботирующие интеллигенты заменились рабочими и рабочей молодежью. Не выгорело. С глупыми лицами, канцелярские вояки с пуговичками на фраках и с петлицами на воротничках возвращались работать, но уже под контроль рабочих комитетов.

Октябрь в Москве.

Московский Октябрь, имевший гораздо больше Петроградского стычек с внутренней контр-революцией Москвы, является также хорошим выразителем того, как участвовала в нем рабочая молодежь. В нем тоже выпукло выявилась глубокая преданность революционному делу и смелая самоотверженность в борьбе, проявленная рабочей молодежью.

Когда наступили Октябрьские дни в Москве, весь Московский Союз Социалистической молодежи принимает активное участие в нем. Вся мужская часть Союза находится в рядах Московской Красной гвардии. Почти все девушки, члены Союза, мобилизуются в санитарный отряд, организованный Союзом молодежи „III Интернационал". Многие члены Союза во время боев захва-

тываются и арестовываются юнкерами, многие сражаются и падают на баррикадах Москвы. В эти дни весь Московский Союз представляет собой отряд Красной гвардии. Будучи подготовлена к борьбе целым рядом своих демонстраций и выступлений до Октября, рабочая молодежь Москвы твердо претворяет в жизнь требования рабочих и проводит в жизнь лозунги партии большевиков.

Во всех крупных боях московских рабочих с кадетами рабочая молодежь принимает активное участие. Она несет охрану города и является одним из средств связи между отдельными отрядами и частями города, часто отрезанными боями между внутренней контр-революцией и рабочими.

Когда „партия дала сигнал к восстанию", молодежь Московского городского района вместе со взрослыми товарищами ринулась в бой. Половина ее состояла в отрядах Красной гвардии. Из молодежи организуется перевязочный отряд. Через молодежь держится связь с Московским Советом. Молодежь агитирует солдат Спасских казарм, при участии которых потом был взят почтамт, и которые принимали активное участие в осаде Кремля. Организованный из молодежи, плохо вооруженный красногвардейский отряд, в первых числах октября ведет наблюдение за юнкерами, за их подготовкой к бою. 23-го октября, когда Октябрь вырисовывается перед рабочими во всей необходимости, когда рабочие всей Москвы лихорадочно готовятся к восстанию, молодые красногвардейцы городского района остаются в райкоме для несения караулов и разведки.

Пресненский рабочий молодняк тоже почти весь участвует в революции. В Предтеченском (помещение райкома) собирается много членов Союза, воодушевленных и желающих сражаться за власть Советов. Когда кадеты Алексеевского училища начинают наступление на Пресню, они отбиваются Красно-Пресненским отрядом, в котором насчитывается значительная часть молодежи. На Новинском бульваре разыгрываются горячие бои, в которых активно участвуют члены Союза. „Союзники" здесь дрались, как львы, отбивая каждую пядь земли у хорошо вооруженных и организованных юнкеров.

Варнашка.

(Картинка Октября.)

— Варнашка, живо слетай.

— Куда?

— В центр.

— Сейчас лечу.

Маленький тщедушный мальчик лет двенадцати выслушивает „приказание" и стрелой летит, не бежит, а летит по направлению к „центру"...

Темно... жутко, того и гляди из-за угла пристрелят. Варнашка, весь потный, бежит, боится, как бы не увидали белогвардейцы.

Увидят, пропало тогда все, пропали и бумаги, которые он несет в „центр“.

А бумаги-то, наверное, секрет.

Вдруг, к ужасу Варнашки, из-за противоположного угла выходят четверо юнкеров.

— Стой, мальчишка! — раздался страшный окрик.

Пропало все. И бумаги, и все. А дома мать больная, бедная, все молится богу об отце, о нем, Варнашке, а тут вот еще новости, пожалуй, еще пристрелят.

— Дяденька, пусти, — слезливо просит Варнашка, — я домой пойду!

— Погоди. Куда торопишься, успеешь.

— Ты куда ходил?

— Брось ты, Вадим. Ишь какой храбрец. Мальчишку поймал, расхрабрился.

Офицер окрикнул юнкера, который допрашивал Варнашку.

— Иди, — подтолкнул Варнашку юнкер, — только смотри, домой.

Варнашка бросился бежать по Большой Дмитровке и вместо дома побежал прямо в центр. Сдает доверенные ему бумаги и снова бежит с новыми бумагами в свой район.

Так выполнял незаметную, но полезную работу Варнашка.

Недавно встречаю мать его, больную женщину. Спросил про Варнашку.

Оказывается, ушел на фронт, и нет о нем никаких известий.

Октябрь на Дону.

Октябрьские дни Ростов переживает в ноябре.

Идет усиленная работа по формированию Красной гвардии, которая с каждым годом все растет и растет.

Союз принимает в этой работе самое горячее участие в дежурствах в штабе Красной гвардии, в Совете Раб. Солд. Депутатов.

В ночь на 26 ноября (по ст. стилю) буржуазия открывает военные действия против рабочего класса, напав на штаб Красной гвардии, помещавшийся в том же здании, где и Совет Рабочих и Солдатских Депутатов (в театре „Марс“).

Нападение произошло приблизительно через час после заседания Совета.

Пролилась первая пролетарская кровь. Убиты: член Совета т. Кунда, член штаба Красной гвардии т. Казберюк и несколько красногвардейцев, среди которых были и члены боевой дружины Социалистического Союза пролетарской молодежи.

Брошеный вызов буржуазией пролетариату был принят...

Начинается бой...

Активное участие в боях принимает молодежь: часть с винтовками, часть как братья милосердия, подростки—подносят патроны и воду пулеметчикам.

В этот момент все трусливое, мещанское, неспособное на борьбу и подвиги пряталось по домам, ожидая исхода этого неравного боя.

Все борцы пролетарские — на баррикадах.

Ноябрьские дни унесли много жертв рабочей молодежи, их имена будут известны рабочему классу; участие молодежи в ноябрьских боях, ее героизм будут занесены на красные страницы истории пролетарской революции.

Кадетская банда, восторженно встреченная буржуазией, 2-го декабря ворвалась в город.

Красная гвардия отступила на Кубань, с нею отступила часть членов боевой дружины Социалистического Союза пролетарской молодежи.

Наступают мрачные дни кадетской реакции...

В Одессе.

Одесский социалистический Союз рабочей молодежи, в первые дни Советской власти в конце 1917 года, проявляет наибольшую революционность в борьбе с ее врагами. Когда в декабре 1917 года власть перешла в руки контр-революционной Украинской рады, когда городом начали заправлять гайдамаки, Одесский Союз ведет решительную борьбу с контр-революционной властью. 9-го января 1918 г. весь одесский ССРМ с лозунгом: „Да здравствует Советская власть", вышел на улицы, демонстрируя свой протест против гайдамаков и их контр-революции.

Когда после первой неудавшейся попытки взять власть в свои руки в декабре 1917 г. одесские рабочие вновь берутся за оружие, весь Союз молодежи принимает активное участие в этом. Организованная еще в декабре боевая дружина Союза, имеющая в своих рядах свыше 200 человек революционного молодняка, становится в первые ряды одесского пролетариата, приняв активное участие в выступлении 15-го января 1918 года. В ночь на 15 января без боя заняты правительственные учреждения и военные склады Одессы, обезоружены многие отряды гайдамаков. В следующую ночь она занимает артиллерийское и пехотное училища.

Когда оправившиеся от неожиданного нападения, гайдамаки взяли училище штурмом, целый ряд дружинников, членов Союза, захваченных белогвардейцами, был расстрелян.

Когда красные начали эвакуироваться из Одессы в направлении на Херсон, боевая дружина ССРМ, разбившись на две группы, сражается с немцами. Первая часть, направившаяся на Херсон, держит бой с одной из немецких частей и почти вся целиком там же героически падает. Вторая часть примыкает к поезду Полуянова, в боях и сражениях которого участвует до конца всей кампании.

В РАЗГАРЕ БОЕВ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ.

Бои за Октябрь.

Бои на улицах Питера и еще более упорные бои в Москве, где революционному гарнизону пришлось оттеснять юнкерские отряды к Кремлю и выбивать их из каждого здания, эти бои закончились победой революции. Керенскому удается двинуть с фронта лишь несколько казачьих полков под командой генерала Краснова; отряды эти в упорных боях под Петроградом разбиваются красногвардейцами; в средине ноября ставка верховного переходит в руки тов. Крыленко; контр-революция пытается основаться на окраинах. Каледин собирает офицерские полки на Дону, Дутов захватывает Оренбург, Петлюра и Винниченко создают Украинскую раду, Семенов в Сибири и Довбор-Мусницкий в Белоруссии. Рабочие отряды красногвардейцев бросаются на жестокую борьбу.

Петроград отправляет на один донской фронт более 10 тысяч человек; московские и уральские рабочие не отстают от Петрограда; революционный подъем двигает массы на борьбу с хорошо организованным врагом, часто сплошь состоящим из офицеров и возглавляющимся крупными военными специалистами; плохая выучка, слабая дисциплина, действия вразброд мелкими самостоятельными отрядами—эти особенности начального периода всякого народного ополчения — были отличительными чертами и наших первых партизанских отрядов; но эти дефекты возмещаются железной волей к победе, настойчивостью, инициативой бойцов и содействием местных рабочих и крестьян; в результате четырехмесячной борьбы наши войска захватывают Киев (16/I 1918 г.), занимают Оренбург, разбивают калединцев под Таганрогом, Алексеевские отряды под Ростовом, Довбор-Мусницкого под Рогачевом и Жлобином и в середине апреля вся Украина, Дон, Урал и Сибирь объединяются в руках Рабоче-Крестьянского Правительства.

Командный состав старой армии в своем большинстве, особенно на верхах, оказался противником рабочей революции; солдаты начинают самочинную демобилизацию; армия была внутренне разрушена, и на ней нельзя было базировать строительство вооруженных сил пролетарской революции; каждый солдат, будь то рабочий или крестьянин, утомленный четырехлетним боевым

напряжением, должен был войти в свои трудовые ячейки и оттуда, возродившись, снова войти в новую армию, построенную сообразно интересам рабочих и крестьян; части, оставшиеся на фронтах, были совершенно дезорганизованы; несколько латышских полков и частей, где было очень сильным влияние большевиков, представляли единственную силу старой армии, на которую можно было опереться. Остальная масса растекалась по домам, разрушая и без того слабый транспорт Республики.

Немцы неожиданно начинают 18-го февраля наступление, занимают Двинск, в начале марта Псков и стремительно продвигаются на Петроград; фронтовые части отступают без малейшего сопротивления. Красная гвардия петроградского пролетариата в одну ночь выделяет рабочие полки; в Смольном организуется штаб; на фронт через сутки направляются бронепоезда и артиллерия: через два дня выступает первая кавалерийская часть. „Социалистическое отечество в опасности",—возглашает в своей прокламации тов. Ленин. Красный Петроград получает боевое крещение и отражает наступление немцев, устанавливается перемирие, завершившееся Брестом. Общее положение Республики предуказывало срочную необходимость создания регулярной Красной армии. Принцип обязательной воинской повинности не мог соответствовать в эту минуту обстановке и настроениям трудящихся; как временная мера применяется принцип добровольчества, соединенный с максимальной инициативой местных Советов. После подготовки этого вопроса в Всероссийской коллегии по организации Красной армии и принятии основ декрета в солдатской секции 3-го Съезда Совета, Совнарком издает положение об организации Рабоче-Крестьянской Красной армии.

Брестский мир.

Перед седьмым партийным съездом, открывшимся 8 марта 1918 года, встал один коренной вопрос — подписывать или нет Брестский мир. В рядах партии было два течения. „Левая" оппозиция во главе с т.т. Бухариным и Радеком указывала, что подписанием мира мы усиливаем позицию германского империализма и угашаем революционное настроение западноевропейских рабочих масс, а потому „левые" предлагали принять неравный для нас бой с полчищами Вильгельма. Ленин настаивал на подписании разбойничьего Брестского мира вследствие полной невозможности для нас сопротивляться вооруженным до зубов империалистам. Мир должен был дать, по его словам, передышку русским рабочим и крестьянам. Передышка должна дать возможность построить дисциплинированную Красную армию для борьбы с наступающим империализмом. Большинство съезда высказалось за подписание мира, и „левые" коммунисты сами признали через несколько месяцев, когда рухнул германский империализм, свою неправоту.

На I Всеукраинском съезде ССРМ.

Ожидали, что доклад по текущему моменту будет делать тов. Артем или тов. Межлаук. Но ни тот, ни другой не явились, как видно увлеченные вихрем более важных политических событий.

Докладчиком по этому вопросу тогда выступил тов. Лернер, избранный председателем съезда. Этот товарищ являлся и фактическим руководителем съезда, последовательно и неуклонно проводя там большевистскую линию. В ряду остальных делегатов, молодых, неопытных, политически „безусых" и безграмотных, он выгодно отличался своей выдержанностью, принципиальностью, широким политическим кругозором и незаурядными организаторскими способностями. Спокойно и убедительно доказывал он необходимость заключения Брестского мира, являющегося необходимым этапом в процессе собирания революционных сил. По этому докладу разгорелись необычайно страстные прения.

Помню, что особенно горячился тов. Примаченко. Большинство делегатов Екатеринослава было настроено против Бреста. Здесь сказывалось многое: и молодой задор, и склонность к „левой фразе", и меньшевистские наущения. Среди ССРМ-овцев особенно опасно болен был антибрестскими настроениями, помнится, тов. Шпиндяк, впоследствии убитый на Григорьевском фронте.

Настроение делегатов настолько накалилось во враждебном Бресту направлении, что руководители съезда во главе с тов. Лернером имели все основания бояться за исход голосования. Положение было спасено, благодаря работе тов. Лернера. Перед голосованием он устроил перерыв, начал индивидуальную агитацию среди делегатов, устроил даже специальное совещание, и участь резолюции была решена. Большинством, хотя и незначительным, была принята резолюция, одобряющая Брестский мир.

Петроград в дни опасности.

Как великий гигант поднялся питерский пролетариат с непреодолимой решимостью победить во что бы то ни стало. На развалинах панически отступающей армии он решил создать новую, непобедимую революционную армию.

Красный Петроград ощетинился. В несколько дней он превратился в непобедимую революционную крепость, и, если бы красные полевые части не выдержали напора белых, банды Юденича были бы уничтожены в стенах Петрограда.

Лозунг „оборона внутри" поставил все в Петрограде, как в осажденной крепости, на военную ногу. Вмиг город преобразился. Рабочие шли в батальоны массами. Работниц не удовлетворяла одна только санитарная работа: наравне с мужчинами они брали винтовки.

Рабочая молодёжь всех районов Петрограда сразу ринулась в бой против царского генерала Юденича. На фронт отправлялись

иногда все рабочие предприятия. В ряде районов Петрограда были организованы отряды из молодежи, охранявшие самые ответственные посты революционного города. Все эти отряды готовились к боям на баррикадах, которые были воздвигнуты на улицах Петрограда. Часть этих отрядов была отправлена на фронт, так как молодежь не желала ждать, а настоятельно требовала отправки на фронт, а иногда сама туда убегала.

Рабочая молодежь в юденические дни мужественно дралась рядом с рабочими отрядами и везде была в первых рядах.

На помощь голодному Питеру.[1]

Брестский мир уже заключен.

Петроградские заводы, в виду начала экономического кризиса, сокращали свое производство и закрывались или эвакуировались в другие места Республики.

Армия, получив возможность попасть домой, наводнила все железные дороги и нарушила этим в известной степени продовольственные перевозки. Петроград, благодаря массовым воинским перевозкам, отрезан от остальных частей огромной России и не может получить своевременно достаточного количества продуктов.

Советское правительство принимает самые энергичные меры к снабжению продовольствием рабочего центра. Но заминкой в деле снабжения города продуктами воспользовались все темные, спекулятивные, преступные элементы города, обдирая полуголодного безработного рабочего.

Петроградский рабочий, еще с 1916 года привыкший к недоеданию, мужественно переносил муки голода в те дни, когда порою он должен был сидеть на $^1/_8$ фунта хлеба.

Буржуазные шакалы радовались народному несчастью и возбуждали крестьянина против рабочего, потирая руки от предвкушения близкого падения революционного рабоче-крестьянского правительства, и спекулировали продуктами во-всю.

Питерские рабочие потребовали государственной монополии на продукты первой необходимости, разогнали продовольственный спекулятивный рынок на Лиговке, потребовали запрещения частной торговли.

Хлеб и прочее выдавалось только по продуктовой карточке.

Рабочие подростки, организованные в Социалистический Союз рабочей молодежи, командировали лучших своих товарищей в карательные отряды, работавшие по охране продовольственных складов и производившие реквизиции продовольствия у спекулировавшей из-под полы буржуазии и обывателя.

Будучи в первых рядах революционных рабочих, рабочая молодежь Питера геройски переносила черные дни недоедания.

---

[1] К истории 2-го Петроградского Комитета ССРМ.

„В деревню, к крестьянину, одолжить у него хлеба для рабочих, работающих по восстановлению промышленности!“—прогремел призыв рабоче-крестьянского правительства.

Петроградский Комитет ССРМ обратился ко всей сознательной рабочей молодежи с призывом пойти в продовольственные отряды для работ по проведению в жизнь хлебной монополии.

Районные комитеты Союза выделили все активные силы на эту работу, некоторые отозвали своих работников из рядов Красной армии и бросили в эти отряды.

Продотряды, формировавшиеся в Смольном, быстро укомплектовывались рабочими с громадным процентом рабочей молодежи, членов ССРМ, не связанных семейными узами.

Смольный, видевший много революционных собраний, был полон вооруженными рабочими и рабочей молодежью и через каждые два дня отправлял отряд за отрядом во все концы России.

Товарищ Г. Зиновьев наскоро давал наказы отправляющимся в деревню отрядам продработников.

Помню, как рабочие завода „Новый Парвиайнен“, выделяя в продотряды молодежь, провожали напутствием: „Ну, ребятки, смотрите, не безобразьте и не обижайте крестьянина, а если до нас дойдут нелестные слухи о вашем поведении, то по возвращении высечем вас, или лучше не приезжайте в Питер“.

Трудно указать количество молодежи, откликнувшейся на призыв Комитета ССРМ, но, когда, построившись в ряды перед Смольным, в отряде, с которым мне пришлось ехать на восток, я встретил многих товарищей из ПК Союза, я почувствовал, что весь Союз на посту. Отрядом командовал член Выборгского районного комитета ССРМ — Борис Шишкин.

Его звонкий голос, хотя и не привыкший командовать, звенел, а молодое лицо было покрыто пунцовой краской.

Мирно колыхаясь, шагал в рядах, одетый в коротенькую куртку, Вася Соколов, активист Выборгского районного комитета Союза.

Позади нас, жмурясь от лучей весеннего солнца, гордо выступал член Петроградского Комитета ССРМ Иван Канкин.

На одной из жел.-дор. станций, где пришлось нам долго простоять из-за смены паровозов, собравшись в вагоне начальника эшелона, мы намеревались провести собрание членов Союза, но нам не позволило провести это собрание отсутствие достаточного помещения. Вагон же не мог вместить в себя всех продотрядников — членов Союза. Из 500 продотрядников было 87 членов Союза и до 50 членов партии из числа взрослых рабочих.

Это был один из отрядов, а Питер дал много таких отрядов, куда влилось немало и рабочей молодежи.

Неудивительно поэтому, что, когда гражданская война приняла огромные размеры, питерскую рабочую молодежь можно было встретить и в далекой Сибири, и в Туркестане, и на низовьях Волги, словом там, где решалась судьба революции.

Назначение нашего продотряда было в Пермь, весь отряд должен был поступить в распоряжение пермского губернского продовольственного комиссариата.

Наш приезд в Пермь и осмотр нашего отряда военным комиссаром т. Акуловым привел последнего в восхищение: „Молодцы, прямо наподбор",—с улыбкой заметил он.

Своим приездом отряд заставил поджать хвост и контр-революционную буржуазию, ожидавшую прихода чехо-словаков из Сибири.

К нашему приезду в Перми происходил военный набор в Красную армию, ибо чехо-словаки подвигались к Екатеринбургу.

На востоке, за Уральским хребтом, съезжалось белогвардейское офицерство, мечтавшее вырвать из рук пролетарского правосудия б. царя Николая II, находившегося в то время в Екатеринбурге.

На третий день своего приезда в Пермь нам пришлось принять охрану города и разогнать поповское собрание.

Эти церковные пастыри были в заговоре с организацией белогвардейцев Екатеринбурга, поднявших восстание в июне 1918 года.

Местный военный комиссариат и Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов, опираясь на вооруженную силу питерских продработников, успешно справился с контр-революционными элементами города.

Поповщина была разогнана, а забузившие новобранцы призваны были к порядку.

Наконец, мы получили возможность приступить к исполнению возложенной на нас питерскими рабочими задачи.

Наш отряд был разбит на три группы и отправлен на работы по продкампании.

Одна из частей нашего отряда отправилась в Кунгурский уезд, и тут нам пришлось расстаться с Борисом Шишкиным, поехавшим с этой группой. Канкин, собрав членов Союза Московского района, поехал в город Ижевск.

Члены Союза Выборгского и Петроградского районов поехали с группой в Оханский уезд.

Позднее, превратившись из продработников в красных партизанов, мы снова встретили Канкина и членов Союза молодежи района, но при другой уже обстановке.

В то время, когда голодали питерский и московский рабочие, когда центральные губернии России ели всевозможные суррогаты, крестьянская масса Пермской губернии, подстрекаемая эс-эрами и меньшевиками, гноила свой хлеб, зарывая его в земле.

Коммунист-продотрядник служил тогда пугалом, им темное крестьянство пугало своих детей, когда они ревели.

Наш приезд среди ночи в город Оханск Пермской губернии переполошил весь небольшой городок, расположенный на высоком правом берегу реки Камы. Испуганные нашим появлением, жители города робко и удивленно выглядывали из окон.

Утром, когда, выспавшись в помещении местной гимназии, распущенной на летние каникулы, наши ребята пошли осматривать

город, испуганные обыватели города шарахались на другую сторону улицы, встречая нас на своем пути.

Долго недоумевающий обыватель косо смотрел нам вслед, пока не убеждался в нашем человеческом происхождении.

Как был удивлен крестьянин, когда все слышанное им про коммунистов и про зверства продработников оказалось басней! Продотрядники были веселые ребята, ничего не бравшие, а учитывавшие лишь наличие хлеба.

По приезде в одно из торговых сел нами было организовано первое крестьянское собрание, на котором многие из нас, выступавших, объяснили значение работы продотрядов. В конце собрания мы предложили самим крестьянам указать количество имевшегося у них хлеба и добровольно сдать излишки его местному волостному исполнительному комитету.

На другой день нам пришлось выделить десять товарищей для приемки привезенного крестьянами хлеба и для учета излишков его.

По пять-шесть человек расположились мы по деревням волости, обходили хату за хатой и описывали наличие продуктов, имеющихся в хозяйстве.

Крестьяне радушно встречали нас и сами указывали укромные уголки, где хранили свой хлеб от „страшных" реквизиций.

Наша первая „хлебная" работа прошла блестяще, и через две недели мы были уже в Осинском уезде Пермской губернии, расположенном по левому берегу реки Камы и граничащем с Уфимской губернией. Этот уезд обладал лучшими землями, чем Оханский.

Во время нашего приезда в город Осу — небольшой городишко на реке Каме, в граничащем с Осинским уездом Бирском уезде,— Уфимской губернии вспыхнуло крестьянское восстание, подготовленное эс-эрами и буржуазией.

Кулаки, „обиженные" революцией, руководили этими восстаниями и разгоняли Советы, усаживая на их место бывших земских чиновников и становых.

В первую очередь нам нужно было выкачать излишки хлеба из волостей, граничивших с восставшими.

Так как наша работа в Осинском уезде была более трудной и опасной, Пермский губ. продов. комиссариат учел это и отозвал из Ижевска одну из частей нашего отряда, соединил нашу группу с ними в один продотряд и отправил на работу.

Мы встретились с группой наших членов Союза и получили первое боевое крещение, будучи отрезанными от территории РСФСР и очутившись в тылу восставших волостей.

Здесь нам пришлось положить начало организации 2-й Красной армии (которая пошла на помощь тоже недавно организованной 3-й Красной армии, храбро отражавшей наступление Колчака).

Вскоре мы услыхали о падении Екатеринбурга и о том, что вслед за чехо-словаками идет Колчак.

В Осинском уезде мы были окружены восставшими крестьянскими, партизанскими отрядами.

Вместо продолжения продработы, нам пришлось вести вооруженную борьбу с бандитами. Удерживая наступление банд, мы прикрывали собою тыл, откуда вывозилось собранное продовольствие и где формировалась Красная армия.

Восстание разгоралось, приближался и Колчак. В этот момент продотрядники — питерские рабочие и рабочая молодежь—влились в ряды Красной армии, сформированной наскоро из местных жителей, и, заражая их своим революционным энтузиазмом, повели их в бой...

На полях Украины.

(Из дневника красного партизана.)

У партизана, пережившего за годы гражданской войны и праздники побед, и кошмары поражения, — достаточно неизгладимых, ярко запечатлевшихся воспоминаний.

Но самые дорогие, самые неизбывные — об этих светлых юношах, таких непосредственных в героизме, как и в обыденной жизни, превращавших подвиг в быт — быт коммунистической революции.

* * *

Январь 1918 года. Первое Советское правительство Украины, находясь в Харькове, уже начинало вооруженную борьбу с национальной контр-революцией, но первые жертвы были принесены не в бою. Киевские газеты принесли кошмарное известие:

5 января в Умани, пьяные офицеры, полубатьковцы, во время заседания Совета убили — не расстреляли, а просто тут же в помещении Совета убили — двух крупных военных партработников: товарища Пионтковского, члена ВУЦИК'а, и товарища Урбайлиса — члена Уманского парткома.

Я близко знал обоих, издавна работал с ними. Известие об их гибели совершенно выбило меня из колеи, лишило работоспособности.

Сверлила в мозгу одна мысль, поглотившая, убившая все мои остальные думы:

— На фронт.

Ко мне пришло несколько членов Киевского Социалистического Союза Рабочей Молодежи.

— Мы слышали, товарищ К., что вы на Киев собираетесь, примите и нас в свой отряд, а то мы приехали в Харьков, хотели на фронт, а нас здесь для охраны города держат... С этим и без нас справятся, а на фронте мы более пригодимся.

Я смотрел на восторженные, озаренные стремлением лица, на неокрепшие молодые руки, неумело, но твердо и уверенно сжимавшие винтовки. Я знал, что эти юноши без колебаний будут

бросаться в огонь, но ведь принять их — значит повести на убой, потерять, и, быть-может, бесплодно, столько будущих строителей коммунистического общества.

— А стрелять-то вы умеете?

В глазах юношей вспыхнул огонек возмущенного задора:

— Ничего, справимся, хоть в армии и не были еще. А не хотите нас принять — пойдем сами на фронт. Нас тут десятка полтора киевлян, да полтавцев с пяток. Ребята все дружные, работу на фронте найдем.

Я поспешил успокоить обиженных молодых товарищей.

— Ладно, отправляйтесь в отдел снабжения за обмундированием. Сегодня ночуем в казармах, а завтра с утра двигаемся на фронт.

Раздались звонкие, повеселевшие голоса:

— Какое там обмундирование! До фронта и так доберемся, патронов побольше и чтобы паровоз был хороший — скорее бы на позиции!

Я сразу оценил это заявление и понял, каким неоценимым приобретением для отряда является киевская молодежь. Теперь у нас был кадр, на который можно было безоговорочно положиться, который не спасовал бы, не выдал бы ни при каких трудностях.

А трудности предстояли немалые...

* * *

Нас отправили не на Киев, а на Кременчуг, захваченный к тому времени 4-мя полками — Орловским, Брянским, Севским и Елецким — украинизированными и снабженными гайдамацким и командным составом. По самым скромным подсчетам у врагов было свыше 6000 штыков, а в красных отрядах, наступавших на Кременчуг, едва насчитывалось 300; по сто в Кременчугском и Полтавском отрядах да около ста в нашем, принявшем временное название „Добровольного отряда Червоного Козацтва".

Медленно передвигаемся цепями со стороны ст. Потоки на Кременчугский вокзал. Ленивая, нестройная перестрелка. Вдруг кто-то из кременчужан, случайно попавший в наш отряд, вносит сумасбродно-дерзкое предложение:

— Товарищи, бросим эту волынку, выделим часть отрядов и ворвемся в город, в тыл гайдамаков, через хутор Череднички!

Я собираюсь возражать: тогдашняя примитивная тактика „эшелонной войны" почти не знала еще маневров и обходных действий, и побеждал тот, кто захватывал жел.-дор. станцию. Но молодежь восторженно подхватывает заманчивое предложение кременчужанина, и убивать ее революционный пыл в первом же бою — не решаешься. Большая часть отряда с адъютантом тов. Я. Львом во главе движется в обход, а мы с 30—35 наиболее надежными товарищами врываемся в город через хутор. Вначале

противник, не ждавший этого, приходит в смятение, и мы захватываем несколько улиц. Но вскоре враги вытесняют наши силы и устраивают засаду на Троицкой площади. Нас обстреливают из-за всех заборов, с крыш домов, даже с куполов собора. После короткого боя, в котором наша горсточка отважных, но неопытных бойцов потеряла двоих убитыми и шесть ранеными, мы оказываемся осажденными в детском приюте Чуркина. Переводим детишек в подвал, где они в безопасности, а сами отстреливаемся из окон, зная, что гибель всех нас неизбежна, если во-время не подоспеет подкрепление. А молодежь не желает ждать, требует вылазки.

Первая вылазка неудачна, и мы, понеся потери, вновь загнаны в приют. Бронемашина, пришедшая к нам на помощь, приводится в негодность разрывными пулями врагов, искромсавшими шины в клочья.

Но молодежь не падает духом и предпринимает новую вылазку. Последнюю: лучше погибнуть в открытом бою, чем быть перерезанными гайдамаками, если они захватят приют. Вырываемся стремительно на улицу, подымаем стрельбу... и враг, не выдерживая нашего отчаянного напора, подавленный не силой, не численностью, а упорством и безумной отвагой юных красных бойцов, обращается в бегство.

Вокзал к тому времени был занят красными отрядами. После десятичасового упорного боя — город в наших руках.

Все раненые юноши отказались пойти в госпиталь и остались в эшелоне, подвергаясь неоднократно всем опасностям боевой обстановки, лишенные необходимого ухода и питания.

* * *

Был в те времена такой порядок заведен — после удачных боев их участники получали денежную награду.

После одного из боев, где наш отряд особенно отличился, командование фронта вручило мне некоторую сумму „наградных" для бойцов, получилось по 50 р. на каждого — по тогдашним временам не так уж мало. Началась раздача, но, как только очередь дошла до юношей-киевлян — они упорно стали отказываться принять деньги:

— Мы не ради денег дрались. Это нас оскорбляет.

Такое положение грозило обострением отношений в отряде между принявшими уже деньги и отказавшимися их принять. А несогласия внутри отряда отражаются на его боеспособности. Допустить этого нельзя было. Растолковавши это киевлянам, я заставил их, скрепя сердце, принять деньги.

Но денег этих они на себя тратить не стали. Проездом через Киев многие из юных бойцов оставили свои „наградные" местным товарищам:

— Для нужд Союза пригодятся: мы их приняли как боевую награду.

* * *

Наш отряд завоевал себе репутацию одного из лучших на Украине. Ему часто поручали наиболее опасные, рискованные задания. Понятно, этой репутацией отряд обязан был не руководителям, не командному составу, весьма неопытному в военном деле, а исключительно безмерной отваге и самоотверженности киевской рабочей молодежи, составлявшей основной кадр отряда.

Репутация отряда как „отчаянного", не останавливающегося ни перед какими препятствиями, неоднократно облегчала ему выполнение боевых задач, производя психологическое воздействие на неприятеля. Так было и в Таганроге, куда отряд прибыл без командира, сопровождая эвакуировавшееся туда Укр. Советское правительство и государственную кассу. Вот эту-то кассу вздумали „отбить у большевиков" левые эс-эры, властвовавшие тогда в Таганроге.

Они выслали на вокзал свой партийный отряд, превосходивший численностью наш троекратно, окружили эшелон, потребовали выдачи кассы.

Разбивать разложенные гайдамацкие полчища, состоящие из нежелающих воевать крестьян-фронтовиков, вещь не такая уж трудная; гораздо сложнее дело, когда приходится драться с таким же партизанским отрядом, да еще „идейным", состоящим из членов партии, претендующей на „революционнсть".

А наши ребята не растерялись. Адъютант сошел за командира.

— Выкатывай пулеметы! Это вам не шутки — с Уманским отрядом заводиться. Киевская молодежь отстоит. Почище эс-эров били.

„Уманский отряд — киевская молодежь" — эти слова оказали магическое действие на эс-эров. Они заметно заколебались. А когда в дверях показались наши пулеметы — ряды эс-эров сразу же поредели, и понемногу они разошлись вовсе.

— Да ну их, с этими головорезами-киевлянами дело иметь! И вправду, из-за кассы не стоит заводиться.

Такая же картина повторилась, когда разложенный Екатеринославский отряд решил арестовать в Таганроге свой Исполком. Одним своим видом, вернее — именем, наш отряд навел панику на зарвавшихся екатеринославцев.

Эс-эры, правда, не угомонились, и возни с ними было еще достаточно в Таганроге. Вздумал их военный комиссар Родионов потребовать, чтобы все наши бойцы взяли у него разрешение на право ношения оружия. Мера, рассчитанная на то, чтобы выяснить наши действительные силы.

Но для нас, партизан, это было неслыханным оскорблением.

— Если мои ребята встретят ваших, не снабженных разрешениями, — говорил мне Родионов, — то разоружат их.

— Советую вашим ребятам не встречаться с нашими, — ответил я, — не то худо вашим будет.

Мои слова оправдались. Эс-эровский патруль обезоружил нашего пулеметчика „Толстомордого",[1] встретив его в одиночку на улице.

Толстомордый был парень никчемный, но здесь была задета честь отряда.

И киевляне, даже без моего ведома, в два счета обезоружили весь злосчастный эс-эровский патруль.

А эс-эры не рискнули ничем реагировать на это.

Толстомордому же влетело от киевских ребят основательно: как это он мог допустить, чтобы какие-то эс-эры отобрали у него освященное в боях оружие.

* * *

Однако, в Таганроге нам пришлось отряд ликвидировать. Пополнение, набранное в Екатеринославе, разложилось совершенно, а воевать против немецкой армии горсточкой юношей-киевлян было бесцельным.

Кое-кто из бойцов покрепче влился в отряд Червонного Казачества тов. Примакова, действовавший на демаркационной линии. Только лишь киевская молодежь держалась попрежнему спаянной группкой, готовой, несмотря на колоссальные трудности, перенесенные в период боев и отступления, к новым подвигам.

— Куда же вы теперь думаете направиться? — спросил я как-то киевлян.

— А куда же нам еще? Мы все — обратно на Украину, в подполье: там мы больше всего пригодимся!

Прощаясь, они говорили:

— Скоро встретимся в Красном Советском Киеве.

История одной дружины.

Это было в 1918 году. Деникин нажимал на Краснодар.

Краснодар эвакуировался. Увозились раненые бойцы, свертывались учреждения. Коммунистический Союз молодежи собрал свою боевую дружину и послал на фронт, под Динскую.

Вечерело... Кадеты[2] начали наседать более ожесточенно. Они выслали броневик, который щедро осыпал нас свинцом из пулеметов. Не имея поблизости артиллерии, мы вынуждены были отступить. Кадеты захватили разъезд „Лорис", мы окопались сейчас же за „Лорисом". Проклятый броневик стоял на разъезде.

— Эх, взорвать бы его, — сказал кто-то в цепи.

В это время к цепи дружины подошел политком фронта Мих. Власов (он был организатором и членом Комсомола). Мы весело его приветствовали.

---

[1] Двух наших пулеметчиков киевляне прозвали „Куцомордым" и „Толстомордым". Клички до того привились, что все мы забыли действительные имена пулеметчиков.

[2] Кадетами на Дону прозвали белогвардейцев и контр-революционеров. *Ред.*

— Вот в чем дело, ребята, — сказал Власов, — нужно взорвать броневик. Кто охотник?

— Я... Я... Я...— крикнуло трое дружинников.

Это были Лященко Петр и двое других.

Власов дал им шнур, шашки, и ребята, под дождем пуль, полезли на четвереньках к броневику. Прошло полчаса... Мы напряженно ждали...

Было уже почти темно. Вдруг блеснул столб пламени, раздался взрыв...

— Ура...— радостно закричали дружинники. Через некоторое время явились Лященко и его товарищи и сообщили, что взорваны две площадки броневика.

Старые красноармейцы-фронтовики с этого момента с уважением начали относиться к „коммунистической" молодежи. На самые ответственные, опасные дела посылались в первую очередь наши дружинники.

„За личной ответственностью взять Лорис", — получается категорическая телеграмма.

В это время цепи кадетов поднялись и начали подходить, стреляя прямо в упор. Тогда Власов выхватил шашку и с криком: „За мной, умрем за революцию!"—бросился вперед на наступающих белых.

— Ур-а-а... — закричала наша дружина, с винтовками наперевес бросилась вперед, врезалась в гущу наступающих и, работая штыками и прикладами, начала укладывать одного за другим кадетов. Кадеты остановились, их фланги начали заходить, чтобы окружить нас. Но воодушевленный нами батальон уже бросился вперед. Белые были смяты и начали постепенно отступать. Мы же, забыв про всякие опасности, лезли вперед.

К вечеру красные части с криками „ура" ворвались в ст. Динскую. Дружина была впереди...

Ай-да ребята!..

> **Командиру бронепоезда.**
>
> **«Быть в боевой готовности, ехать по направлению первого эшелона. Штаб».**

Ехали в Белгород.

Колька стоял около орудия и „смертоносным банником" водил из конца в конец в дуле, вычищая налет и думал:

„И вдруг дома узнают, что „банник" не взрывается? Вот стыд-то"!..

Краснел и успокаивал себя:

„Где им!".

Дело с Корниловым было нешуточное. Не ехали, а летели. На станциях почти не задерживались.

Где-то неожиданно задержались на полчаса.

Подошла группа окончивших воевать солдат и, увидя комсомольцев, схватилась за животы.

— Гы! Гы! Как бабы, нескладно одеты. Вояки — тоже!

— Вы, ребята, не показывайтесь. Вид-то у вас, действительно, смешной, — и поправив на животе пистолеты, строго, как активист, Колька заметил: — агитацией занимайтесь больше!

Устыдились ребята и замялись.

Что говорили они солдатам, команде, было неизвестно.

Но когда после третьего звонка станция слилась в толпу махающих папахами и кричащих красногвардейцам „ура“ людей, Колька встал и, гордо оглядывая изумленный вагон, почти нараспев, заметил:

— Ай-да ребята! Ай-да комсомольцы!

Не подумайте, что Колька является автором всей песни, где имеются эти слова.

Нет, Колька скромен и сказал это случайно. Хотя бы потому, что всяк это может сказать про комсомольцев.

Да-сс!

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОД.

Южный деникинский фронт тянется на соединение с восточным. С донских и кубанских степей контр-революция выбрасывает против революционного севера опытную степную кавалерию. Перед Красной армией встает задача: создать свою конницу.

Пролетарий садится на коня. В несколько месяцев слагаются конные дивизии, которые становятся красной грозой на полях сражений. На побережье Ледовитого океана наша пехота ведет упорную позиционную войну против англичан, американцев и белых в снежных траншеях и тесных дефиле.

Красная армия дважды спасает Ленинград от белогвардейских войск, сплошь из опытных бойцов, вооруженных по последнему слову техники.

Как молодежь защищала революцию.

Рабочая молодежь вся поднялась, когда банды генерала Юденича подошли к Петрограду. Были случаи, когда вслед за одним вся молодежь предприятия снималась и отправлялась на фронт.

В городском районе Союзом молодежи организован отряд в 260 человек, которому была поручена ответственная задача,— охрана Петропавловской крепости. Отряд готовился к уличным боям, усиленно занимаясь метанием гранат. Но в отряде стало наблюдаться своеобразное „дезертирство". Из отряда убегали на фронт поодиночке и группами. Революционный энтузиазм рвался наружу.

Пылким революционерам хотелось сразиться с врагом в открытом бою. Район Володарского организовал особый отряд молодежи в 100 человек, который все время сражался на фронте, так же как и отряд самокатчиков, организованный Союзом молодежи.

Ямбургский, Детскосельский, Гатчинский и другие Союзы молодежи все время в полном составе были на фронте, и героизм этих отрядов и молодежи вызывал энтузиазм и восхищение в рядах красноармейцев.

Красная армия чувствовала, что великий Петроград поднялся от мала до велика для борьбы с белой армией, и это придавало ей бодрость и веру в победу. И это влияние питерских рабочих, коммунистических отрядов и молодежи отражалось не только на красноармейцах, но и на командовании.

На Колчака.

22 апреля 1919 года всем районам стало известно постановление Петроградского Комитета Росс. Комм. партии о мобилизации 20% членов РКСМ на восточный фронт.

Враг наступает. Промедление — преступление. Нужна быстрота и решительность. Закипела работа. Краткая и срочная подготовка в районах, и уже 26-го апреля во дворце Урицкого грандиозный общепитерский митинг рабочей молодежи.

Выступают тт. Зиновьев, Евдокимов, Позерн, от Союза—Бурмистров. Какие горячие речи, жгучие призывы — встать на защиту революции! Зал полон.

Ответ виден на лицах юношей и девушек. Их глаза, восторженные лица говорят о готовности в любую минуту итти туда, внесенная резолюция говорит за это.

4-го мая происходил смотр мобилизованных членов РКСМ. Тысячи рабочей молодежи провожали своих лучших товарищей. Из членов РКСМ был организован — „Отряд Особого назначения" и „рота самокатчиков" с собственным командным составом и комиссаром. 15 товарищей было направлено в политотделы.

Участие Иваново-Вознесенской организации РКСМ в строительстве Красной армии.

Организация Союза молодежи „III Интернационал" была создана в Иваново-Вознесенске в 1917 году, главным образом, усилиями пяти человек. После того, как эта организация достаточно окрепла и расширилась, ее организаторы вместе с другими товарищами ушли добровольцами в феврале 1918 года в Красную армию. После этого мобилизаций Союзом молодежи не проводилось целый год, но и без мобилизаций члены Союза шли на фронт добровольцами.

В апреле — мае 1919 года, тогда уже Российским Коммунистическим Союзом молодежи была проведена мобилизация на Дон для работы в советских учреждениях и для постановки партработы. Добровольцев набралось до 25 человек, и почти всем им, во время второго наступления Деникина, вместо партийной и советской работы пришлось взять винтовку и стать в ряды Красной армии.

Наступает лето 1919 года.

Мамонтов делает налет на Тамбовскую губернию.

Иваново-Вознесенский Губком РКСМ мобилизует двух своих членов: Романова, М. и Изосимова, Ивана, которые сразу же через несколько дней попадают в бой под гор. Козловым. В этом бою т. Романов был ранен, а т. Изосимов пропал без вести.

Наконец, в октябре 1919 года проводится крупная мобилизация на Деникинский фронт. Добровольцев было больше ста человек; много подростков моложе 16 лет в анкетах прибавляют себе возраст по году и больше затем, чтобы попасть в армию. Их, конечно, не брали, уговаривали остаться и подождать до поры, до времени. Выбраны из общего количества только 40 самых лучших товарищей. Многие из этих героев так и не вернулись в Иваново.

Проходит еще около года. У Республики новый враг — панская Польша, и снова члены Союза добровольно идут на фронт. Из городской организации РКСМ тогда уехало свыше 10 человек.

В это же лето много комсомольцев уехало с комкурсами на врангелевский фронт.

Наконец, еще одна дорогая для каждого ивановца жертва в 1921 году 16 марта. Это геройская смерть секретаря Иваново-Вознесенского Губкома РКСМ Герасима Фейгина при взятии Кронштадта.

Далее Союз производил мобилизации в 1921 году в марте на морские курсы около 15 человек и в августе 1922 около 20 человек.

Характерно отметить, что во время всех этих мобилизаций посылались исключительно добровольцы.

И за все время гражданской войны и строительства Красной армии всюду приходилось встречать юного ивановского рабочего, на ряду с московским и питерским.

Везде ивановец зарекомендовал себя как верный и стойкий солдат революции, а вместе с ним таким же заслуженным авторитетом пользовался и молодой рабочий Красной губернии.

На Деникина.

Общегородское собрание членов РКСМ в первой половине октября 1919 года.

Масса членов Союза... Зал клуба коммунистов переполнен. Идет доклад т. Кузнецова, приехавшего со II Всероссийского съезда РКСМ. Докладчик, главным образом, останавливается на докладе т. Троцкого о международном положении.

В зале тишина, грозная...

Молодежь слушает о том, как царский генерал тянет руки к Туле. Под влиянием передаваемых слов т. Троцкого, выражающего уверенность, что красная молодежь, совместно с партийными и беспартийными рабочими, сломит зарвавшегося генерала, раздаются долго несмолкающие аплодисменты. Выносится резолюция: „Молодежь города Иваново-Вознесенска вся целиком пойдет на

фронт против белого генерала“. Создается твердая уверенность в нашей победе.

Комната Обгоркома через 2—3 дня после собрания.

Масса народу... Еле разглядишь толпящуюся публику сквозь тучи махорочного дыма.

Все поочереди подходят к двум составленным рядом налево от двери столам, за которыми сидит „Тройка“: Мольков, Б. Минский и Киреев. Каждый старается поскорее получить анкету, заполнить ее и ждать решения своей судьбы. У всех на уме только один вопрос: „Пошлют ли на фронт?“. Вот в стороне группа подростков совещается о том, как лучше заполнить анкету, опасаясь, что их по молодости не возьмут. Каждый решает приписать себе в анкете „для солидности“ по одному году. Сказано— сделано; пишут и подходят с трепетом к тройке.

— Товарищ! — обращается к одному из них председатель. — Как же вы пишете, что вам шестнадцать с половиною лет, а в то же время рядом помечаете, что год рождения тысяча девятьсот четвертый? — Проделка не удалась, подросток старается убедить председателя комиссии в необходимости своего назначения на фронт, объясняя свою проделку „опиской“.

— Хоть воду в пулемет буду таскать и то ладно, — заявляет он.

Комиссия уходит на совещание... Все с нетерпением ждут ее решения.

Наконец-то!..

Взоры устремляются к выходящему из комнаты секретарю комиссии. Внимательно слушают сообщение, кто принят и кто оставлен. У принятых веселое выражение на лице. Радуются. Один из товарищей, побывавший на усмирении Ярославского мятежа, а следовательно, „видавший виды“, с гордостью и достоинством разъясняет в сторонке, как нужно себя вести в бою.

На защиту революции.

(1919 г.)

Со всех концов губернии прибывают мобилизованные группы членов партии и Союза. Настроение бодрое, приподнятое. Ждем отправления, от медицинской комиссии почти все отказываемся. Все хотят ехать на фронт. Наступил день отъезда. На площади Революции большой митинг, откуда в сопровождении многотысячной толпы и рабочих города Иваново-Вознесенска идем на станцию. Там для нас готов целый эшелон из классных вагонов. Занимаем места. Почти у каждого вагона митинг. Поезд трогается медленно под гром музыки, крики „ура“ и салют ракет. По дороге нас встречают с музыкой. Приехали в Москву и, не чувствуя усталости, шагаем все 300 человек с песнями от ВРСР к Моссовету и т. д. Везде встречают нас пламенными речами. На следующий день в Доме Союзов нас приветствуют тт. Ленин, Кутузов

и другие. Через несколько дней едем в Саратов. В Саратове желающим предложили итти в кавалерию. Желающих нашлось более 50 человек — почти все комсомольцы.

Побыв несколько дней в Саратове, нас разбили по бригадам Донской сов. кавдивизии. В бригаде нас разбивают по полкам и эскадронам. Прибыв в эскадрон, в среду донских казаков — „мироновцев", наши сразу как-будто растерялись, но первое собрание снова подняло дух. Создали ячейку РКП. Авторитет ивановцев всюду поднимается. Бюро ячейки, контрольно-хозяйственные советы, военкомы — везде наши. Чуткие к вопросам красноармейцев, мы стали поднимать больные вопросы на собраниях и этим еще ближе стали к ним.

Дальше фронт, пули и тиф. Много покосило наших товарищей, много их осталось на фронте, но имена их навсегда запечатлены в наших сердцах. Т.т. Кузнецов, Сухов, Юрин и много других положили головы там. Но Комсомол долго будет помнить их. Они проложили дорогу к освобождению всего трудового народа.

В Шуе.

Октябрь 1919 г. Деникин наступает, проходит партийная мобилизация на фронт. Читаем в газетах о решении 2-го Всероссийского съезда Союза о мобилизации 30%. Молодежь забурлила. Идут толки о том, скоро ли мобилизация, кого можно мобилизовать, строим планы мобилизации и т. д.

Весть о приезде скоро обошла всех, созываем собрание городской организации, на котором делается доклад о Всероссийском съезде и мобилизации. До открытия собрания кто-то предложил открыть запись добровольцев. Мигом обступают инициатора записи и в результате — 22 добровольца.

Открылось собрание. Все внимательно слушают докладчика, доклад короток. Избирается мобилизационная тройка.

Тройка тотчас же собралась в комнате комитета союза и наметила кандидатов на фронт. Из 22 добровольцев наметили только 15, полагающихся по разверстке. Остальных, главным образом, девушек, отклонили. Рядом в комнате тройку дожидалась почти вся организация. Предварительный список мобилизованных объявляется. Оказались недовольные, и тройка засыпается вопросами: почему меня нет в списке?

На другой день тройка вновь пересмотрела список и окончательно утвердила состав мобилизованных. Тройка мобилизовала себя целиком, но Уком, принимая во внимание, что все активные работники попали в состав мобилизованных, одного оставил.

Стали готовиться к отъезду. Получили старые шинели и обмундирование.

Накануне отъезда в городском театре устраивается большое торжественное заседание в честь наших проводов. Отправляемся

вместе с мобилизованными членами партии. Театр полон народу. Тов. Редькин, также мобилизованный и впоследствии убитый на фронте, с воодушевлением делает доклад по текущему моменту. Дальше нас напутствуют представители профсоюзов, партии и т. д.

От имени мобилизованных комсомольцев говорит тов. Вихрев. На утро мы уезжаем в Иваново. Всю дорогу, несмотря на слезы провожающих нас родителей, мы поем песни и, по приезде в Иваново, бодро шагаем под знаменем к Губкому партии.

А дальше: Москва, Ильич, Саратов, Балашов... фронт. И серьезная политическая работа.

В Луганске.

Широкую работу наша организация развернуть не могла, ибо условия, при которых она зарождалась и развивалась, были очень трудными. Луганск был занят в феврале 1919 г. Белых отогнали только за реку Донец (в 15 верстах от города). В продолжение месяца город являлся непосредственно прифронтовой полосой. Затем стоящие под Луганском части добровольческой армии отступили далеко от Луганска. Месяца через полтора казаки снова подошли к Луганску, но уже с южной стороны. Город находился в постоянной опасности. Дело дошло до того, что на заводах приостановили работу, и почти все рабочее население вышло на фронт. Большинство комсомольцев собралось в Комитете с требованием винтовок и, добившись своего, ушло организованно на фронт. Перед этим было постановление: „Поручить комсомольцам охрану города", но удержать их в городе оказалось невозможным. Луганские рабочие долго удерживали город от белогвардейщины, и только благодаря тому, что Луганску угрожала опасность с фланга, мы вынуждены были покинуть город.

Все комсомольцы рассыпались по частям Красной армии.

В Чернигове.

Деникинские шайки все больше и больше приближались к Чернигову. Мы объявили мобилизацию. Разослали некоторых товарищей по губернии, которые там и провели мобилизацию. Среди мобилизованных комсомольцев были подростки 15—16 лет. Пришлось их отправить обратно; некоторые из них потом все-таки пошли сами на фронт. Члены Черниговской организации были также полностью мобилизованы (кроме девушек). Было несколько человек, отказавшихся итти на фронт. Они были нами исключены, как трусы и шкурники. Начавшаяся тогда эвакуация произвела достаточно большую панику. Мы задались целью во что бы то ни стало сохранить Союз, спрятав имущество (дела, знамена, портреты и т. д.) и оставив группу для подпольной работы. Первое нам удалось, второе оказалось неудачным, в виду отсутствия

опыта у оставшихся и малого пребывания деникинцев в Чернигове. Наиболее активная часть девушек была эвакуирована из Чернигова, затем большинство из них попало в армию в качестве красных сестер.

Трипольская трагедия.

Киевский Союз молодежи летом 1919 года произвел мобилизацию своих членов в отряд для борьбы против банд атамана Зеленого.

Как и многие другие отряды того времени, это был наскоро составленный отряд, в котором недостаток военной организованности, снабжения снаряжением должен был замениться коммунистической дисциплиной, преданностью и беззаветностью. И партийная организация, и Союз молодежи, и все мобилизованные члены Комсомола, и члены партии,—все они заранее знали, что могут считать себя обреченными.

И этот отряд—плохо вооруженный, почти совсем не снабженный, из людей, впервые бравших ружье для боя, но состоявший из полных воодушевления и жажды защитить Рабоче-Крестьянскую Респулику—занял освобожденное от бандитов Триполье.

Занял, чтобы в нем погибнуть.

Казалось, что трипольское население, оставшееся после отступления банды и так, по видимости, добродушно к ним относившееся, что это—друзья или, во всяком случае, временно заблуждавшиеся люди, теперь готовые понять и примкнуть к Советской власти. Но это были кулаки, под добродушной маской скрывавшие свою злобу, это были пособники бандитов, оставшиеся для шпионажа и предательства. Неумелый начальник отряда плохо расставил караул и позволил членам отряда рассыпаться на ночлег по хатам. А молодежь, радостная от достигнутой победы, долго смеялась и шутила в эту теплую украинскую ночь.

А в темноте этой ночи предатели подвозили к местечку возвращавшиеся банды. И внезапно во всех концах местечка началось зверское избиение захваченных врасплох, безоружных членов коммунистического отряда. Сопротивление было безнадежно. Отдельными единицами и кучками долго еще до утра отбивались коммунисты и комсомольцы, но к местечку подходили новые и новые сотни бандитов. Оставался один путь — отступление к Днепру. И на берегу Днепра разыгралась последняя сцена трипольской трагедии.

Группы молодежи сбрасывались штыками в речку, выстрелами на прицел убивались спасавшиеся вплавь, а над попавшими в плен и захваченными в хатах устроили зверские средневековые пытки, избивали и вырезывали на лбу красноармейские звезды, издевались над женщинами, живыми закапывали в землю одних, нанося десятки ран другим. Немногие остались в живых. Только некоторым удалось вплавь переправиться чрез Днепр. Некоторые из них и там были захвачены и убиты бандитами. И только немногие,

несколько дней скрывавшиеся в камышах и болотах, измученные и полумертвые, добрались до Киева и принесли товарищам весть о трипольской трагедии.

Возмущение и озлобление охватило всех киевских рабочих, все рвались в бой немедленно, чтобы отомстить за погибших.

Киевская партийная организация вновь произвела мобилизацию многих десятков партийных товарищей, и они были вкраплены во все части рядовыми бойцами для политической работы среди красноармейцев.

После нескольких дневных боев под Трипольем банды были разбиты. Триполье освобождено, и мы могли, наконец, посетить печальные места гибели наших товарищей.

На смену сотням молодых борцов, погибших под Трипольем, пошли и гибли в борьбе новые тысячи и десятки тысяч рабочих и крестьян, стариков и молодежи, пока, после долгих сражений, наконец, Украина не была снова освобождена.

Братья Штерн.

Оба молодые, 16 и 18 лет, полные революционного энтузиазма, безумно храбрые, скромные и на редкость чуткие ко всем товарищеским вопросам—это и есть братья Штерн.

Они гордость полка, гордость и слава юных коммунаров—добровольцы Красной Пресни, пионеры Союза рабочей молодежи „III Интернационал".

В августе 1919 года, когда 21 Московский полк отправился на южный фронт, братья Штерн выехали с полком добровольцами.

Первые в боевой работе, первые и в ячейке, они ревностно проводят коммунистическое воспитание красноармейцев. Часто ночью на позиции, лежа целой группой у пулемета, красноармейцы жадно слушают братьев Штерн, и к рассвету, расходясь по своим местам, у них нет больше сомнений, нет колебаний.

Весной 19 года, в непроглядную темную ночь, по колени в грязи, в сильный ливень, два батальона полка неслышно пробираются к позиции противника... Нащупали окопы белых. Залегли. Чуть засерело утро, и дружное громкое ура...

Перебегаем окопы белых, бежим через станицу на понтон,—через Северный Донец,—отрезать противнику отступление. Конница белых в панике бросается в Донец. Пулеметно-ружейный огонь довершает разгром конной группы противника. Захваченными орудиями пользуемся против белых. Прямой наводкой отбиваются резервы противника, спешившие на помощь.

Два брата Штерн по жестокому ружейному огню перебегают через мост по другую сторону Донца с пулеметом и отбивают штурмующую роту из резерва белых. Белые с новым ожесточением переходят в контр-атаку. Дистанция от пулеметчиков Штерн — 250 шагов. Младший подает ленту и падает у пуле-

мета, раненый в голову. Старший снова заряжает и кладет одну за другой цепи белых, пока не падает, сраженный пулей.

Тогда оба брата, истекая кровью, не желая отдавать врагам рабочего класса пулеметы, пытаются выкинуть замок.

Гранаты противника разбивают мост. Помощь отрезана.

Захваченные белогвардейцами, братья Штерн приговариваются к расстрелу. Братья Штерн умерли как герои.

Памяти героя.

(Анатолий Попов.)

...Комсомолец Попов, Анатолий, представляет особенно яркий пример пролетарской выдержанности. Он происходит из интеллигентной трудовой семьи. Он был необыкновенно живой, впечатлительный, — веселый смех часто дрожал в его глазах, и чувство правды жило в его душе. В гимназии учителя, особенно душившие учеников, бывали предметами его насмешек и проделок.

С организации Коммунистического Союза молодежи, — он стал его членом, деятельным и преданным. Союз, как громадная машина зубьями, стал обрабатывать нового члена.

Своей грубоватой прямотой он обдирал с него интеллигентскую мягкотелость, условность, предрассудки, неизбежно прививаемые гимназией и пребыванием в буржуазной обстановке, и взамен выковывал способность к борьбе, настойчивость, пренебрежение к опасности — свойства, которые выковываются в пролетарском юношестве всей тяжкой обстановкой их жизни. Гимназия дала ему знания, Союз дал сердце пролетария и руку бойца.

Союз дал свои задания, и в грянувшую пролетарскую революцию он их свято выполнял, как и все комсомольцы.

В Кремле, при занятии его в Октябрьские дни юнкерами, он вместе с товарищем Дугачевым избег расстрела.

А враги не дремали; с севера, с юга с запада, с востока напирали буржуазно-помещичьи войска. Революционной армии до зареза были нужны пролетарские командиры. Анатолий, как и многие комсомольцы, откликнулся на призыв и пошел в артиллерийскую школу. Кончил, его отправили на Северный фронт.

Тут наступали от Архангельска черносотенно-белые войска генерала Мюллера, а по многоводной Северной Двине канонерки англичан. У нас не было боевых судов. Поставили орудия на самые обыкновенные рабочие буксиры и стали драться. Анатолий был назначен начальником артиллерии на один из таких пароходов.

Трудно и тяжело было драться деревянным, совершенно неприспособленным на то буксирам, с закованными в броню английскими канонерками, из которых били тяжелые орудия.

Бывало, встретятся две эскадры, пролетарская и английская, буржуазная, одетая в сталь, начинается бой.

Англичане не торопятся подходить, — их орудия хватают гораздо дальше, чем красные, и над буксирами рвется шрапнель, взрываются гранаты, выламываются борты, сносятся трубы, рубки, со стоном падают люди, но смерть проносила свою холодную руку над головой Анатолия. Приходилось прибегать к хитрости: ночью на берегу замаскированно ставили батареи и, когда зарвавшиеся англичане подходили, били в них в упор, сносили трубы и на боку канонерки уходили в Архангельск, — сбивали с них спесь.

С севера Анатолия перебросили на юг. Дрались с Деникиным. Анатолий был назначен комиссаром бригады. Ему поручали боевые задания. В Донбассе ему дали два бронепоезда, с заданием взять станцию. Огонь с батареи противника и с его бронепоездов был чудовищный. Петербургские рабочие, путиловцы, сами оборудовавшие поезд, хмурые, сосредоточенные, черные от копоти, масла и дыма, уже закаленные в боях, смотрели в глаза своему юному командиру, — им нужно было, чтоб кто-то спокойный, уверенный холодно отдавал приказания. Огонь противника разросся невероятно. Обозначался отход в тыл, пришлось отступить. Бронепоезда, беспощадно обстреливаясь, медленно стали отходить. Молодые силы не выдержали напряжения, Анатолий поднялся на крышу бронепоезда, лег и лежал, как мертвый.

Кругом бешено рвались снаряды, превращая ночь в день, и бронепозд дрожал от губительных залпов. Минуты две неподвижности, свежего ветерка, звездного неба вернули силы. Он спустился, велел быстро отойти. Забрали запас снарядов, осмотрели, оправили и снова пошли в бой. Станция была взята.

На Дону стал разгораться пожар восстания. Анатолия перебросили на Дон и назначили комиссаром особого отряда по подавлению восстания. Положение было чрезвычайно трудное. Казаки, как тучи, поднимались со всех сторон, ворвались в Воронежскую губернию, взяли Калач, который был сильно укреплен. Ночью пошла густая метель. Анатолий убеждал командира ударить ночной атакой.

— Что вы! В этакую-то темь, да метель. Да наши все перепутаются. В этой каше отряда-то не соберешь, тогда голыми руками бери.

Но на эту-то дьявольскую ночь, метавшуюся в бушующем снегу, Анатолий и рассчитывал, — противник меньше всего ожидал, чтобы кому-нибудь пришло в голову итти в атаку в эту ночь.

Расчет оказался верен: казаки меньше всего ожидали нападения, в ужасе не успевали садиться на лошадей и кидались бежать раздетые, куда попало. Калач был взят.

Наконец, Анатолий попадает в армию Буденного, — она была брошена на ликвидацию прорыва Мамонтова. Люди кругом валились от тифа. В избах валялись больные в бреду и мертвые; 17 октября 1919 года свалился и Анатолий; в страшно мучительной обстановке его дотащили в Козлов, а 30 октября сгорела юная жизнь.

ДВАДЦАТЫЙ ГОД.

Весною 1920 года Красная армия отбивает налет шляхетской Польши на Киев и в несравненном порыве—без резервов, без тылов, без сапог—доходит до стен Варшавы, ища революционного стыка с польским рабочим классом. Она вынуждена, однако, отступить перед свежими силами франко-польского империализма, поработителя польских трудящихся масс. В тылу у нее Врангель, последняя ставка Антанты, пособника польской шляхты.

На окопавшихся в Крыму белых предателей армия революции обрушивает сокрушительный удар. Бои за Перекоп вошли в историю, как несравненный образец революционного героизма.

Первое собрание.

(Воспоминания.)

Яркий зимний день. На белых снежных тротуарах в тающих ледяных сосульках весело играют блески солнечных лучей, перезванивание извозчичьих саней, шум проходящих трамваев увлекает и каким-то далеким кажется недавний кошмар.

Только изредка ухающие пушки напоминают, что он близко—притаился в Батайске и, злобно ухмыляясь, выплевывает снаряд за снарядом.

Но это мимолетно. Праздничный шум Садовой, яркие зовущие плакаты, красные бантики как-то наполняют огромной светлой радостью.

На углах наши пахнущие свежей краской и клейстером воззвания:

„Солнце пролетарской свободы взошло над Ростовом".

„Готовься к смене, рабочая молодежь". Новые яркие слова бодрят, растут. Поворачиваю к Большому проспекту и подхожу к Гротеску.

Уже на лестнице слышу горячие выкрики Мальцева, а когда вхожу в переполненный театрик, настроение делается еще радостнее.

Даже сюда, в этот погребок, где никогда не было солнечного света, где от стен пахнет пьяными кутежами, внесли чистую здоровую радость. Слышу лишь последние слова оратора:

— Да здравствует рабоче-крестьянский Союз молодежи!

И гулкие долгие несмолкающие аплодисменты.

Выступает Лазурин. Мягкие вдумчивые фразы сразу напоминают, что враг не раздавлен.—Мы бодры, сильны духом и телом, а товарищи устали. Нужно сменить их. Нужно много учиться, чтобы продолжать начатое. Мы молоды и не привыкли сгибаться под ударами палачей. Мы будем учиться, чтобы иметь право сказать им — идите, потому что мы готовы сменить вас!

И столько мощной, гордой веры в великое дело освобождения трудящихся, что хочется вдруг сделать что-нибудь большое, хорошее, красивое.

Со мной рядом стояла пожилая работница. Она напряженно слушала и, когда он кончил, она не аплодировала, а отвернулась к стенке. Мне показалось, что у нее на глазах слезы.

А вот и Быстров. Путаясь, сбиваясь на каждом слове, он пытается что-то сказать о походах Красной армии и после нескольких предупреждений, что он не оратор, что говорить он не умеет, вдруг умолкает. Минутное молчание.

И затем, уже сильно смущенный, приглашает записаться в „Союз Коммунистической молодежи".

Но аудитория его понимает, она тоже еще не умеет говорить, но она инстинктом чувствует это свое, родное. И громом аплодисментов покрываются последние его слова.

Слово предоставляется представителю комитета партии, молодому парню, в кожаном костюме и пенснэ. Деловито, спокойно, сжато говорит о роли и задачах Союза, о взаимоотношениях с партией коммунистов-большевиков, так же деловито и спокойно предлагает всем молодым рабочим и честным интеллигентам вступить в Союз.

Последним выступает председатель собрания — Борский.

— На днях было девятое января — пятнадцатилетие кровавой бани, устроенной Николаем Романовым обманутому народу. Голодные пошли просить хлеба, измученные, изголодавшиеся люди пошли поведать царю о своих страданиях, думая, что царь не знает, как обращаются с его народом его же ставленники.

И в зале тихо. Лица стали серьезней. Все притаили дыхание, напряженно слушают печальную повесть одного из испытаний, выпавших на долю их отцов.

— Но мы не повторим ошибку отцов, — продолжает он, — мы не просим, мы требуем и требуем с оружием в руках. Мы знаем, что с нами не станут церемониться. Нужно единение, ибо мы были разрознены и проиграли, объединимся, и мы победим!

Снова аплодисменты, и снова в зале радостное и бодрое настроение.

Митинг закрывается. Перед концертом запись в Союз. В зале возня, шум передвигаемых стульев, смех, а Мальцев звонит и уже совсем охрипшим голосом, стараясь перекричать аудиторию, еще раз призывает все честное, хорошее и сознательное записываться в РКСМ.

Протискиваюсь к дверям, у столика толпа записывающихся, справляющихся у своих комсомольцев. Какая-то пожилая женщина пристает, чтобы записали ее сына и хотя ему еще нет четырнадцати лет, но он такой большой и все равно только по улицам собак гоняет.

Худенькая большеглазая тов. Ира нервничает: „Не могу, товарищ, понимаете, не могу, не мешайте, пожалуйста, следующий. Рабочий... Учащийся...“. „Товарищ Ира“, — басит какой-то юноша в гимназической шинели, — двадцатитрехлетних можно?“.

— Можно...

— Пропустите, товарищ, — доносится откуда-то торопливый голос Мальцева, — Ира, автомобиль за артистами послала?

— Послала, что это еще нет их?

— Да нет же, волнуются, — он быстро куда-то убежал.

— Товарищ Мальцев, идите помогите, — звонко бросает вдогонку маленькая, тоже записавшаяся девочка, — а то не управимся!

Выхожу, не дожидаюсь концерта, уже темнеет. Заходящее солнце багрово отражается в стеклах магазинов.

Где-то далеко гулко прокатил пушечный выстрел. Но уже не пугает. „Победим!“ — радостно проносится в голове, а на душе радостно, хорошо.

Процесс 17-ти.

„Процесс 17-ти“... Под таким заголовком рассказывает № 146 подпольного „Одесского Коммуниста“ о кошмарной расправе с 9 юными товарищами, павшими жертвой белогвардейщины.

После долгих месяцев самого дикого произвола вначале немцев, затем французов, англичан, греков и, наконец, скоропадчины и петлюровщины, в Херсон явилась долгожданная Красная армия. Восторг неописуемый. Как в первые дни революционного подъема, люди, совершенно незнакомые, целуются на улицах, поздравляют друг друга. Но время не ждет. Впереди колоссальная работа по восстановлению разрушенного хозяйства и укреплению Советской власти. Коммунистический Союз молодежи выдвигает ряд юных, полных жизненной энергии и энтузиазма работников.

Но недолго длились радостные дни. Наступил август. Черные тучи нависли над Херсоном. После целого месяца отчаянного сопротивления наши войска, отрезанные от центра и окруженные со всех сторон противником, должны были оставить город. Все причастные к Советской власти эвакуировались. Перебирались в Николаев, а затем в Одессу и юные коммунисты. Здесь,

в царстве черносотенной своры, они опять принялись за подпольную работу. Но слишком смелы были действия юных подпольников, и белогвардейская лапа их скоро настигла. Арестовали 17 человек.

Все издевательства и пытки озверевших белогвардейцев ни к чему не привели: сверхчеловеской силой воли товарищи сдерживали рвавшиеся из груди крики и на все вопросы отвечали молчанием. Суд продолжался двое суток. В субботу 4 января (17 янв.) вынесен 9 товарищам смертный приговор (через повешение), остальных приговорили к каторге. Осужденные держали себя спокойно, бодро и стойко.

В последнем слове тов. Ида еще раз указала, что она вполне сознательно делала то, в чем ее обвиняют, зная, что по головке ее за это не погладят, но прощения или помилования она просить не собирается. Пусть только остальным невиновным смягчат участь, а о себе она не хлопочет.

— Только и всего? — насмешливо спросила тов. Ида, выслушав приговор. — Знайте же, хотя бы вы каждый день убивали по десять человек, наши товарищи каждый день берут по станции и доберутся до вас. Мы умираем молодыми, умираем спокойно, так как за нами и за нас пойдут новые сотни стойких борцов. Ваша песенка спета еще раньше, чем вы ее спели нам!

— Неужели вы думаете, — подхватил тов. Борис, — что бессмысленным убийством десятка человек, почти детей, вы совершили великое дело? Лучшие наши товарищи, старые партийные работники, целы и ни на минуту не оставляют работу. Вы ничего не добились, лишний раз доказав свое бессилие.

Много им говорить не дали. Через 24 часа должна была совершиться казнь. Осужденные держали себя героически, даже стража плакала, видя, как встречали смерть эти юные революционеры.

5-го вечером их должны были прикончить. Караул и первый, и второй, отказался вести на расстрел. Они прожили еще ночь. В понедельник, 6-го января, в 9 часов вечера, за ними пришло несколько пьяных грузин, которые предварительно зверски поиздевались над осужденными и избили их до потери сознания. Потом потащили их в погреб, и в тот момент, когда красные войска победоносно вошли в город Херсон, началась страшная расправа над девятью юными коммунистами. Многие умерли не сразу. Их добивали в пьяном озверении прикладами. Когда же после расправы несколько стражников полюбопытствовали взглянуть в погреб, страшная картина смерти поразила даже их, видавших виды.

Девять человек с размозженными черепами сидели и лежали в разных местах. Тов. Безбожный с невестой лежали, обнявшись, в одном углу, тов. Ида, крепко сжимая руку Бориса, в другом; подле них лежали разбитые винтовки. Кровавая расправа кончилась геройской смертью этих молодых, но стойких и страстно преданных делу коммунистов. А на следующий день в подпольной газете „Одесский Коммунист“ появились следующие посмертные письма убитых, которые мы приводим целиком:

I.

„9 коммунистов, осужденных 4-го января 1920 года военно-полевым судом при штабе обороны г. Одессы на смертную казнь, шлют свой предсмертный прощальный привет товарищам. Желаем вам успешно продолжать наше общее дело. Умираем, но торжествуем и приветствуем победоносное наступление Красной армии. Надеемся и верим в конечное торжество идеалов коммунизма. Да здравствует Красная армия! Да здравствует Коммунистический Интернационал! Осужденные: Дора Любарская, Ида Краснощекина, Яша Ройфман, Лев Спивак, Борис Михайлович, Дуниновский, Василий Петренко, Миша Пильцман и Поля Барк".

II.

„Дорогие товарищи! Я был арестован во вторник, т.-е. неделю тому назад. При мне ничего не найдено. При аресте били, не веря, что я поляк. Весь вторник я провел в уголовном розыскном, ночь со вторника на среду провел в Петропавловском участке. Приблизительно до полудня был спокоен, так как думал, что меня отпустят скоро; через полчаса меня позвали на допрос. Там меня били около часу; били резиной, ногами, крутили руки и ноги, одну ногу вытянули к лицу, другую к затылку, поднимали за волоса, клали на пол и танцовали по телу, били в лицо, в зубы, но так, чтобы не оставалось повреждений. Наконец, взбешенный моим молчанием Иваньковский, первая сволочь в мире, ударил меня револьвером по голове. Я упал, обливаясь кровью. Несколько раз падал в обморок. Под влиянием нахлынувшей апатии я сознался, что работал. Мне грозит смертная казнь, если до того не случится чего-либо исключительного. Ночью я два раза пытался выброситься из окна четвертого этажа, но меня хватали и снова били. На рассвете меня опять вызвали на допрос, требуя, чтобы я назвал фамилии или адреса товарищей, работающих со мной. Снова били долгое время и ничего не добились, так как на все вопросы я отвечал незнанием. Велели подписать дознание в том, что я уже сознался. Я подписался, после чего Иваньковский, махнув рукой, велел отправить меня в какой-нибудь участок. Фактически я уже распрощался с жизнью, и если волею случая останусь жить, это будет для меня приятный и неожиданный подарок, выигрыш жизни. Теперь, когда рана на голове зажила, когда боль во всем теле не так ощутительна, и живительные силы снова овладели организмом, а ближайшие перспективы на воле так заманчивы, хочется жить, жить во что бы то ни стало. Без борьбы я не сдамся, без борьбы не умру, и если все же придется умереть сейчас, то встречу смерть с высоко-поднятой головой. Прощайте.

Ваш З.».

III.

„Дорогие товарищи!

Я уже писал вам, что пал жертвой провокации. Под влиянием пыток и избиений я сознался. Сегодня предстоит суд скорый, но неправый, меня, возможно, расстреляют. Ухожу из жизни со спокойной совестью, никого не выдав. Будьте счастливы и ведите дело до конца, что мне, к сожалению, не удалось.

Пишу в то время, когда осталось 24 часа жизни. Только-что кончилось заседание военно-полевого суда, которое присудило меня и других товарищей к смертной казни через повешение. Настроение очень веселое, бодрое, ибо знаем, за что умираем. Я уверен, что мои младшие братья пойдут по моим стопам и отомстят кому следует. Писать больше не хочется. Привет всем. Оставайтесь счастливы.

Борисъ.

IV.

„Милые родные, через 24 часа меня повесят в назидание потомству. Ухожу из жизни с полным сознанием исполненного долга перед революцией. Не успела много сделать. Что ж? Глубоко убеждена, что процесс 17 человек имеет большее значение для революции, чем смерть 9 человек из их числа. Милая сестра, не тужи обо мне, будь революционеркой, успокой маму. Завещаю твоему малышу сделать то, чего не успела сделать я на революционном поприще. Очень бодра, удивительно спокойна, и не только я, а и все остальные. Поем, ведем беседы на политические темы; после двух недель ареста сразу почувствовала себя свободной. Только жалею и тужу, что осудили многих слишком строго. Мне 20 лет, но я чувствую, что за это время стала гораздо старше. Мое желание в настоящий момент, чтобы все мне близкие отнеслись к моей смерти так, как отношусь я — легко и сознательно. Прощайте. Да здравствует коммунистическая революция!

Ида Краснощекина".

V.

„Славные товарищи, я умираю честно, как честно прожила свою маленькую жизнь. Через 8 дней мне будет 22 г., а вечером меня расстреляют. Мне не жаль, что погибну так. Жаль, что мало мною сделано для революции. Только теперь я чувствую себя сознательной революционеркой и партийной работницей. Как вела я себя при аресте, при приговоре, вам расскажут мои товарищи. Мне говорят, что я была молодцом. Целую мою старенькую мамочку-товарища. Чувствую себя сознательной и не жалею о таком конце. Ведь я умираю, как честная коммунистка. Мы все, приговоренные, держим себя прилично, бодро. Сегодня читали

в последний раз газету. Уже на Берислав, Перекоп наступают. Скоро, скоро вздохнет вся Украина, и начнется живая созидательная работа. Жаль, что не могу принять участие в ней. Ну, прощайте, будьте счастливы.

Дора Любарская".

VI.

„Дорогие товарищи! Еще несколько часов осталось жить. Бодро идем умирать, сознавая, что на воле остались товарищи, которые продолжают работать, и что дело великое близится к торжеству.

Яша Безбожный".

VII.

„Дорогие товарищи! Еще 24 часа осталось жить, но мы не унываем и не падаем духом. Умираем с полным сознанием, что правое дело, за которое мы погибаем, восторжествует. Надеемся, что наша смерть не пройдет даром. Рабочий класс увидит воочию, что принесла им добровольческая армия. Прощайте.

Поля Барк".

Польский фронт.

К внутреннему фронту борьбы с бандитизмом прибавился и внешний фронт. Положение Советской республики чрезвычайно осложнилось в связи с наступлением поляков. Они уже были недалеко от Киева, который с часу на час должен был перейти к ним в руки. Наша организация, в это время насчитывавшая 200 человек, обсудивши положение Республики, мобилизовала 70 товарищей на фронт. Это были самые лучшие силы Союза.

При мобилизации совсем не считались с возрастом, брали вплоть до 16 лет, лишь бы парень мог владеть винтовкой. Были такие ребята, которых нельзя было послать на фронт. Они были ростом с аршин от земли. Но удержать их было чрезвычайно трудно, ибо они не хотели считаться ни с какими мотивами, говоря: „Если мы не сможем на фронте стрелять, то будем патроны подавать, только не оставляйте нас в тылу".

В уездах также мобилизация прошла с большим подъемом. Конотопская и Нежинская организации за малым исключением влились в 12 армию. Сосницкая, Городнянская, Кролевецкая, Козелецкая и Новгород-Северская организации составляли совместно с местными гарнизонными ротами — отряды групп черниговских войск, которые создавались при губерниях, находящихся вблизи от фронта. Только интеллигенты, вступившие в Союз с целью

устроиться на службе, отказались пойти на фронт. Эти типчики были исключены из Союза и занесены, как шкурники, на черную доску.

В это напряженное время каждый день являлись к нам в Союз рабочие подростки, изъявлявшие желание записаться в Комсомол с тем, чтобы их послали на фронт, но мы вынуждены были прекратить прием в Союз.

Девушек и малышей эвакуировали в северные уезды. Наш отряд несколько дней находился в Чернигове, делая предварительные маневры до отправки на фронт.

Губком был преобразован в Губревбюро, и он эвакуировался в Кролевец для того, чтобы оттуда руководить работой в прифронтовой полосе.

На Черниговщине, около левого берега Днепра, не было регулярных войск. Нашему отряду пришлось (в отряде было большинство комсомольцев) держать фронт на расстоянии 50 верст в длину Днепра. С испорченными винтовками разного калибра, без достаточного количества патронов, ребята все время рвались в бой.

Благодаря сделанному нашим отрядом налету на три деревни, расположенных на правом берегу Днепра, нашим регулярным частям, стоящим около Чернобыля, удалось взять город и отбросить поляков на 70 верст в глубину Минской губернии...

На Комаровском поле.

(Рассказ старого рабочего.)

При поляках это было. Загнали нас тогда, не давали собираться.

Сижу я это так у себя дома, на Комаровке. Вдруг слышу с улицы доносятся шум, крики. Я выскочил на улицу — посмотреть, в чем дело.

А что увидел... не забуду.

Двенадцать молодых парней — почти мальчиков. По два шли они и цепями были скованы друг к другу.

За ними шагали „жолнежи“,[1] и медленно двигались автомобили, наполненные офицерами.

А сзади страшно голосила женщина! „Брат мой, Алексей, куда тебя изверги ведут!“ Бежала за ними баба, пока не навалился на нее тяжелый приклад.

Но страшнее этих криков было спокойствие осужденных. По дороге они с себя снимали одежду — шинели и отдавали прохожим: „Зачем это нам: все равно помирать“.

Верно дивились вылощенные офицеры смелости наших партизан, перешептывались в автомобилях.

---

[1] Польские солдаты.

А наши сердца тревожно дрожали, боль смешалась с гордостью. „Так, так, братцы, покажите, как наши умирают“.

А когда подвели к яме, сильно забились сердца в сотнях грудей — но не дрогнули партизаны.

Прямо стали они лицом к яме — двенадцать молодых, крепких парней, как тонкие березки стали на краю ямы.

Длинный приговор.

Стрелять!

Падали лицом в яму, но не сразу все пали, плохо стреляли познанчики. Услужливый „жолнеж“ проткнул еще кого надо штыком.

Насмехались потом долго над телами бойцов, ковыряли, долго ковыряли их штыками.

Но боялись власти, что придут отомстить за них.

И долго, много дней и ночей стояли на том месте люди с ружьями и грозно окликали:

— Кто идет?

Памяти девяти.

За месяц до казни девяти, благодаря предательству ворвавшегося в партийную среду провокатора, начались провалы подпольных организаций во всех городах Крыма. Первый удар выпал на долю подпольной симферопольской организации РКСМ, которая насчитывала в своих рядах более сотни вооруженных молодых пролетариев, являвшихся для партии неисчерпаемым резервуаром, откуда брались боевики, подрывники, разведчики, следившие за шпиками, работники для установления связи и т. д.

Провокатор знал, что нужно начать свое „благородное“ дело с „комсы“ и тем самым подорвать мощь партийной организации.

Первый удар был нанесен...

22 апреля 1920 г. на конспиративной квартире была устроена засада отрядом кутеповской контр-разведки. Все появившиеся товарищи были немедленно схвачены и заперты в одной из комнат. Всего, до предупреждения о том, что квартира провалена, было арестовано 14 членов Союза.

Среди них находились два члена комитета и почти полностью ячейка кожевников.

Три недели их истязали, для того, чтобы вырвать у них имена и адреса партийных и союзных работников, оставшихся на воле. Но этого им не удалось: комсомольцы оставались верными революционной клятве.

Утром 14 мая 1920 г. власти, боясь нападения гулявших на свободе подпольников, оцепили все улицы юнкерами школы имени ген. Алексеева. От тюрьмы до „Петроградской“ гостиницы (Пушкинская ул.), где заседал военно-полевой суд, во время передвижения арестованных, не пропускали ни одного человека.

С раннего утра население было оповещено белогвардейскими газетами о предстоящем суде над 14 молодыми коммунарами. К зданию военно-полевого суда стекались толпы граждан, среди которых находилось много рабочих, покинувших свои предприятия. Все старания юнкеров разогнать толпу ни к чему не приводили. Буржуазная городская Дума, чувствуя, что в воздухе пахнет неладным, созвала экстренное заседание и постановила: послать в Севастополь к Врангелю делегацию с просьбой не приводить в исполнение смертных приговоров над несовершеннолетними (среди арестованных были ребята до 16 лет), а, до разрешения этого вопроса в „ставке", на день отложить суд. Но их постановления остались только на бумажке.

С 10 ч. утра до позднего вечера шел военно-полевой суд или, вернее, разыгрывалась гнусная комедия. Под конец произнесли заранее приготовленный приговор: 9 человек к смертной казни через повешенье, 4 к бессрочной каторге.

Спокойно, с полным самообладанием подсудимые выслушали приговор. Их последняя просьба заключалась в том, чтобы в предсмертную ночь не разлучали смертников, чтобы всех держали в одной камере.

В момент произнесения приговора к зданию суда были стянуты почти все воинские части белой армии, расположенные в Симферополе. К моменту вывода подсудимых из здания суда толпы народа, взбудораженные воплями и криками родителей осужденных, сделали еще одну отчаянную попытку разорвать цепь белогвардейских частей и в последний раз взглянуть на смертников. Взяв наизготовку ружья, войска разогнали толпу и очистили улицы города от „большевистски настроенной публики".

По прибытии в тюрьму сейчас же после суда все смертники, кроме 18-летней Шполянской, были помещены в одной камере коротать последние часы своей жизни.

Самая тяжелая минута, которая навеки запечатлелась в памяти „бессрочников", это — прощание смертников с теми, кого ген. Кутепов решил оставить жить, т.-е. с теми, кто был осужден на бессрочную каторгу. Смертники передали им целый ряд „земных" поручений и самое важное задание — построить крепкий Комсомол.

А Шполянскую после суда опять отправили в контр-разведку, для того, чтобы в эту предсмертную ночь подвергнуть истязаниям и пыткам.

Пьяная орда всю ночь глумилась над ней. Ей отрезали груди и изрубили на куски руки. После этих страшных, нечеловеческих мучений она умерла.

В 4 часа утра 15 мая 1920 г. 8 смертников (за исключением т. Шполянской) с пением „Интернационала" были выведены на Тюремную площадь и поочереди были вздернуты на фонарных столбах. И тут дело не прошло без пыток. Уже умирающих, с веревкой на шее, товарищей опять спускали вниз,

давали возможность передохнуть и потом опять дергали веревку. Все мольбы товарищей о том, чтобы скорей их прикончили, не трогали „маменькиных сынков", славных врангелевских юнкеров.

В этот день все население Симферополя ходило смотреть на висящих на фонарных столбах юных мучеников и читало прибитый к каждому погибшему плакат: „Погиб за коммунию".

Прошли годы, но крымская молодежь помнит своих погибших борцов. Из года в год она ходит на их братскую могилу, возлагает венки и еще раз дает клятву с честью выполнить все заветы погибших и их главный завет — построить крепкий Союз.

Бронепоезд.

Бронепоезд КСМУ — это памятник участия юных коммунаров в гражданской войне. С героической отвагой КСМУ рвался в бой с врангельско-польской бандой. Харьковская организация второй раз бросала свои силы на фронт.

Идея о формировании команды бронепоезда из членов КСМ возникла у ребят, работавших в Петинском Райкоме КСМУ.

Группа товарищей во-время учла положение Республики и задачи молодежи. Поляки развернули фронт, продвинувшись в глубь нашей страны. Врангель вырвался из Крымского полуострова. Партия уже значительный процент своих сил бросила на фронт. Чувствовалось стремление работников партии и Союза итти на фронт без всякой мобилизации.

Первый разговор о бронепоезде привел к выборам тройки, которая в контакте с Обгоркомом и Губкомом должна немедля приступить к делу. Обгорком поддержал предложение Петинки и постановил отправить из своей среды одного товарища. Губком тоже своевременно откликнулся. Оставалось войти в переговоры со штабом юго-зап. фронта. Тройка не медлила, тов. Парцевский, как председатель тройки, приступил к переговорам со штабом. Штаб вскоре откликнулся, одобрил нашу идею и просил представить проект организации команды.

Не отдыхая ни минутки, тройка работала беспрерывно. Начались дебаты: райком настаивал на том, что формирование должно итти из членов, уже участвовавших в гражданской войне.

Проект райкома не удалось осуществить, так как членов, участвовавших в гражданской войне, было мало. Брошенные в 19 г. комсомольцы на фронт в большинстве своем не возвратились еще из армии. Тройка считала, что команда должна формироваться только из петинцев. „Петинка должна дать полную команду". „Брать с других районов только в случае недостатка подходящих людей в своем районе". Итак, вопрос относительно того, как подбирать команду, тщательно не раз обсуждался, был выработан и представлен в проекте в штаб.

Команда формируется из членов партии и КСМ, не менее годичного стажа. В конце июня штаб бронечасти разрешил вопрос, уведомив секретаря Губпарткома т. Верхотурского, что получим бронепоезд. С получением соответствующего документа тройка приступила к формированию команды. К этому времени райком провел уже соответствующую кампанию по выделению и даче отзывов каждому желающему и подавшему заявление поступить на бронепоезд. Все было готово, ожидали соответствующего приказа на местах о сборе. Перед отправлением райком в рабочем доме устроил прощальный и торжественный митинг всего района с беспартийными подростками. Речи, наказы, резолюции закончили последний вечер на Петинке. На другой день—приказ о сборе. Наше ядро, семьдесят человек из Петинки, было дополнено лучшими товарищами из Ивановки и Основы. (Впоследствии команда пополнилась группой добровольцев-комсомольцев из Ахтырки.) С песнями мы вышли, некоторые уже второй раз оставляли родную Петинку. В начале июля мы уже обучались, при роте формировали брончасти в Харькове.

Шестого июля со ст. Сортировочная отправились военным эшелоном в распоряжение бригады бронечастей, в Бежицу (на Брянский завод), где и получили бронепоезд № 93 под названием „Союз Коммунистической Молодежи".

Николаевский Комсомол.

Развернувшаяся война с Польшей потребовала мобилизации частей нашей организации. Николаев дал 40 комсомольцев на польский фронт. В городе пришлось усилить бдительность. Установлены были ночные дежурства членов в районах и выделены патрули и караулы.

Банды Тютюнника оперировали вблизи Николаева. Были мобилизованы все партийцы и комсомольцы и переведены на казарменное положение. Днем работали попрежнему, только вечером отправлялись в казармы, где ночевали вместе с красноармейцами; через неделю вновь спокойно стало. В июле опять надвигалась контр-революция. Врангель наступал. Херсон (в 60 вер. от Николаева) отделен был от белогвардейцев только Днепром. А атаки врангельцев становились все упорнее и упорнее. Тыл был неспокоен. Опять все способные носить оружие партийцы и комсомольцы были мобилизованы, вооружены и отправлены в Херсон. Пришлось трусить буржуазию и очищать город от засевшей в тылу контр-революции. Женщины также участвовали в боях. Здесь погибла Р. Таньхельсон — старая и лучшая комсомолка. Под пулями белогвардейцев она уносила наших раненых, пока ей не отрезали путь. Пришлось бежать в болота; простреленная, она утонула. После неудачных атак белогвардейцев, их стали теснить. Наш коммунистический отряд направили обратно в Николаев.

Комсомольцы у жиганов.

На столбе выцветшая и засиженная мухами афиша:

„Ко всем учащимся города Белгорода! Инициативная группа приглашает учащихся записываться в Союз молодежи. Цель Союза: учиться, работать и проводить культурно время. Инициативная группа“.

— Учиться и время проводить культурно можно одному. Идем, ребята, говорить о питерском Комсомоле! — взволновался Колька.

— Идея! И расскажем, что мы учимся, работая...

Вычистили сапоги и, подбирая слова агитации за комсомол, двинулись.

Пришли в гимназию, где в зале гимназистки в пелеринках, гимназисты, надменные с головы до пят, пара харьковских студентов, гордые своими воротниками, танцовали ки-ка-пу.

— Пфф! Ки-ка-пу, а там стреляют...

Чувствовался острый запах дешевой косметики.

При появлении группы вооруженных оборванцев шум затих. Лица испуганные, но храбрящиеся брезгливостью и недоумением. И кто-то робко спросил:

— Вам, господа, что надо?

— Мы, ребята, к вам зашли о питерском Комсомоле... рассказать. Мы с бронепоезда, — краснел и заикался Колька.

— Питерцы! — зашептала компания, впиваясь взглядами в комсомольцев. Зажелтело золото портсигаров, заполненных папиросами. На столе для докладчика поспешно наливали воду.

Первым говорил Колька.

„Жиганам“ комсомольцы рассказали о положении молодежи, о всех фактах, которые наталкивали молодежь на необходимость организации Союза молодежи.

А в заключение эффектно закончили:

— ...Одна группа (жест в сторону комсомольцев) училась и работала, как вы, а сегодня, может-быть, умрет, чтобы лучше другим жилось. А другая мешает нам... С кем же вы?

На трибуну за Колькой, разжечь огнем агитации гимназистов, полез Жоржка и другие. А за ним студенты.

— Убийства? Как тяжело... Не нужно крови... Все люди братья.

— Можно сопатку им расквасить? А, Коля?

По окончании докладов и прений постановлено:

„Организовать по примеру питерской молодежи Союз молодежи. Принять участие в гражданской войне созданием отряда красногвардейцев из юношей и санитарного — из девушек“.

Вскоре эти отряды участвовали в боях под Белгородом.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОД.

Превысив пять миллионов человек, Красная армия быстро сокращается после разгрома белых фронтов. Непрерывно сжимаясь и обучаясь, она продолжает сражаться. Удар за ударом, она ликвидирует наемные польско-румынские шайки петлюровцев и савинковцев в пограничной полосе. По грудь в снегу, нередко по колено в студеной воде, она очищает советскую Карелию от бело-финских отрядов. В Туркестане и в союзной Бухаре она поражает басмаческие банды, формируемые и вооружаемые британской агентурой. Она помогает монгольскому народу освободиться от банд, пытавшихся превратить Монголию в плацдарм для борьбы против советской Сибири и независимости Китая. Наконец, на Дальнем Востоке рука об руку с местными повстанцами Красная армия ликвидирует последние опорные пункты белогвардейщины и ее японских покровителей. От Мурманска, от Севастополя, от стен Варшавы до Владивостока — таков размах военных действий Красной армии.

Молодежь Питера и Кронштадтские дни.

Как только получились вечером 2-го марта первые сведения о кронштадтском мятеже, немедленно же (это было ночью) в районах были созданы тройки.

Утром уже во всех районах сорганизовались большие отряды молодежи. Отряды были численностью в 150—200 человек.

Весть о мятеже разнеслась по всем уголкам Питера, боевой пыл охватил молодежь.

Стремление на фронт было единодушно.

В отрядах, в коллективах выносились резолюции, клеймящие позором разгулявшихся матросов, думающих сломить силу и мощь Советской Республики.

Молодежь мобилизовалась через партийные комитеты и пачками направлялась к Ораниенбауму.

— На Кронштадт!

В районах, кроме того, были созданы санитарные отряды из девушек — членов Союза молодежи.

Девушки в спешном порядке обучались санитарному делу, готовые во всякую минуту выйти на фронт.

Боевые отряды вели большую работу, неся караулы.

В отряд профсоюзов Союз молодежи выделил до сотни своих членов, несущих также караулы, охраняя питерские улицы.

Не только питерская молодежь своим чутким сердцем откликнулась на кронштадтский мятеж.

Из Москвы приехал отряд молодежи из активных работников Московской организации Союза молодежи. Они рвались на фронт.

В эти дни не было малодушных и сомневающихся в рядах коммунистической молодежи.

Молодежь в эти дни показала себя, как верный оплот коммунистической партии.

На Кронштадт.

(Страницы прошлого.)

— Рав-внение-е направо-о, шагом ар-рш-ш!..

Двинулись. Грянула музыка. Мы шли, шли уверенно вперед, куда нас призывали.

Уже сгущались синие сумерки. Кинешма окуталась в прозрачную синеву, оставаясь далеко позади. Милая Кинешма, тихий знакомый городок...

— Пуф-ф-пуф-ф-ф,— пыхтит паровоз. Вокзал.

Пламенная речь. Напутственные наказы. Музыка. Чей-то сдержанный плач. Стою на площадке вагона, немного разбитый, грустный.

— Не трусь, идешь на великое дело, за всех идешь, будь тверд...

Это говорит мне мой дядя, старый испытанный солдат-вояка. Вот он стоит. Простое лицо. Светлые откровенные глаза, невысокий, немного бледный.

Третий свисток. Тронулись. Из глаз пропала дорогая платформа, исчез синий и тихий городок...

— Скорей... скорей... скорей...

Стучат колеса.

А когда забрезжило утро, кто-то проронил: „Москва“.

— Москва, — повторил я. В вагоне все зашевелились, забегали, загремели чайниками, котелками.

Через час мы переселились на другой вокзал и новый вагон. Покатили по ровной линии Николаевский дороги.

Вечер... и мы в Петрограде. Шумные улицы, отдаленные орудийные выстрелы. Около Николаевского вокзала строимся в ряды и стройно с революционными песнями идем вдоль Невского проспекта.

— Это есть наш последний
И решительный бой... — гремит песня...
На нас с тротуара смотрит столичная публика.

Я иду четвертым в своей шеренге. Сапоги валеные мокрые, их так тяжело подымать.

А вдали слышатся глухие раскатистые удары.

Мне вспомнились слова дяди:

„Не робей, не трусь, на великое дело идешь"... Эти слова я стараюсь закрепить и, сжимая в руках холодное ложе винтовки, отбиваю в такт команде.

Яркое мартовское утро. Я только-что успел себя привести в порядок, как уже старшина роты назначил меня на ночь в караул к Упродскладу.

В четыре часа развод, а в пять часов я и еще со мной один товарищ, такой же юноша, как и я сам, с винтовками в руках пошли „сменять".

Мой спутник, заглядывая мне в лицо, говорил:

— Лучше бы итти туда...— и он махнул рукой по направлению Кронштадта, где в сгущенных вечерних сумерках раздавались залпы и, как от пожара, вспыхивал небосклон.

Немного жутко... Но как только ты начнешь думать о том, что ты несешь сейчас службу, которая нужна, то сейчас же все пропадет.

Медленно шли часы караула.

На утро мы просились в Ораниенбаум. Наш комиссар высокий, строгий, с шапкой кудрявых волос на голове, отказал, и мы остались снова в Петрограде.

Дни шли быстро, незаметно. Мы не видели, как прошло это время. Приходило 20 марта...

Утром пронеслось: „Кронштадт взят красными". — Залпы затихли, стоны умолкли.

На улицах жизнерадостное настроение, многотысячная толпа встречает бойцов. Гремит музыка, слышатся пылкие речи ораторов, и над всем этим светит яркое солнце, алый флаг трепещет и кричит:

— Кронштадт снова наш!

Комсомол деревни Карпиловки.[1]

В 20 году — через месяц после ухода поляков, мы организовали комсомольскую ячейку.

...Потом, совершенно случайно, узнали о Бобруйском Угоркоме, связались с ним, а скоро связались с исполкомом и с комячейкой. Они сначала смотрели на наш Союз, как на лишнюю затею, но постепенно начали с нами вместе работать. Первым

[1] Белоруссия.

делом повели борьбу с бандитами. А их в то время развелось порядочно: Балахович, Кисель, Короткевич. Были времена, когда ячейка в полном своем составе по целым неделям бродила — бандитов искала, не заворачивая в родную деревню.

Рыскали по лесам, по болотам, по шляхетским застенкам, искали бандитов. Интересные случаи с нами бывали.

Осенью 21 года еду я как-то домой, возвращаясь с совещания секретарей. Еду лесом, все время в руках держу винтовку.

Вдруг подбегает кто-то: „Стой! Ты кто такой?“ — „А тебе што?“. — Соскакиваю с подводы, собираюсь стрелять, но... во-время удержался, из кустов к нам бежали еще двое бандитов, а за деревьями я увидел еще четырех.

Что делать? Единственный выход — бежать.

Быстро, стрелой, пробежал шагов десять, попал в болотную грязную канаву по пояс. Полные карманы грязи. Насилу выбрался, а бандиты дали ряд выстрелов, и слышны были крики:

— Стой! Стой!

Шел глухим лесом и болотом десять верст, попал на хутор одного крестьянина - латыша.

Когда я, выбравшись из болота, мокрый и грязный, дня через два появился в деревне, меня встретили, как привидение. Дивились, что из мертвых воскрес.

Но бывали у нас и победы. Прибегает однажды к нам в ячейку крестьянин, сообщает, что в лесу видел бандитов. Живо собрались и пошли. На открытой полянке спокойно расположились бандиты, видимо, отдыхали, закусывали. Увидели нас — на коней и драла. А мы не сплошали — быстро настигли лошадей, забрали их, двух бандитов взяли в плен и нескольких ранили.

В таких постоянных налетах на бандитов и прошли у нас 20 и 21 годы.

Чауш.

В феврале 1921 г. Чауш приходит в родной Кикинеиз.[1]

Кругом бандиты. Каждый день спускаются они в деревню. Центральное гнездо их — на южном побережье и в Бештекне, над селом. Крестьяне неорганизованы, запуганы.

Коммунистов нет, комсомольцев всего пять человек, да и те боятся из двору нос показать — убьют! Что такое Союз молодежи, как он должен работать — не знают...

Тогда Чауш собирает первое собрание комсомольской ячейки. Собирает тайно, ночью, в заброшенной даче, за забитыми окнами и дверями. Объясняет ребятам, что такое дисциплина.

Просто и понятно:

— Как я свистну — все собирайся ко мне. В какое бы время дня или ночи это ни было...

[1] Крым.

Лишь после этого он переходит к чтению „Азбуки коммунизма“.

Так в заброшенной татарской деревне начал Чауш долгую и упорную — не на жизнь, а на смерть — борьбу за Советскую власть.

Днем—среди крестьян в Совете; ночью—по камням над морем в Алупкинский Особый отдел.

—Дайте винтовок, — просит Чауш. — Мы сами начнем борьбу с бандитами...

Наконец, дали. Вооружили ячейку, милицию. И Чауш переходит в наступление.

Собрания ячейки объявляются открытыми, зовут на них беспартийную молодежь. Комсомол растет, и к концу 1921 г. насчитывает 12 человек.

Впервые удается изловить трех бандитов. На радостях всей ячейкой отводят их в Алупку.

Тут шайка неожиданно спускается с гор, врывается в деревню, срывает с помещения ячейки красный флаг и топчет его в пыли.

Но воодушевленные успехом ячейки крестьяне всколыхнулись, сбежали со всего села, окружая бандитов и забирая при них флаг:

— Это красное знамя залито нашей кровью...

Так, ячейка, во главе с Чаушем, в несколько месяцев переломила настроение крестьянства.

Комсомол в борьбе с бандитизмом.

Когда очистился Дон от ига белогвардейцев, они тяжелое наследие оставили. В степях Дона каждый разбитый белогвардейский отряд оставлял десятки—основу будущих банд. Махровым цветком расцветший на Украине, Махно польстился на хлебный Дон.

С весны 1921 года нет, кажется, ни одного хутора, где не побывали бы банды.

Появилось как-то большое количество не имевших никакой политической физиономии банд от 5 до 25 — 30 сабель, которые грабили проезжающих, убивали коммунистов, зверски расправлялись с продработниками.

В жизни Союза наступил исключительно героический период, когда каждая ячейка—боевая единица, каждый член Союза—боец. Были ячейки, в которых члены Союза, чтобы быть ко всему готовыми, ночевали вместе, в одной хате, были ячейки, где комсомолец не знал, как обращаться с вилкой, но винтовку свою знал лучше самого себя. Комсомольцы спешно вооружались. Для этого было два способа. Один—получить оружие из округа,— но пока в округ попадали, по дороге не раз грозила опасность быть убитым. Второй способ, как говорили „более простой“ — разоружить банды. Всяческими способами, но комсомольцы вооружались, вооружались, чтобы бить, но не быть битыми.

Комсомольцы хутора Большого, Усть-Хоперской ст., Верхне-Донского округа, в количестве 8 человек, залегли в каменной

мельнице и отбили наступление банды в 100 с лишним сабель, захватили несколько лошадей и много оружия.

Манько-Калитвенская ячейка (Донецкого округа) разоружила банду в 5 человек, запасшись таким способом 5 винтовками, несколькими револьверами и патронами.

Это отдельные случаи, — а сколько их было всего, хорошо показывают цифры по одному только Донецкому округу. В организации в среднем, до начала 1922 года, насчитывается 10 ячеек, с 202 членами РКСМ (в среднем 20 человек на ячейку). Эти 202 члена Союза 159 раз выступали за $1^1/_2$ года против бандитов. Приняли 60 боев. Потеряли 27 человек ранеными, 16 убитыми. 55 человек попали в плен и из них 21 зверски замучены.

Ячейка РКСМ с. Ольхово-Городище насчитывает 9 комсомольцев, выступали против банд 21 раз, 12 раз бандиты уклонялись от боя, 9 раз ячейка вынудила их принять бой. За это время 6 из 9 комсомольцев побывали в плену у бандитов, но вывернулись — бежали.

Ячейка Ефремово-Степановки — всего 8 комсомольцев. Против бандитов выступали 31 раз, приняли 10 боев. Потеряли 2 ранеными, 1 убитым, 4 в плену побывали.

Больше других пострадала Миллеровская городская ячейка. Во время 10 боев с бандитами потеряла 10 человек убитыми, 20 попало в плен и 8 из них было замучено.

Мы даем цифры только по одному округу. Не меньше сделали для борьбы с бандитами и ячейки других округов.

Сколько было в этой борьбе героического. В 1921 году, в мае месяце, один комсомолец — фамилии его не помню, да и навряд ли кто из донецких комсомольцев запомнил, из наиболее активных ребят, работал в кружках, организовывал спектакли, в хоре пел, шутки ради пятипудовые мешки ворочал. Выехали на банду. С ручным пулеметом „Льюис", одним из первых ворвался в хутор, с улицы влетел в хату. Во дворе группа бандитов только коней седлала. Он выстрелил — бандиты ворвались в хату и... „Льюис" в руках героя-комсомольца заходил, как молоток о наковальню, по головам бандитов. Не один бандит упал с разбитой головой, пока додумались стрелять в него через окно. Убили.

С начала появления бандитов организации Союза повели активную борьбу с ними, но до самого III областного съезда (осень 1921 г.) борьба с бандитизмом не была организована. Ячейка выходила бить бандитов только тогда, когда они были поблизости. С момента III областного съезда борьба ячеек Союза с бандами под твердым руководством окружных военных органов.

В борьбе с бандитизмом Союз очистился от „всякой скверны". При налетах бандитов, кто не вышел против них, тот механически выбывал из Союза. При Всероссийской перерегистрации (весной 1921 г.) задавали один вопрос:

— По банде ходил? Нет? Сдавай билет!

В заключение кусочек из отчета тов. Карунова о Тарасовской ячейке:

„И впредь не упустим момент дать залп по черной своре".

Борьба с басмачами.

История басмачества во многом схожа с историей бандитизма на Украине. Те же вначале поиски идейного знамени для борьбы с Советской властью — только не черного анархистского, а зеленого мусульманского цвета; то же стремительное вырождение в мелкие разбойничьи шайки, для которых грабеж является промыслом.

Басмаческое движение зародилось в сердце Туркестана, в Фергане. Возбужденные призывом бутафорского „автономного" правительства, состоявшего из нескольких мулл, находившихся под опекой русских банковых дельцов, туземные кулаки в январе 1918 года невдалеке от г. Коканда, главного города области, выступили против Советской власти. Выступление окончилось поражением мятежников: Советскую власть не так-то легко было свергнуть.

Но басмаческое движение уже не унималось.

...Борьба разыгралась не на шутку.

1920 и 1921 годы.

Комсомольские организации отдавали большую половину своих членов на борьбу с басмачами.

В Самарканде, в Фергане, редкий из старых комсомольцев не имел в руках оружия, предназначенного для борьбы с басмачами, редкий из них не выдерживал осады в каком-нибудь укрепленном на скорую руку квартале охваченного восстанием города.

...Во время восстания Джунаид-хана, вплотную подошедшего к Хиве, столице Хорезмы, особенно резко выступил боевой характер Хорезмской комсомольской организации.

Комсомольцы составили основную вооруженную силу.

Они грудью отстаивали от разбойничьих банд каждую пядь земли, каждый клочок на скорую руку возведенных укреплений.

Недаром так много среди хорезмских комсомольцев краснознаменцев. Спрашиваешь:

— Как достался тебе орден?

Дюжий широкоплечий парень в смущениии. Трудно ведь рассказывать о подвигах, оплаченных кровью.

— Так, за бой.

Восстание Джунаид-хана произвело большие опустошения в рядах комсомольских организаций.

Но эти бреши быстро заполняются, те районы, где более всего бушевало басмаческое движение, быстрее всего плодят комсомольцев.

Фергана после опустошений, созданных басмачами, после потери ими последних остатков доверия в глазах населения — имеет наиболее многочисленную организацию в кишлаках.

В ТЫЛУ У БЕЛЫХ.

НА УКРАИНЕ И В КРЫМУ.

Красная Пересыпь.

...В воскресенье утром возле Дома Трудолюбия маячат наши „часовые“. Проводят меня в одну из глухих комнат. Маленькая комнатушка — театральная уборная битком набита. Открываю от имени Обгоркома КСМ собрание. Хотят петь Интернационал. У всех такое настроение, что хоть и сейчас веди прямо в огонь. Делаю доклад о задачах КСМ. Избирается Комитет в составе Володи Сысмыя, Захария Яковлева, Павла, Гарина и Ильина.

Я вношу предложение итти всем в театр „Аркадия“ и постараться сорвать доклад Пешехонова, б. министра правительства Керенского. Предложение принимается, и парни, не удержавшись, не думая о последствиях, поют Интернационал, не обращая внимания на увещания более благоразумных товарищей. На шум прибегает Трофимов, который не знал, что мы собрались в Доме Трудолюбия, и за несоблюдение конспирации разгоняет нас.

...Оравой врываемся в „Аркадию“, занимаем задние ряды и задаемся целью сорвать доклад Пешехонова. К нам присоединяются до 30 человек сочувствующих. Поднимается занавес. На сцене заметно перекрасившийся для аудитории Пешехонов. Только лишь он успевает раскрыть рот и произнести: „Господа и граждане“, как мы тут-как-тут и во все глотки кричим. „Здесь господ нет, здесь товарищи“. И так несколько раз при общей поддержке всей аудитории. В конце концов, Пешехонову приходится сказать „товарищи“. Но и дальше мы не перестаем бунтарствовать. Крики „неправильно“, „долой“, „довольно“ хором выкрикиваются нами после каждого его слова, в чем не отстает от нас почти вся аудитория. В результате Пешехонов под гром „аплодисментов“ ногами, свист и улюлюканье, красный как рак, безнадежно махнув рукой, покидает сцену.

...С того времени Пересыпский район КСМ принимается за работу. Члены Союза, все до одного рабочие, отдавали не только свободное, но и рабочее время работе. Каждое воскресенье устраиваются собрания. Уже на втором собрании была создана

боевая дружина из трех десятков. У всех товарищей оказалось оружие. Сугубое внимание было обращено на распространение литературы. Я в то время был экспедитором партии, и у меня на квартире распределялась литература. Как только выходил очередной № „Коммуниста", ко мне на квартиру приходили с корзинами сестры и матери наших комсомольцев, как-будто бы в гости к моей матери с базара, и нагружались литературой. Каждый комсомолец имел своих постоянных „подписчиков" на тех заводах, где он работал. Не было ни одного завода, где бы у нас не было „подписчиков" и где бы рабочие во время работы не читали группами подпольного „Коммуниста".

...Кроме распространения „Коммуниста" и расклейки листовок, существовал и другой способ распространения листовок. Сотни листовок сворачивались в маленькие пакетики. Все парни, рассыпавшись по Пересыпи, здороваясь с совершенно незнакомыми рабочими, при рукопожатии всучивали прокламации. Почти все рабочие чувствовали, что это такое, и, не разворачивая, благодарили, а если кто из недогадливых и спрашивал, то ему объясняли. Наши же комсомольцы, приходя на заводы за час до гудка, всовывали прокламации в ящики верстаков, раскладывали по станкам и обклеивали стены.

Гарину, Шпендицкому, Коле Бриччи и мне, как живущим в районе казарм на Новосельской ул., где находились немецкие, а затем и французские солдаты, пришлось взять их под „свое шефство", и „шефские" обязанности выполнялись добросовестно, усиленно снабжая подшефных литературой. Обыкновенно это проделывалось так: „Ле коммунист" и брошюры упоковывались в пачки. Мы четверо делили все окна казармы.

...Вбрасывали наши коммунистические „бомбы". Приходя на утро из любопытства поглядеть, мы часто видели группы солдат, читавших нашу литературу. Но скоро такой способ был уже непригоден, так как окна были обтянуты колючей проволокой, откуда мы и узнали, что наши проделки стали известны командованию. Тогда мы просто перебрасывали наши пакеты через заборы.

...По панели взад-вперед ходил немецкий часовой. Мы рассчитали так, что, когда часовой пройдет мимо нас, бросить сверток. Так и сделали. Но сверток при падении разлетелся. Часовой заметил и закричал: „Пан потерял". Когда получился такой оборот, мы бросились бежать. Часовой поднял тревогу, сбежались другие солдаты и пустились в погоню за нами, все время обстреливая. На наше счастье по Старо-Портофранковской летел трамвай. Мы вскочили в него, прошли с задней площадки на переднюю и, соскочив с трамвая, спрятались в садике. После того, как вагон, обстрелянный разозлившимися немцами, был остановлен, все пассажиры были обысканы и, арестовав двух учеников, отпустили вагон. А мы в это время, повысовывав от усталости языки, валялись на траве и от души смеялись, забыв, что

несколько минут тому назад мы могли быть пристрелены, как куропатки.

...Но вот повеяло чем-то новым. На улицах, залитых весенним солнцем, везде видны группы рабочих и обитателей. Только и слышно, что красные под Одессой и французы собираются эвакуироваться. Мы готовимся. Извлекается из-под земли чердаков оружие и чистится. Созывается общее собрание десятников. Постанавливаем немедленно выступить.

На следующее утро, когда французы и добровольцы только собираются эвакуироваться, к клубу Михайловского стягиваются наши парни. Все вооружены, „с красными бантами". Каждый приводит с собой по 2—3 вооруженных товарища. Выстраиваемся... и более 200 молодых рабочих под бодрые звуки революционных песен, с красными знаменами выступают на Белгородскую площадь.

Подымаясь по Нарышкинскому спуску в город, мы лицом к лицу встречаемся с батальонами добровольческих офицеров, спускающихся в порт для посадки на суда. Их гораздо больше, чем нас. Они во много раз лучше нас вооружены и обучены военному делу. Но мы верим в свои силы. Вызывающе смеемся и дразним их. Понурив головы, прошли они, не глядя на нас.

Наша дружина совместно с Макаровской заняла город, и только на другой или третий день вступили долгожданные Красные войска.

На путях к Комсомолу.

Не помню уже кем из ребят была облюбована комната во дворе синагоги, на Ганнибаловской улице в квартире синагогального служки, и все то, что делалось в комнате, было слышно в квартире. Это вызывало целый ряд неудобств даже чисто практического характера, так, например, нельзя было поздно засиживаться и шуметь или репетировать ночью ту или иную постановку, ибо „его светлость" синагогальный служка не мог спать при шуме. Но самым неудобным было то, что нельзя было вести в этой комнате конспиративные разговоры и дела. Приходилось в этом отношении прямо изобретать каждый раз новые способы, как провести нелегальное заседание, или как раздать ребятам вновь отпечатанные партийной типографией прокламации.

...Чем же мы занимались в тот период, когда, можно сказать, сам Иегова [1] ежедневно „благословлял" наши помыслы и дела. Это последнее имело немалое значение. Без всяких шуток, — то обстоятельство, что на ежедневные моления ходило довольно порядочное количество „непорядочных" евреев, дало нам возможность долго под „сенью верующего Израиля" вести свою революционную работу. Работа наша сама по себе хронологи-

---

[1] Бог.

чейка была распределена так: днем — драмкружковские репетиции, выдача книг из библиотеки; чтение газет и журналов и, наконец, беседы политического и общеобразовательного характера; вечером — конспиративные заседания, раздача прокламаций для распространения, вербовка в партию уже заранее „обработанных" парней. Особенно живы в памяти эти вечера, хотя бы потому, что молодая наша активка (по-нынешнему) ждала их с трепетом. Помнится, как Яша Яблонский (зверски убитый бандитами в 1919 г. во время Григорьевского мятежа) совершенно секретно, так, что ни одна душа, кроме него и Бориса Михайловича, не знала, приносил большую кипу прокламаций и, стоя в темном коридорчике, вручал их пачками парочкам, заранее сформированным, которые рассыпались по всем уголкам и переулкам города и устилали мостовые, тротуары, заборы, двери свеже-отпечатанными листками, призывавшими рабочих и солдат на борьбу за Советскую власть.

Особенно важным считался район Забалки, где были расположены казармы с нашими и иностранными солдатами (немецкими, а потом французскими и греческими) и, как коренной „забалканский" житель, я попеременно то с Соней, то с Катей Плоткиными в черные, непроглядные ночи печатным словом компартии будил сознание обманутых рабочих и крестьян в солдатских мундирах. Кроме того, наш актив принял участие в агитации за всеобщую забастовку, за организацию Совета Рабочих Депутатов, за свободу профорганизаций. Взрослые контр-революционеры, те бишь — меньшевики, хихикали над тем, как юнцы кипятятся, врываются в фабрики и зовут на улицу (это имело место на табачной фабрике Лермана, где работало до 300 человек), а мы с честью выполняли боевые задания партийного штаба и не желали тратить даже пяти минут на разговоры с якобы благоразумными защитниками интересов пролетариата, на самом деле — агентами буржуазии в рабочей среде. Поразительное серьезное отношение к порученному делу, самоотверженность и самопожертвование — вот характерные черты нашего союзного актива в то время. Конечно, были и крайности, главным образом, по части самопожертвования. Так, несколько товарищей не отставали от комитетчиков союзных, связанных с партийным штабом, чтобы им было поручено покушение на Пищевича (губернатора). На этом особенно настаивал самый младший из нас, Илюша Поль (сейчас учится в Гос. Институте Журналистики, член ВКП), считавший почему-то себя весь 17 год и начало 18 года меньшевиком, а летом примкнувший к подпольной организации. Он был одним из организаторов союза подростков, парнишка вообще энергичный, горячий, и много труда стоило нам убедить его в нецелесообразности таких шагов. Во что бы то ни стало решил он подложить адскую машину под дом губернатора, и только категорическое отрицательное заявление партийной организации удержало его от этого шага. В общем же наша боевая

работа привела к еще большему сплочению действительно революционных элементов Союза, вовлечению в наши ряды новых активных ребят и отсеиванию „попутчиков“, искавших в нашей организации „культурки“.

Спаянная воедино коммунистической работой, имея перед собой ясную цель — стать активными работниками партии, наша организация, насчитывавшая к этому времени около 50 человек, на ряду с боевой работой занялась усиленной работой по политическому воспитанию своих членов, дабы передать партии не только энтузиастов, но и теоретически подготовленных коммунистов.

В петлюровском подполье.

Оставшиеся в подполье члены Союза опять организуют свою новую дружину. Когда, в связи с революцией в Германии и поражениями немцев на западном фронте, немецкие войска оказываются вынужденными покинуть Одессу, когда на их место вступают новые непрошенные гости — французы во главе с французским консулом Энно, этой дружине приходится держать целый ряд серьезных стычек. Французские войска не ладят с петлюровцами, представителями установившейся в Киеве „Директории“. Между ними загораются споры и драки по поводу того, кто из них должен властвовать в городе. Власть в городе ослабевает. Пользуясь этим, партия поднимает на ноги все революционные силы Одессы, чтобы ударить на всю контр-революцию. Снаряженные 30 человек дружинников—членов Союза—берут арсенал, вооружаются сами и вооружают всю боевую дружину, которая потом выполняет целый ряд серьезных поручений партийного Комитета.

К моменту вооруженного выступления 5-го апреля 1919 г., которое передало власть окончательно в руки Советов, одесская боевая дружина насчитывает в своих рядах свыше 300 человек членов КСМ, активно участвующих во всех сражениях с внутренней контр-революцией.

Одесская боевая дружина.

По призыву Одесского Ревкома, 30 человек комсомольцев и несколько моревинтцев захватили арсенал, вооружились сами и вооружили всю боевую дружину. Другая часть боевой дружины была наготове, заняв под штаб один из трактиров.

Боевая дружина Союза выполняла серьезнейшие работы по поручению партийного комитета. Вот, например, одна из ее работ. В Одессе сконцентрировались огромные силы белых. Красные партизаны стягивали свои войска все ближе к городу и готовились к наступлению. Ревком решил предпринять несколько демон-

стративных действий для того, чтобы посеять панику в рядах белых. Нашей боевой дружине было поручено в нескольких местах города и за городом испортить телеграфную и телефонную сеть, что и было нами выполнено. Эта мера вызвала панику у белых, и от коменданта города последовал приказ, объявляющий вне закона всех, кто будет портить средства военной связи. Не менее ярким фактом является взрыв нашими дружинниками железнодорожного моста на ст. Одесса-Малая. Разведчики боевой дружины охраняли все союзные собрания. Организаторами и руководителями боевой работы КСМ были т. т. Федоров, Максимов и Морской, благодаря трудам которых дружина к моменту вооруженного выступления 5 апреля насчитывала до 300 человек, правильно организованных и представлявших серьезную силу.

Распространение литературы.

В распространении литературы комсомольцы были весьма изобретательны. Некоторые нанялись расклейщиками афиш и объявлений, другие становились газетчиками. Вечером, бывало, с кистью и клеем, с полсотней разных афиш и объявлений сверху и листовками снизу, комсомолец отправлялся в места, близкие к заводам и базарам. Оглядываясь, в случае отсутствия вблизи погон и шпор, быстро прикреплял к стене листовку и айда... Если вблизи городовой, или офицер и т. д. — клеил афишу...

„Иду раз по Прорезной, — рассказывает один комсомолец, — с пачкой листовок под курткой. Народу много. Клеить к стенам опасно. Гляжу—стоит торговка на углу, сливы продает—подошел. Прошу полфунта. Отвесила и кладет на клочок бумажки: „Что бумаги-то нет больше?“—спрашиваю. „Нет, батюшка, нет“,—отвечает,—„На, вот тебе немного,“—даю ей листовки. „Спасибо, молодой человек, дай бог здоровья“... Отошел. Издали наблюдаю... Подходит один, слив покупает — обращает внимание на листовку, показывает другому. Миг — собралась толпа... появились офицеры... Шум... старуху потащили... Дело сорвалось... Я быстро удалялся к Крещатику“.

Комсомолки одевались гимназистками, брали с собой пару — две учебников, а под ними завернутую в бумагу литературу и благополучно развозили по районам.

В погожий зимний день.

(Листки из блокнота 1919 г.)

Дни шли погожие — морозные да солнечные. Последние дни белого Киева... Сегодня подземный орудийный гул придвинулся еще ближе и глухо урчит за Днепром. Улицы полны народу, но каждый чутко ловит ухом отдаленные раскаты. Для каждого зву-

чат они по-иному. Хозяева города прислушиваются к ним с деланным равнодушием, с удивлением ловит их толпа, мы — с затаенной и крепнущей радостью.

Рано утром принесли из подпольной типографии остропахучую корректуру газеты. Что ни слово—опечатка. Досада, но все-таки доволен. Трижды прочел ее от доски до доски — бодрая газетка, зовущая. Изуродованные ошибками слова, как-будто искаженные гневом, выстроились в черные строчки. А впереди—непреклонные и дерзкие заголовки:

„Город будет нашим!“ — „Дни белых сочтены!“

Скользко. Поворачивая за угол Жилянской, падаю, но быстро вскакиваю, потирая ушибленную коленку, и нащупываю за пазухой корректуру. Цела! К утру газета должна быть готова. В предрассветном сумраке союзные ребята с Демиевки (предместье Киева) будут красться вдоль забора с горшочками клея в карманах. Негнущимися от холода пальцами будут торопливо, оглядываясь по сторонам, расправлять на стенах белые крылья газет...

Задумался и не заметил, что впереди на углу толпится кучка людей. Проверяют документы. Обыскивают. Остановился поздно. Долговязый офицер в британской шинели, проверяющий бумаги, встречается глазами с моим взглядом. Замедляю шаг. Подхожу к оконной витрине, стою с полминуты. Поворачиваю назад. Иду медленно и беспечно, а в мозг острой иглой вонзается двойная мысль: „Пропал“. — „Нет: увернусь“.

Оборачиваюсь. От группы темнозеленых шинелей отделяется одна и, не спеша, следует за мной. Не ускоряю шагов, но мысль лихорадочно бьется. Юркнуть во двор, бессмысленно!..

Неожиданно для себя принимаю решение: круто поворачиваю, открываю дверь булочной, обдает паром. Подхожу к прилавку.

— Фунт черного.

Голос странно-звенящ. „Нет, корректуры не брошу. Газета должна быть завтра. Будет ли?“. Уплачиваю деньги, отхожу в середину магазина, вынимаю исчерканную синим карандашом корректуру и медленно заворачиваю в нее дышащий теплом хлеб...

В выходе сталкиваюсь с прапорщиком. Я уже совершенно овладел собой. Хочу пройти мимо.

— Ваш документ?

Полуleниво, полуудивленно вытаскиваю дряхленькую метрику. Хлеб держу под мышкой.

— Идемте.

Перекладываю хлеб в руку, почему-то подымаю воротник и так же лениво и недоумевающе следую за прапорщиком. Подходим к углу.

— Что ж это вы, юноша, завидев нас, изменили маршрут?

Британская шинель разворачивает мои документы, смотрит пытливо и насмешливо. Я указываю на хлеб, слегка улыбаюсь, смотрю в глаза.

— Мой маршрут, собственно, имел в виду булочную, но я по ошибке прошел мимо.

— Булочную?—полунасмешливо переспрашивает офицер, оглядывая меня с головы до ног.—А не позволите ли пошарить у вас в карманах, молодой человек?..

С видом оскорбленной невинности пожимаю плечами, подчиняюсь. За то время, что меня обыскивают, другой офицер задерживает рабочего в синих очках и куда-то уводит. Я его знаю, он печатник.

Из моих карманов появляется перчатка, бумажник, набитый мятыми ростовскими десятирублевками и не первой свежести носовой платок. Из-за пазухи извлекается огрызок карандаша и вторая перчатка. Офицер подымает платок и смотрит на свет.

— Некоторые из них имеют обыкновение писать на платках свои мандаты,—бросает он поучительно своим сотрудникам, возвращая мне платок.

Я с трудом удерживаю улыбку. Офицер еще раз окидывает меня взглядом. Еще раз просматривает метрику.

— А это что у вас? Ах, да, хлеб...

Жду. С виду спокоен.

— Ну, что ж, ступайте...

Слегка притрагиваюсь к шапке покрасневшими от мороза пальцами и медленно удаляюсь. Сворачиваю за угол. А внутри разливается и кипит, клокочет молодое, неудержимое, бодрое. Спасен!.. И сразу настраиваюсь на деловой лад...

А на рассвете ребята из слесарной и швейной мастерских, озираясь по сторонам, крались вдоль стен, сжимая негнущимися от холода руками горшочки с клеем. Приковывали к стенам, заборам, магазинным стеклам хлопающие по ветру белые крылья газет...

Деникинское подполье в Одессе.

На вокзале невозможно пройти. Снаряды ложатся на перроне и платформах. Последнему уходящему поезду снарядом оторвало хвост из двух теплушек.

Пробираюсь в Английский клуб. „Отец“ [1] кончает печатать бланки с полным спокойствием.

[1] Прозвище т. Г. Ларского, одного из руководителей одесской организации КСМУ.

Ухожу на Молдаванку... В районе разгружают имущество по квартирам. В семь часов вечера в районе никого нет; мы перешли на зимние квартиры.

В Трехугольном переулке я засел довольно основательно. Несмотря на уже хмурящуюся погоду, у нас в комнате „тепло“ и уютно.

Медленно, стопку за стопкой, кидаем мы в печку анкеты, партбилеты, дела Губнаркома и Молдаванского района. В комнате тропическая жара, повсюду разлетается пепел от сожженных бумаг.

Через два дня я кончил свою работу. От двух больших мешков дел не осталось ни одной бумажки. Вечером, вылезши из своей берлоги, я пошел в центр города. На Ришельевской улице, на перекрестке трамваев, остановился передохнуть. Вдруг сзади приближается Игнат [1] с двумя студентами. В одном из студентов я узнал Тарханова, [2] который собирался ехать в Крым. Игнат сделал мне знак, который означал: „ты нас не знаешь“. Я не моргнул глазом и пошел в обратный путь на Молдаванку. Около своей квартиры встретил Колю Чудновского. Решили немедленно организовать коллектив. Наметили список подходящих ребят, тех, чей адрес нам был известен.

Через два дня в сырой подвальной комнате Чудновского, окна которой выходят в дворовый клозет, собралось человек восемь.

Член общегородского комитета Ларский—ныне почетный член одесской организации—учил нас, еще молодых волчат, всем правилам подпольной работы. В бюро коллектива были избраны Чудновский, Бельский и я. На этом же собрании все члены коллектива выдумали себе клички. Не обошлось и без курьезов. Бельский, видом похожий на ворону, решил назвать себя „орленком“.

С этого собрания жизнь коллектива потекла регулярно. По понедельникам и четвергам мы собирались. Лин (А. Бродский), тогда член ЦК первого созыва, читал нам лекции, по которым происходили оживленные дискуссии. Коллектив быстро вырос до 10 человек. Некоторые члены говорили потом, что эти занятия дали им больше, чем месяц учения в губпартшколе.

На собраниях коллектива большую роль играла карта России, вся изъеденная линиями передвижения добровольческой армии, израненная булавками. Докладчик „военного обозрения“ читал

---

[1] Секретарь подпольного одесского комитета КСМ (в 1919 г.), позже секретарь ЦК КСМУ.

[2] Тогда член комитета, бывший — член ЦК РЛКСМ и один из руководителей ИК КИМ.

оттиски с телеграмм, запрещенных цензурой, и „Современное Слово“, демократическую газету.

Каждый миллиметр на карте, когда „славным рейдом Мамонтова“ была взята Тула, острой, режущей болью отдавался в наших сердцах.

По целым часам строили мы стратегические планы.

Подпольная страда.

Наш коллектив находился около явки областного комитета партии и „Красного креста“. Поэтому мы были завалены работой. Мы распространяли по заводам „Коммунист“—газету партии.

Громадная одесская тюрьма быстро наполнилась. Каждую ночь увозили оттуда приговоренных к расстрелу. По средам и воскресеньям нужно было носить передачи и „керенки“ тем, о ком было постановление „Красного креста“. Иногда у ворот тюрьмы можно было видеть почти весь наш коллектив. Переписку с заключенными сперва мы вели так: вкладывали им в хлеб или в пирожное записку. Но пирожное поедали надзиратели, а хлеб они резали на мелкие части, что представляло опасность быть пойманным.

Тогда мы стали применять следующий способ: между газетными строками писали записку и заворачивали в эту газету масло. Такой способ, самый простой, но удавался лучше всего.

Во время одной из передач сообщили, что Роза узнана и, вероятно, будет расстреляна. Она просила, чтобы для нее и ее товарки прислали какой-нибудь сильный яд, чтобы избежать насилий и пыток. „Красный крест“ решил отправить ей цианистый калий. Знакомый жестяник сделал две кастрюли с двойным дном, куда я положил пробирки с калием. В воскресенье мы наполнили кастрюли с калием и пошли к тюрьме. Надзиратель принял кастрюли и стал ковырять в них палочкой. Дно кастрюли не выдержало и стало оседать. Чудновский заметил беду и, замешавшись в толпе, улетучился в мою берлогу.

Через несколько дней мы получили записку о том, что Роза посажена на три дня в карцер, но ее, вероятно, не расстреляют. Прислан нам был и план тюрьмы и расстановки караулов. В объяснительной записке сообщалось, что достаточно 25 человек, чтобы освободить тюрьму.

Партия и Союз стали выделять боевиков для этого дела. Но через два дня караул заменили 60 немцами-колонистами и установили 3 пулемета на заряде. Очевидно, здесь сыграли свою роль провокаторы. Все же дружина осталась и была разбита на десятки.

Тов. Хворостин часто заходил к нам в коллектив. Он очень любил нас и называл „коммунистическими головастиками“. Головастики видели его за час перед тем, как его схватила контрразведка на улице. На другой день после ареста он от 150 раскаленных шомполов умер, не издав ни одного звука.

В старом большевистском доме.

Союз растет и организационно крепнет. Очень хорошо работают коллективы металлистов, кожевников; Молдаванский район восстановлен. Секретарь — маленькая Таня.

За месяц арестов и расстрелов успели организовать Пересыпский район. Работают там Васюгин [1] и трое 16-летних юношей с завода Левина и Краковщинского (двое из них, Острой и Латман, были расстреляны в контр-разведке и умерли, как герои).

Созывается общегородская конференция. Союз насчитывает 150 человек и 12 коллективов. Чувствуется необходимость связи всей организации, как это было в гетманском подполье. Эта связь найдена в училище Лигина. Училище Лигина — старый большевистский дом. В 1917 году это была штаб-квартира общегородского комитета РС-ДРП (большевиков). Теперь здесь „прогрессивные учителя“ решили устроить вечерние курсы для рабочих. Все коллективы почти целиком записались на курсы. Занятия на курсах поистине замечательные. Добрая половина ребят—в первой группе, где обучают грамоте. Учительница вызывает „Орленка“, и целый час он читает по складам: Б—А БА. Однако, он довольно хорошо читает, и учительница им довольна.

В это время на партах идет перестрелка записками. Читают гранки... Передают друг другу „Коммуниста“. Рассказывают подпольные новости. Вытаскивают карты и намечаются фронты. На переменах создается впечатление общего собрания. Шум, галдеж, но с полным соблюдением осторожности. Только урок политической экономии слушался с захватывающим интересом. Читал ее блестящий лектор-популяризатор.

Так в старом большевистском доме пульсировала, била ключом подпольная жизнь Союза.

7-го ноября.

К празднованию 25-го октября „они“ были готовы. Рано вечером на улицах пусто. Взад и вперед рыскают офицерские патрули и арестовывают всякого „подозрительного“. В автомобилях замаскированные пулеметы.

Наше оружие тоже готово. Выпущена газета „Коммунист“ и листовка от комитета Союза к рабочей молодежи. Сегодня клейстер мы приготовили особенно хорошо и разливаем в 4 банки. В 12 часов ночи Чудновский, я и Рябой вышли на улицу. Глупая, полная луна пялит свои зенки и заливает ровным светом мостовую и правую сторону улицы. Впереди пошел Рябой для предупреждения, вторым я с кистью, мажу клейстером по стене, Чудновский наклеивает листовки.

---

[1] Позже секретарь одесск. губкома, секретарь ЦК КСМУ и секретарь ЦК РКСМ.

Топ, топ, топ...—успокоительно звучат шаги Рябого впереди. 4 листовки и 1 газета белеют на стенах.

Пересекаем толкучий рынок. Нас останавливает патруль государственной стражи. Прячу поглубже банку с клейстером и кисть. Стражники пьяны, как стельки. Сто рублей — и мы свободно вздохнули.

Топ, топ, топ...—вниз по Колонтаевской на Дальник. Одна за другой прихлопываются газеты, листовки на стенах, окнах магазинов и столбах. Чудновский говорит, что осталась еще одна листовка. Идем к союзу русского народа на Новосельскую улицу. Никого вблизи нет. Приклеили листовку аккуратно, красиво и стали любоваться.

За углом послышался топот приближающегося патруля. Мы даем скорей ляху на Тираспольскую. Из огня да в полымя. Нарываемся на другой патруль: „Стой, руки вверх!". Подошли 4 стражника.

— Давайте три куска!..— Нет, братишки, есть только 600 рублей.—После короткого торга они сговорились. Если бы нарвались на офицерский патруль, то пропали бы с колпачком и кисточкой.

Вот мы и дома. Погрозили кулаками луне-провокаторше.

На следующий день мы обходили места, где расклеивали. Мало осталось листовок. Почти все были сорваны.

На погребальных дрогах.

Партийные ячейки проваливаются одна за другой. Одни из них достаются контр-разведке пустыми, в других захватывают работников посредством засад.

Все явки к декабрю месяцу полупровалены. До сих пор мы провалились косвенным образом. Теперь арестовали Игната. Югова[1] арестовали и выпустили.

К нам влез, очевидно, какой-то провокатор. Генерал Шиллинг деятельно готовится к эвакуации, и контр-разведка старается выловить как можно больше коммунистов. Через день после своего короткого ареста Югов и Гарин пришли к нам на квартиру. Устроили читку Каутского „Аграрный вопрос". Долго спорили и засиделись до двух часов ночи. Легли спать в половине третьего.

Через полчаса слышу сквозь сон шум под выходящими на улицу дверями. Повернулся на другой бок, стараюсь уснуть. Вдруг сильный стук в дверь. В комнату ввалилась орда контрразведки, во главе с полковником Смаржевским и заплечных дел мастером—Поддубным. В несколько минут комнату перевернули вверх дном. Поддубный взял ватные штаны и долго крутил и тянул их, ругаясь в нос. Смаржевский открыл комод и увидел там сочи-

---

[1] Один из создателей и руководителей одесской организации, член ЦК КСМУ.

нения Маркса, Энгельса, Ленина, карту десятиверстку, листы керенок.

Полковник Смаржевский поворачивается к стоящему возле Югову и грозно говорит:

— Вот они самые идейные коммунисты!

В Югова точно бес вселился.

— Позвольте, господин полковник, литература эта не коммунистическая, а меньшевистская, издания 1907 года.

В то же мгновение тяжелый приклад обрушился на живот. Югов, как мячик, отлетает в другой конец комнаты.

В шкафу стоит передача для левого эс-эра, профессора Щепкина.

Блюма приготовила для передачи прекрасный пряник и запекла туда записочку. Матери приходит в голову, что стражникам понравится пряник. Она разрезает пряник и дает мне кусок. Записка попалась мне на зуб. Я разжевал ее и проглотил. Тем временем обыск в комнате окончился. Полковник Смаржевский положил найденные деньги в бумажник и дал нам „расписку".

Дворник обмолвился, что в этом же дворе живет моя бабушка. Наступила для нас самая критическая минута. У бабушки ночевал сегодня секретарь „Красного креста". В большом окованном сундуке находились паспорта, листы керенок, адреса, переписка с тюрьмой, сотни номеров газеты „Коммунист". Ну, теперь мы пропали. Клозет находится напротив комнаты бабушки. Гарину очень надо „до ветру". Но проходят три томительных минуты. Гарин возвращается. Он передает, что в окне бабушки темно. Возвращаются шпики. Они долго искали комнату Келлер. Один докладывает: „Спускаемся мы в подвал, вонь там невыносимая, пахнет мертвечиной. И впрямь, мертвый жид лежит на полу, покрыт черным саваном. Кругом старухи жалобно читают. Прошли мы в комнату Келлер. Там старуха одна. Ничего не отыскали. Только тысячу керенками".

Смаржевский велел нам одеваться. Мать и отец стали просить оставить хотя бы 9-летнего братишку. Но Поддубный успокоил нас: „Ничего, печеночки всем вам починим".

Медленно одевала братишку мать, словно стараясь выхватить еще час свободы. Наконец, все одеты. Смаржевский велит нам нести корзины с книжками. Корзины пудов в двенадцать. Вышли на улицу. Корзины оттягивают руки. Дальше нести их не можем. Между тем идет четвертый час. Поддубный велит тогда запречь погребальные дроги и нагрузить туда корзины.

На катафалк 1-го класса взваливаем книги. Медленно подвигается печальная процессия по Тираспольской улице. Югов взял братишку на руки и понес, прижимая его к себе. Вот мы и на „кладбище", в контр-разведке. По коридорам зашевелились шпики, заплечных дел мастера, готовясь дать нам достойный прием.

Через месяц, когда жизнь наша находилась на волоске, мы были освобождены бригадой Катовского. Даты освобождения не

забуду никогда: 25 января по старому стилю, искусанные паразитами, мы были на свободе.

Союз уже занял училище Ефрусси и предоставил в распоряжение губревкома 150 штыков.

Печатаем листовки.

Это было в дни врангельского подполья. Наступила годовщина Февральской революции.

Мы ломали голову:

— Как быть? Нельзя обойти молчанием такой день!

Васильев—молодой рабочий-кожевник — член штаба союзной дружины, большой мастер на такие дела—нашел выход: почесал затылок и пробурчал:

— Устроимте, ребята, налет на типографию, заставим напечатать нам листовку!

Сказано — сделано. В 5 часов дня, за час до закрытия типографии, пошли шесть парней — все члены Союза. Выбрали типографию „Рекорд", в центре города, на Екатерининской улице.

Большое зеркальное окно типографии выходит на улицу. Четверо парней прислоняются к стеклу, как бы разглядывая выставленные там этикетки и плакаты, для того, чтобы праздные прохожие не могли разглядеть, что творится внутри типографии.

Вошли в типографию. В передней комнате человек пять заказчиков, хозяин типографии и его брат. Васильев сразу обращается к хозяину:

— Я недавно заказывал у вас бланки для щелочной фабрики „Слава"... Готовы уже?

— Фабрика „Слава"? Сейчас посмотрю. — Хозяин лезет по лестнице, прислоненной к стенному шкафу, и роется в папках на верхних полках.

В боковой комнате, отделенной от нас большой решетчатой стеклянной перегородкой, работают человек пять наборщиков, склонясь над кассами. В глубине комнаты дверь в машинное отделение. Днем оно пустует.

Васильев подходит к деревянной лестнице, наверху которой стоит хозяин типографии, и обращается к нему вполголоса:

— Послушай, друг, нужно отпечатать прокламации для коммунистов. Сделаешь?

Хозяин широко раскрывает глаза.

— Кому нужно?..

— Нам нужно, чтобы ты отпечатал!

— Что вы говорите! Вы с ума сошли! Я позову полицию...

— Не позовешь!

Васильев подал мне знак. Мы оба вытащили из-за поясов маузеры, и тут же наши ребята, увидев в окно, что „началось", распахнули дверь и ворвались в типографию.

Вмиг на входной двери появился плакат: „Магазин закрыт по случаю смерти хозяина“. Окно, выходящее на улицу, было задернуто занавеской.

Мы загнали всю публику в заднюю комнату.

— Ну, теперь отпечатаешь,—бросил Васильев хозяину, загнанному на верх лестницы.

— Отпечатаю...

— Не просим... Товарищи рабочие!.. Нам нужно напечатать листовку для коммунистов. Сделаете это?

— Давайте, только быстро, скорее!.. — притворяясь недовольными, ответили наборщики.

Вмиг роздали оригинал. Через 50 минут набор был готов, за 20 минут сверстали, нашли нарезанную бумагу и пустили набор в „американку“. Хотя она здорово стучала, но иначе нельзя было, так как большую машину пустить было труднее...

Вдруг потухло электричество, и в то же время раздался стук в парадные двери.

— Что делать? — вырвалось у Васильева... Публика уже забеспокоилась, стала подвигаться к выходу.

Но мы вмиг нашлись, зажгли спички и при мерцающих огоньках дула револьверов блеснули еще грознее.

Стук в дверь прекратился.

Потом мы узнали, что это стучала сестра хозяина типографии и, увидев зловещую надпись на двери о смерти своего брата, в смятении побежала домой.

Наконец, листовки готовы.

Через час прокламации расклеены по всему городу. Тогда оставшиеся покидают типографию.

А утром рабочие, проходя по городу, читают наши листовки. Внизу жирным шрифтом значится:

„Областной Комитет РКП“.
„Областной Комитет РКСМ“.

Прокламации.

...Небо заволакивается тучами: звездочек становится все меньше. Улицы пусты. Изредка спешит запоздавший прохожий.

Из-за горы вышли три человека, остановились у большого серого забора. Повозились около него и пошли дальше. Это Мальчиков, Аронова [1] и Ципенко. У Мальчикова в кармане бутылка с водой, а у Ципенко карманы набиты воззваниями. Издали они похоят на маленьких детей, удравших из дому.

— Руки вверх, ни с места! — раздался оклик.

Не успели они оглянуться, как окружил их отряд полиции.

[1] Люба Аронова — 17-летняя девушка, еще полуребенок, полная жизни, энергии и силы; погибла в комсомольском отряде под Трипольем.

Начался обыск.

— Это что такое?—закричал начальник, вытаскивая немецкие воззвания и разглядывая их.

Жуткое молчание.

— А это? — спросил он, вынимая бутылку.

Молчание.

Трах-х-х... звонко раздалась пощечина, будя ночную тишь, за ней другая, третья...

Подталкиваемые вартовыми, Мальчиков, Аронова и Ципенко вошли в канцелярию дворцового полицейского участка.

— Где взял эти прокламации?—обратился дежурный к Ципенко.

— Не знаю, — ответил тот.

— Как не знаешь? —заорал дежурный и ударил кулаком в лицо.

Кровь хлынула из носа и рта. Трах... трах... посыпались пощечины...

Голова кружится, ноги подкашиваются, вот Ципенко упадет, но он выпрямился и сквозь слезы повторял снова: „Не знаю".

— Говори, а то пристрелю, как собаку!—заорал офицер, тыча в рот Ципенко дуло револьвера.

Ципенко, стиснув зубы, молчит...

— Где взяла прокламации? — обратился дежурный к Ароновой.

Молчание...

— Говори, дрянь! — заорал дежурный, схватив ее за волосы.

— Не скажу! — заявила она решительно.

— А... не скажешь?!..

Удары кулаками, нагайкой посыпались по лицу...

Мальчиков, прислонившись к стене, дрожит. Лицо его бледно. глаза горят. За несколько пережитых часов он похудел, осунулся, постарел. Он хочет двинуться с места, ноги отказываются служить. Вдруг он рванулся, стиснув зубы, сжал кулаки и бросился меж офицерами и Ароновой, крича изменившимся голосом:

— Бейте лучше меня!..

Все бросились на Мальчикова; он отскочил к стене. Со всех сторон потянулись к нему руки, повалили его и стали топтать ногами.

Аронова и Ципенко бросились к Мальчикову. Их схватили, повалили, топтали ногами, подымали, снова валили и все били.

В сыром подвале-карцере темно. Вонь... На мокро-грязном каменном полу сидят Мальчиков, Аронова и Ципенко... Лица опухшие, под глазами синяки, тела ноют, рук и ног не чувствуют...

Мальчиков подбодряет Ципенко и Любу и дает наставления, как держаться и о чем говорить на допросах. Ципенко уснул. Люба, положив голову на колени Мальчикову, тоже заснула. Мальчиков задумался. Всплывает последний день на свободе, коллектив рабочей молодежи гвоздильного завода, энергичные, смелые лица; вартовые офицеры такие маленькие, ничтожненькие... Потом все уплывает... Голова опустилась, и он уснул...

ПОД ПАНСКОЙ ПЯТОЙ

В БЕЛОРУССИИ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ УГНЕТЕННОЙ БЕЛОРУССИИ!

СЛУШАЙ!

Уже более 10 месяцев, как на шею рабочих и крестьян Белоруссии сели польские паны.

Уже более 10 месяцев, как эти кровожадные пауки сосут кровь рабочих и крестьян. Они принесли с собой все ужасы царских охранок, корпуса жандармов, шпионов, сыщиков, которые зорко следят за тем, чтобы рабочие и крестьяне вели себя „спокойно", чтобы они не смели протестовать.

Рабоче-крестьянская молодежь!

Их лагери, и тюрьмы переполнены арестованными. Они бьют, мучают, убивают, расстреливают, вешают твоих отцов и братьев...

За что?

За одно то, что они — рабочие, за то, что они — крестьяне и не хотят нести на себе панское ярмо, за то, что они осмеливаются бороться с ними и хотят жить и строить жизнь по-своему.

Трудящаяся молодежь!

Ты так же, как и твои отцы и братья, преследуешься...

Над тобой глумятся, издеваются, тебе все запрещено...

Тебя так же садят в тюрьмы, убивают, расстреливают...

Выход из этого один. Нужно самим взять власть в свои руки, провозгласить у себя Советскую рабоче-крестьянскую власть и самим строить свою жизнь.

Польские бандиты предприняли теперь новый поход на Советскую Россию. Они хотят надеть на русских рабочих и крестьян такое же ярмо, какое они раньше надели на рабочих и крестьян Белоруссии.

Но трудящиеся России не хотят иметь над собою их ига, и паны будут проучены.

И в это время, когда Красная армия будет биться с польскими бандами на фронте, ты, рабоче-крестьянская молодежь, должна ей помочь.

Знай, что чем скорее, чем больше ты будешь помогать Красной армии, тем скорее ты освободишься от ненавистного тебе ига панов.

Ты должна действовать рука об руку со старшими рабочими и крестьянами.

Рабочая молодежь города! Твоя задача—разрушать тыл белогвардейцев.

Ты должна мешать продвижению поездов, портить мосты, дороги, рвать телеграфные провода, вести агитацию среди польских легионеров, распространять коммунистическую литературу.

Крестьянская молодежь! Твой путь — в красные партизанские отряды, которых уже много в Белоруссии.

Геройскими налетами ты должна сеять панику в рядах белых.

Пусть под крепкими ударами Красной армии на фронте и рабочих и крестьян вместе с трудящейся молодежью в тылу падет ненавистное иго панов и засияет новое солнце—солнце для трудящихся.

Пусть загремит по всей Белоруссии:

Довольно терпеть!

Долой панов, помещиков и фабрикантов!

Долой гнет и насилие!

Да здравствует освобождение рабочих и крестьян Белоруссии!

Да здравствует Советская Белоруссия!

Коммунист. Союз молодежи Литвы и Белоруссии.

Слуцкие комсомольцы в подполье.

...Первое время собирались где и как попало. Но уже через пару недель стали регулярно собираться.

Принялись за работу.

Приходилось выслеживать польских контр-разведчиков. Нужно было знать их наперечет, чтобы предохранить организацию от провала.

Охотно брались наши ребята и за распространение какого-нибудь слуха, подрывающего доверие к польской власти...

Бывало, притаившись, лежишь на чердаке и смотришь сквозь узкую щелку.

Дом напротив — дефензива. Всех входящих и выходящих внимательно оглядываешь, записываешь, отличительные признаки в книжку.

Холодно... Долго тянется белая, зимняя ночь. Глаз устает. Лежать тоже очень неудобно. Но сознание исполнения долга дает новые силы, новую энергию...

А утром бежишь в комитет передать свои наблюдения.

И так — поочереди — каждый день и каждую ночь...

В подполье за кассой и станком.

Спустя некоторое время после прихода в Минск польских войск предложил как-то мне Яков Шапиро:

— Будем участвовать в подпольной работе, давай печатать прокламации.

Я согласился.

Оба мы тогда работали в типографии Бернштейна на углу Койдановской и Богадельной. Я пошел к хозяину и уговорил его согласиться на сдачу типографии в аренду.

Первой нашей работой была карточка Уездвоенкомата. Потом уже стали отпечатывать самые различные удостоверения, мандаты, подделывать штемпеля... Отпечатали прокламацию.

Весь материал приносил к нам Петька Воробьев — других членов организации мы не знали. Корректуру нужно было тоже приносить к нему.

Найти Воробьева было очень трудно. Говорил он нам: „Придите к девяти часам в клуб Михайловского по Койдановской, 19, и спросите Петю".

Очень часто он назначал другие места: в Церабкоопе, а то на улице.

Когда, вероятно, ему опасно было выходить, или же он бывал занят, — корректуру мы передавали другому, но никогда ни его фамилии, ни лица мы не знали. Узнавали же его по приметам— наставленный воротник, нахлобученная шапка и другим...

Раз пришел я с оттиском прокламации в Церабкооп, чтобы передать Воробьеву для корректуры.

Вдруг—обыск в Церабкоопе. У всех дверей—жандармы. Я стал шататься от двери к двери, всюду просил, чтобы выпустили. Один жандарм, осмотрев меня внимательно, толкнул за дверь:

— Ну, иди, молокосос!

А у меня в кармане корректура прокламации.

Раз зашел Петька Воробьев в типографию — принес новый материал. А в типографии в это время сидел военный цензор. Но Петька не потерялся: снял шапку и — благо костюм его был порядком потрепан — стал просить милостыню. Мы выгнали его из комнаты. Когда он пришел позже, мы долго дразнили его „нищим".

„Минский Курьер" поднял большую кампанию: он требовал расстрела распространителей прокламаций и наборщиков, требовал разгрома большевистской типографии.

Но нас не обнаружили.

Приступили мы к печатанию журнала „Факел Коммунизма". К заголовку нужно было набрать слово „подпольный", а у нас подходящего шрифта нет. Я побежал в типографию Соломонова (теперь в ней печатается „Красная Смена" и „Юный Пахарь") и достал там нужные буквы.

Журнал уже набрали, стали печатать. Вдруг видим: жандармы на дворе. Весь дом окружен. В квартирах обыск.

Моментально остановили машину, приняли отпечатанные листы, выключили раму — в случае прихода жандармов к нам, весь набор в секунду превратился бы в кучу шрифта.

Жандармы опечатали склад, находившийся во дворе, арестовали трех человек и удалились.

Мы снова пустили машину.

Но только отпечатали журнал, как узнаем:

Воробьев арестован, но бежал. Арестовано много также коммунистов и комсомольцев.

Узнали мы, что и наша типография провалена. Достали кое-какие средства и укатили в ближайшее местечко . . . . . .

. . . .

В типографии обыск был, но находить было нечего: мы все заранее уничтожили.

Повстанцы.

Лес. Стоит он крепкий, налитый, высокий.

В том Гатовском лесу землянка. Сверху ничего не видать. Гладко, земля, мох, кочки.

А землянка — штаб.

Недалеко в Койдановском лесу — такая же яма вырыта.

Яма — штаб.

Самые старые лесники, корявые, что с лесом выросли, и те не знали, что таится в лесу.

Отсюда, из наших штабов восставшие против шляхетской власти партизанские отряды получали указания, сюда сообщали о своих победах, о своих затруднениях.

Тут хранилось наше оружие. А оружия было много. Были у нас винтовки, револьверы, ручные гранаты, разрывные шашки, мины...

Все мы, штабные, в лес приходили одетые в крестьянских свитках, и никто не подозревал, кто мы такие.

Задались мы целью подорвать изнутри шляхетскую власть — обессилить шляхтичей — подорвать их военную мощь, оказать помощь наступающим красным войскам. Первым делом — решили связаться с деревней. Направляли мы товарищей по деревням, разбрасывали они листовки, оставляли на видном месте агитационные брошюрки.

Крестьяне охотно брали листовки и тайком передавали эти листовки по всем хатам. Листовки призывали организоваться, восстать против помещиков.

Скоро начали мы вербовку в отряды. Эта идея наша нашла широкий отклик среди крестьян, особенно среди деревенского молодняка.

И раскинулись наши отряды по всей Белоруссии — отряды повстанцев. В районе Минска было организовано 400 человек, в Игумене до 200, в Борисове 200—250, в Молодечно 250.

И приступили мы тогда к операционной работе: взрывать мосты, эшелоны, разбирать путь, на польские обозы нападать.

Вот ожидался приезд Пилсудского в Минск. Молодечненские ребята решили снести эшелон Пилсудского. Разнесли станцию Радошкевичи, а на станции Олехновичи поставили своего стрелочника — своего начальника, привели поезд — дали путевку, пустили в тупик и разбили кавалерийский уланский эшелон вдребезги и скрылись.

Во всех партизанских отрядах преобладала молодежь. Начальник лучшего Стародорожского района был комсомолец Перемейчик, крестьянин села Радутичи.

Работал он в Смоленске, но захотел делать революцию в Белоруссии — вернуть Советскую власть — и настоял на своем: послали его в Белоруссию вести подпольную работу.

В Старых Дорогах были большие польские склады оружия. Мы предполагали в случае наступления взорвать эти склады или отнять их. Трудное, опасное дело, поэтому и послали в этот район смельчака — Перемейчика.

Долго от него не было сообщений. Думали — пропал. Оказалось, целый месяц проболел черной оспой. И больной приехал ко мне: „Давай работы!". И больной за работу принялся. За один месяц создал отряд из 200 человек. Ему была дана директива: выделить десятки и направить их для порчи железнодорожного моста в районе Бобруйск-Осиповичи и сжечь мост на реке Птичи — отрезали бы тогда Бобруйск, из Бобруйска польские войска никуда не смогли бы отступить.

А он понял это указание так, что надо прямо совершить восстание и забрать Старые Дороги. Собрал отряд из крестьянских парней, вооружил всех, кого винтовкой, а кого дубинкой. Мост сжег, объявил власть Советов в 4 волостях.

Поляки испугались и стянули 3 полка с фронта Бобруйск — Минск для того, чтобы ликвидировать волнения. А у крестьян это восстание еще больше веры, бодрости вызвало — еще больше сближались повстанцы и крестьяне.

После поражения Перемейчик со своим отрядом стал скрываться в стародорожских лесах и из лесу он производил нападения на обозы, сбирал, копил оружие, обмундирование для красных.

В тюрьме получил я от него записку, где он уверял, что отряд его готов и что, при наступлении наших красных, он сделает свое дело в тылу: взорвет вновь отстроенный мост — снаряжение противника придет на подмогу большевикам.

В МЕНЬШЕВИСТСКОМ ПОДПОЛЬЕ.

В ЗАКАВКАЗЬЕ.

Накануне.

Подпольная конференция городского района 25 апреля с напряженным вниманием выслушала доклад по текущему моменту. Глубокий, всесторонний доклад тов. В—па, развернувшего картину борьбы Советской России с Антантой, осветившего задачи, стоящие перед бакинским пролетариатом, сделал близким и понятным лозунг, которым он закончил свой доклад: „К бою готовься".

Как всегда, этот короткий, веский и многозначительный лозунг, скорее боевой приказ, заставил сильнее напрячь свои нервы в ожидании решительной схватки. Стало понятным, что массовые аресты, убийства товарищей, совершаемые в какой-то лихорадочной тревоге муссаватской властью, организованная армяно-татарская резня— все это может быть раз навсегда усмирено решительным натиском бакинских рабочих. К этому натиску и дана предварительная команда „готовься".

Не успели разойтись с конференции — новые вести. Завтра утром экстренное заседание Бакинского комитета. Настроение напряженное, особенно резко чувствуется всякое проявление действий муссаватской власти.

Каждое известие о новом аресте, о новом „строжайшем" приказе озлобляет и заставляет сжимать кулаки.

В понедельник утром, 26-го, заседание Бакинского комитета в том же Центр. Рабочем клубе; читается приказ Центрального комитета партии о прекращении с сегодняшнего дня всяких собраний и заседаний. Комитеты выделяют „тройки", которые связываются непосредственно с районными боевыми штабами. „Тройки" организовывают боевые десятки, устанавливают „явки" и по-военному кратко: „Исполнить в течение сегодняшнего дня и ждать приказаний от штаба". Приказ прочтен. Начались было обсуждения. Оборвали. Нужно торопиться. Быстро выделили „тройки" по районам. Немедленно приступили к работе.

„Тройка" Городского района: т. т. Бабаян. Шлемова и я, наскоро посовещавшись, выяснила способ оповещения ячеек о явке

на регистрацию сегодня же вечером. Явку наметили в помещении проф. союза печатников, нашего старого, постоянного убежища.

К обеду пошли сниматься. Хотелось в ожидании чего-то большого, сильного закрепить образы группы товарищей, спаянных совместной подпольной работой,

Весенний солнечный апрельский день. На „Парапете"[1] собрались группой в ожидании некоторых товарищей. Весь „Парапет" усеян няньками с детьми буржуазии. На скамейках, лениво развалясь, сидит расфранченная публика, читая газеты.

Греются на солнышке...

Подошло еще несколько ребят к нашей группе. Завязался разговор.

Аресты, кризис кабинета... Красная армия заняла станцию Хачмас... Генерал-губернатор собирается объявить осадное положение... Наших ребят, арестованных во время заседания подпольной конференции в Сабунчах, перевели из арестного дома в Баиловскую тюрьму.

Перебрасываемся фразами, новостями, и почему-то удивительно глупыми кажется и эта расфранченная публика, сидящая на скамьях, расхаживающая по „Парапету", и их самодовольное спокойствие. А в голове бродят мысли: „С кем из них придется столкнуться тогда, когда..."

Подошли остальные.

Пошли.

Через час я снова забежал в Рабочий клуб.

В клубной комнате, где мы обыкновенно играли в шашки в ожидании сведений, приказов, извещений, сегодня какое-то странное оживление.

Резкие движения; говорят отрывисто, бросая слова, едва оканчивая фразу, изображая ее на своем лице. Двери в комнату правления беспрерывно хлопают, товарищи входят, выходят.

— А! Ты здесь? — обращаясь ко мне, говорит тов. Сорокин. — Пойдем, ты мне нужен.

Вхожу вместе с ним в комнату правления.

— Вот вам политком городского района, — обратился он к стоящему за столом товарищу, указывая на меня, и почти-что не мне, а как-то в сторону, совсем в пространство, быстро шепнул: — Условься с ними и делай, что нужно.

В двух словах столковался с товарищем: завтра вечером к нему на квартиру. Там состоится совещание всех районных политкомов „Красного креста". На совещание притти со всеми необходимыми сведениями...

Собираюсь уходить из клуба. Подходит товарищ.

— Вот твоей тройке пропуска в Рабочий клуб, завтра он будет закрыт. — На моем лице молчаливый вопрос. — Во избежание налета полиции, — совсем на ухо прошептал товарищ.

---

[1] Сквер посреди города.

В условленное время я пришел в союз печатников — место нашей явки. Там уже были двое из „тройки". Выработали форму регистрации:

„Ячейка, каким орудием владеешь, служил ли раньше, умеешь ли обращаться с оружием" и т. д.

Через час маленькая комнатка начинает наполняться нашими ребятами.

— Тов... товарищи, — торопливо подбегает один из товарищей, — что-то подозрительно: шпики, кажись, пронюхали, что-то больно подозрительные типы вокруг да около вертятся.

— А ну, парнишки, живо на посты! Вот вам газеты, стойте по двое на углах, читайте газету, да смотрите, не проворонъте, зорко смотрите. Смену пришлю через полчаса, — откомандировываю я четырех парней.

И тут же короткие приказы каждому после опроса:

— Завтра на работу не выходить. Явиться за распоряжениями сюда к десяти часам утра. Проболтаешься — свинцовым гостинцем угощу.

Ребята толпятся. Подняли шум. Разгоняешь их, растолковываешь, чтобы не шумели и убирались кто зарегистрировался: и так уже следят за домом, а тут такое скопление. Не уходят, каждый спрашивает, в каком он десятке, кто десятник, когда получат оружие, и чувствуешь, что не это все ему важно — в голове у каждого сверлит гвоздем мысль: „Скоро уже, скоро, но когда, наконец? Терпение лопается!".

Из Рабочего клуба вестовой: прислать немедленно 10 товарищей для расклейки по городу воззваний и прокламаций.

— Товарищи, кто пойдет? — спрашиваю. Все толпой двинулись на меня.

Отсчитал 10 товарищей нестроевых и послал. С завистью посмотрели ребята на уходящих.

— В дело пошли, — пробормотал кто-то у меня за спиной.

К 10 вечера закончили работу. Подсчитали, проверили списки. Нет, сегодня сделать еще нельзя, не все зарегистрированы. Придется завтра.

Связались со штабом — приказ: „Завтра к часу представить списки разбитых на десятки по роду оружия. Вечером прислать десятников на собрание. Адрес такой-то". Поздно разошлись по домам...

И только ложась спать почувствовалась та лихорадочная, в каком-то порыве проделанная работа за этот день.

Спокойный, нормальный вид внешней жизни города, самодовольно-сытые лица городской буржуазии, гулявшей по городу, резким контрастом выделялись в противовес внутри себя сдерживаемому порыву, лихорадочной поспешности, заставившей позабыть даже об обычных приемах конспиративной, подпольной работы.

В то же время мысли разбрасывались, останавливаясь на мелких, зачастую ничего не значащих моментах прошедшего дня,

не будучи в силах объединить калейдоскоп быстро сменяющихся явлений.

Чувство все вот-вот приближающейся и начинающейся непосредственной борьбы, все ширясь и ширясь, выросло в огромную массу, которая давила на сознание.

Это чувство, и только это, смогло и всегда приводит к такому состоянию, когда ни о чем не думаешь и в то же время внутренно становишься все сильней и сильней.

Потребность непосредственно действовать, открытой борьбы еле сдерживается внутри себя.

Утро 27 апреля. Рабочий клуб закрыт. Направляюсь к месту „явки“ — союзу печатников. Через улицу, вижу, шагают ребята с пачками, плотно завернутыми в газету под мышками. Обменялись кивком головы и быстрым взглядом.

В Союзе уже кипит работа. Без шума, лишних разговоров, регистрируются и удаляются. Всех отправляем на „Парапет“ — благо погода хорошая — „прогуляться“. Дал строгий наказ не собираться группами. „Парапет“ становится лагерем наших резервов.

Не в пример вчерашней горячке — деловито-строго и как-то странно протекает работа.

К часу нужно было зайти в Рабочий клуб. Парадный ход закрыт. Нужно пройти через двор. Для предосторожности решаю обойти квартал и с другой стороны пройти в ворота. Подходя к клубу, вижу открытую дверь; на всех сторонах квартала стоят по несколько шпиков. И у самых ворот маячит один, впиваясь глазами в каждого проходящего мимо.

А двухэтажное здание клуба молчаливо, безмолвно и как-то возвышенно гордо стоит, охраняемое шпиками.

Конечно, внутрь войти не удалось...

В обед связались со штабом. Сдали списки. Получили приказ: „Ждать распоряжений. Десятников обязательно прислать в 9 час. вечера по указанному адресу“.

Вечером я отправился на собрание политкомов „Красного креста“. На нем мы еще только столковывались, какие лечебницы нужно захватить, сделав их санитарными пунктами. Условились, что завтра утром нужно будет доставить в эти пункты незаметно мешки с медикаментами и перевязочными материалами.

Особенно важен был вопрос о питании. Хлеба заготовлено было мало. По заданиям главного штаба нужно было рассчитывать на 3—4 дня прекращения выпечки хлеба из-за предполагавшихся боев.

Решили поставить об этом в известность главный штаб и приступить к работе... Несколько товарищей остались на квартире, где было совещание о том, как ему за эту ночь распределить все медикаменты и перевязочные материалы для намеченных санитарных пунктов.

Я же получил задание подготовить захват университетской клиники, только-что оборудованной, но еще не открывшейся, а также сорганизовать летучие отряды и связать их с моим пунктом. Расходясь, условились завтра в 12 часов (если бы мы знали, что будет завтра в это время!) собраться для выяснения некоторых еще окончательно не разрешенных вопросов. Часов в 11 вечера, выходя из квартиры товарища, я решил направиться ночевать в студенческое общежитие, которое помещалось в здании университетской клиники.

Долго, часов до 3-х ночи, ходили мы по длинному темному коридору общежития, совещаясь с товарищами о плане захвата клиники, выясняя все возможности и случайности. Там же мне удалось найти с десяток товарищей студентов-медиков, которые должны были быть санитарами и фельдшерами.

С мыслью о том, что завтра в 6 час. утра я должен пойти в 19 лазарет, в ячейку Союза для организации летучих отрядов, я, усталый, заснул в одной из комнат, на голом столе...

Вскочив утром в 7 часов, злясь и досадуя, что потерял время, я решил зайти сначала в союз печатников (мы вчера условились, что в 7 час. утра там уже должен быть один из членов партии).

От университетской клиники до союза печатников — кварталов 10. Я быстро шел по улицам, встречая людей, спешно идущих на базар. Проходя мимо базара, я видел обыкновенную нормальную картину утреннего оживления, толкотни, шума и крика. Влетаю в союз печатников. Никого. Входит какой-то товарищ и на мой вопрос, не знает ли он, где остальные и почему открыто помещение и никого нет, — как-то удивленно смотря на меня, отвечает: „В Рабочем клубе".

Направляюсь туда. Ничего не могу понять: знаю, что клуб должен быть закрыт, но почему-то все там.

„Что-нибудь да случилось", — думаю я и ускоряю шаг.

Пройдя „Парапет", я вдруг лицом к лицу сталкиваюсь с тов. Недоступенко, членом Союза из боевого десятка, стоявшим с винтовкой в руках.

Остолбенел... Мысли спутались... Едва, кажется, успел пробормотать: „В чем дело?" — „Беги скорее в клуб, наши уже взяли власть"... Дальше я его уже не слышал, что-то помимо моей воли бросило меня вперед. В эти две минуты, что я бежал или летел по направлению к клубу, мысли завертелись: „Переворот... Наши взяли власть... Когда?.. Как?.. А еще вчера готовились."[1]

И вдруг все стало ясным.

Что-то радостное захлестнуло совсем меня — как бы вырвалось то, что так долго сдерживалось. Свершилось. Красные знамена развевались над клубом, по мостовой промчался грузовик с вооруженными рабочими. Я вбежал в клуб.

---

[1] Баку был взят без боя в ночь на 28 апреля 1920 г.

Первомайская демонстрация.

Март, апрель 1920 года были месяцами энергичной подготовки к вооруженному восстанию коммунистов и, как следствие этой подготовки, эпохой радужных надежд на свержение меньшевистского ига и провозглашение Советской Грузии.

Печатание прокламаций, распространение их, поддержка связи между организациями — все это лежало на плечах Комсомола. Наши ребята настолько наловчились в распространении прокламаций, что безнаказанно клали их в карманы меньшевистских министров, — и вообразите, в какую физиономию вытягивались их лица, когда вместо платка они вынимали из кармана свежую, еще пахнущую красками прокламацию. Конечно, хотя это имело свою прелесть, однако, не удовлетворяло молодежь. Мы ждали дела. Настроение было самое боевое... Наступило 1-е мая...

По постановлению руководящих партийных кругов решено было выступить и произвести демонстрацию. А это и нужно было Комсомолу. Все члены Комсомола должны были выйти на демонстрацию, и дело за ними, конечно, не стало. Первого мая, еще не рассвело, как я уже был на ногах, и хотя, конечно, знал, что еще никого нет на улице, быстро пошел на Головинский. Вскоре появился Амас с Левой. Гайоз был в Осетии членом повстанческого комитета. Степа отсутствовал. Через некоторое время начали стекаться все активные работники: Т. К. Гурген, Восстаньянц, Андроша Паньян, Моссе Цинадзе, Женя Захарян и другие. Местом нашего сбора был назначен рабочий дворец, возле которого остановились три грузовика, на которые мы все и „погрузились", но пока вели себя мирно, ожидая начала процессии.

Несомненно, особоотрядчики знали, что за „народ" сидел на грузовиках, и они нас могли снять с них, но, очевидно, они хотели вызвать нас на демонстрацию, чтобы покончить с нами. Скоро показалась процессия, и, как только она поравнялась с нами, на наших грузовиках взвились знамена:

„Да здравствует Советская Грузия"!

„Да здравствует Советская Россия"!

И море прокламаций посыпалось в толпу. Вся обывательщина, наплыв которой особенно в этот день был колоссален, с ужасом смотрела на „предателей" и агентов большевиков, которые в такой момент решились выступить против меньшевиков.

Речи произносить не было никакой возможности. Ее удалось произнести лишь Моссе Цинадзе, который потом сразу скрылся из глаз особоотрядчиков.

Мы ограничились лозунгами, и нужно было видеть, какими свирепыми глазами смотрели меньшевики на нас, готовые растерзать нас на куски.

Разъяренные, с пеной у рта, кричали они: „Долой предателей родины!", „Долой агентов большевиков!". Нас это мало смущало. Наши автомобили медленно продвигались ко дворцу, где мы хотели „показаться" на глаза Ною Жордания и палачу Грузии Рамишвилли. Однако, как видно, меньшевики решили, что это слишком большая „дерзость". Уж одно то, что в демонстрации принимали участие около 600 человек, не „разбойников" и „воров", как они именовали всех коммунистов, а вполне „чистой" публики, озадачило.

Терпение их лопнуло. Когда грузовики приехали к собору, нас окружила пожарная команда — стало ясно, что они думают разогнать нас струей воды; однако, как видно, потом им захотелось испробовать силу своих рук, и они решили взять нас атакой.

В „атаке" принимали участие все особоотрядчики, милиционеры и любители — лавочники, студенты и всякий сброд.

Цель „атаки" — захватить всех в „плен" — не удалась, ибо почти все спрыгнули с автомобилей и скрылись в толпе, но зато досталось на „орехи" всем тем, кто зазевался и не успел спрыгнуть и скрыться в толпе. Никогда не приходилось видеть такого остервенения. Били чем угодно — прикладами, рукоятками и оставляли лишь тогда, когда добивали до бесчувственного состояния.

Публика вся шарахнулась и стеснилась на тротуарах. Картина получилась очень интересная. Весь Головинский был очищен от публики. На этом очищенном проспекте двигались окровавленные демонстранты. Вели их поодиночке, под сильной охраной, как уголовных преступников. И тем ярче становился страх меньшевиков перед наступившей на них опасностью.

Водворили нас всех, задержанных во 2-м комиссариате, в жалкой конурке, рассчитанной на 3 — 4 человека; нас же было 27 человек.

Обыскивал нас гордость меньшевиков Пачулия, и какой брани только не наслышались мы от него. Он был вне себя, наверное, опасаясь, что Рамишвили не погладит его по головке за то, что он „допустил" демонстрацию. Вечером, в 6 часов, окольными путями нас вывели в Метех.

Как только мы вступили туда, „старики" приветствовали нас Интернационалом: хотя меньшевики за два дня до этого всех товарищей отправили в Кутаис, очевидно, уже предвидя новую „добычу".

В Метехе остались лишь больные товарищи: Мгеладзе (умер), Залико Гикодзе, Палавандов, всего 11 товарищей. В Метехе мы разместились по-домашнему, с твердой надеждой, что не сегодня завтра „наша возьмет", ибо бои между меньшевиками и советскими войсками шли уже у Пойлинского моста, который был взорван меньшевиками.

7-го мая пришла телеграмма о том, что Советская Россия признала независимость Грузии, и война, к временному счастью меньшевиков, кончилась. 13-го мая „сам" Кедиа объявил нам об амнистии, и мы все вышли на свободу, чтобы вновь продолжать борьбу за установление Советской власти в Грузии.

Подпольная печать.

Союзная печать в деле свержения муссаватского ига сыграла очень большую роль. Первая подпольная газета была „Молодой Рабочий“, орган ЦК. „Интернационалистского Союза рабоче-крестьянской молодежи“. Первый номер (11-го июня 1919 г.) начинается призывом:

„Молодые работницы и рабочие! все в Союз рабочей молодежи. Только в интернационалистском Союзе рабочей молодежи вы получите классовое коммунистическое воспитание“.

Газета с первых дней является органом интернационалистическим и коммунистическим.

„Мы стоим на платформе III Коммунистического Интернационала, на платформе непримиримой классовой борьбы, борьбы до победы за царство всеобщего трудового равенства — за коммунизм“.

Печать ко 2-й годовщине Октября.

На желтой бумаге среднего формата газета (7/XI, № 6). На первой странице снимок (цинкография) Центрального Комитета РКП. Редакция газеты посвящает статьи красным героям.

Воззвание Областного Комитета уже Коммунистического Союза молодежи. Воззвание кончается следующими словами:

„Пусть веками накопившийся гнев, мощная сила и твердость пролетариата через вас возьмет окончательно верх над капиталистами всех стран и т. д.“.

Журнал „Молодой Пролетарий“.

28 декабря 1919 года выходит 1-й номер „Молодой Пролетарий“ (еженедельный орган рабоче-крестьянской молодежи). Журнал в передовице заявляет о своей беспощадной борьбе с буржуазией и лже-социалистами:

„Рабочая молодежь, являясь поборником мировой социалистической революции, на страницах своей печати разоблачает всю ложь и клевету, которые раздаются по адресу революционного пролетариата как со стороны буржуазии, так и со стороны так называемых социалистических партий и т. д.“.

В журнале много стихотворений молодых рабочих, призывающих к борьбе. В стихотворении к рабочим мы читаем:

Товарищи! Помните мы не одни
Дело Коммуны проводим;
Вот скоро настанут уж светлые дни
И здесь своего мы добудем.

Первый номер „Молодого Пролетария“ также богат хроникой. Видно участие всей молодежи в своей газете.

Печать ко второй годовщине Союза.

А вот и второй номер „Молодой Пролетарий“ выпущен 9 января 1920 г. В передовице, посвященной 2-й годовщине Союза, говорится о работе Союза за два года.

Статья заканчивается возгласом:

„Да здравствует Союз Закавказских Советских Республик!“

Далее идет обзор деятельности Союза за два года.

„Наш лозунг — власть Советов, его мы можем осуществить, создав грозную силу, которая разобьет стены капиталистического здания. Союз рабочей молодежи есть часть миллионной пролетарской армии, он идет в первых рядах бойцов за свержение власти буржуазии. Пусть все молодые рабочие, объединяясь в Союзе, создадут сильный и большой отряд международной армии пролетарской молодежи, бьющейся с красным знаменен коммунистической революции в руках“.

* * *

Начинается боевая полоса. Чувствуется скорая победа, но раньше предстоит отчаянная борьба.

„Близок день освобожденья“.

. . . .

Под таким названием написана передовица 3-го номера. Говоря о победах Красной армии „Молодой Коммунист“ (19 января 20 года), спрятавшись наверно под тремя замками, пишет:

„Да! Великие дни праздников побед наступили не только для российских рабочих и крестьян, но и для бакинского пролетариата. Бакинские рабочие и крестьяне теперь ясно видят путь, который должен их привести к торжеству рабоче-крестьянской революции в Закавказье и т. д.“.

„Советская власть победила — победим и мы“.

Этим заголовком начинается передовица 4-го номера газеты „Молодой Пролетарий“. В ней уже чувствуется близкая борьба.

„Рабочая и крестьянская молодежь вместе со всеми трудящимися готовит силы к борьбе, пролетарская молодежь не остановится ни перед какими преградами, она возьмет свое“.

Последние дни реакции.

Пятый и последующие номера журнала бьют в набат, зовут в бой рабочую молодежь. Однодневная газета „Молодой Коммунист“ (11 апреля 20 г.) провозглашает лозунги:

„Молодые рабочие и крестьяне, объединяйтесь для борьбы за Советскую власть“.

„Да здравствует борьба рабочей и крестьянской молодежи Азербайджана за власть Советов!“

ПРОГРАММЫ, ВОЗЗВАНИЯ, РЕЗОЛЮЦИИ.

Программа и устав Российского Коммунистического Союза молодежи.

(Принятые на 1-м Всероссийском съезде союзов.)

ПРОГРАММА.

Капиталистический строй накануне своего разрушения. Восстающий мировой пролетариат выдвигает новые формы общества. Идеи Коммунизма начинают претворяться в жизнь. На смену экономическому, политическому и духовному рабству идет новый мир — мир свободного Труда и Мысли.

Молодежь, как наиболее активная и революционная часть рабочего класса, идет в первых рядах пролетарской революции. Ведущая с детства тяжелую борьбу за существование, лишенная радостей жизни, молодежь рабочих кварталов полна ненависти к капитализму и готовности к борьбе за освобождение пролетариата.

Сила рабочего класса в его организованности, и рабочая молодежь, как его передовой элемент, строит свои союзы, в основу которых кладутся принципы полной самодеятельности молодежи. В этих союзах молодежь должна проникнуться идеями Коммунизма, проходить школу революционной борьбы и строить новую пролетарскую культуру.

Для объединения революционной молодежи организуется Российский Коммунистический Союз молодежи. Он является одним из отрядов международного Интернационала молодежи. Союз, являясь в целях проявления самодеятельности молодежи вполне независимой организацией, в своей революционной работе солидарен с Российской Коммунистической Партией (большевиков). Оставаясь вполне самостоятельным, работая рука об руку с другими рабочими организациями, вместе с ними итти к торжеству Коммунизма — такова тактика Российского Коммунистического Союза молодежи.

Цели Союза.

Российский Коммунистический Союз молодежи ставит целью:

1. Широкую пропаганду идей Коммунизма среди рабочей и крестьянской молодежи.

2. Активное участие молодежи в революционном строительстве Советской России и творчестве новых форм жизни.

3. Распространение среди рабочей и крестьянской молодежи основ пролетарского миропонимания и культуры и создание из нее стойких, сознательных борцов за идеалы пролетариата.

4. Защиту правовых и экономических интересов молодежи.

5. Пропаганду среди трудящейся молодежи всех стран идеи диктатуры пролетариата и создание Коммунистического Интернационала молодежи.

Работа Союза.

Для достижения своих целей Российский Коммунистический Союз молодежи:

1. Устраивает собрания, митинги и демонстрации молодежи.

2. Издает газеты, журналы, брошюры и прочую литературу для пропаганды своих идей и освещения жизни молодежи.

3. Создает курсы, университеты, трудовые школы и студии, где молодежь развивается и строит новую культуру.

4. Организует при Союзе клубы, читальни и различные кружки молодежи, где молодежь сплачивается и учится организации.

5. Широко распространяет среди молодежи идеи спорта и военного обучения и устраивает среди молодежи соответствующие организации.

6. Разрабатывает и способствует проведению в жизнь законов, улучшающих положение молодежи.

7. В целях защиты интересов молодежи, Союз участвует в различных государственных и рабочих организациях как в центре, так и на местах.

8. Вступает в связь с заграничными организациями молодежи и участвует в созыве международного Конгресса молодежи.

9. Принимая во внимание особые условия жизни деревни, работу свою Союз ведет там в следующих направлениях: а) объединение молодых сил деревенской бедноты и развитие ее классового сознания, б) создание неразрывной связи между молодым пролетариатом города и деревни, в) пропаганда идей коммунистического ведения хозяйства и организации коммун деревни.

УСТАВ.

1. Членом Российского Коммунистического Союза молодежи считается всякий, от 14-ти до 23-х лет, признающий программу и устав Союза, входящий в одну из его организаций, подчиняющийся всем его постановлениям и платящий членские взносы.

> *Примечание.* Члены Союза, достигшие 23-х лет, могут оставаться в организации пассивными членами, т.-е. не пользоваться правом голоса. При чем, если общее собрание выбирает пассивного члена в один из руководящих органов Союза, то он получает право голоса.

2. Все новые члены должны быть обязательно утверждены общим собранием организации; до этого они считаются кандидатами, и членские карточки им не выдаются. Вопрос о рекомендации решается местными организациями.

3. Ежемесячный взнос устанавливается местными организациями. Вступительный взнос 50 копеек.

4. Исключение из Союза может последовать за поступки и поведение, противоречащие программе и уставу Союза, за неподчинение его распоряжениям (постановлениям) и неплатежи по неуважительным причинам членских взносов.

Примечание. Исключения производятся общим собранием, при чем постановление последнего может быть обжаловано в Городской или Губернский Комитет Союза. Об исключениях из Союза членов публикуется в союзной печати.

Центральный Комитет.

1. Высшим органом Российского Коммунистического Союза молодежи является Всероссийский Съезд союзов, созываемый не реже одного раза в год.

Примечание. Чрезвычайный Съезд созывается по инициативе ЦК или по требованию одной пятой Губернских Комитетов.

Обращение второго съезда РКСМ.

К ПРОЛЕТАРСКОЙ МОЛОДЕЖИ ВСЕГО МИРА.

Товарищи!

Организованная рабоче-крестьянская молодежь России, собравшаяся на 2-м Всероссийском Съезде своего Коммунистического Союза молодежи, шлет Вам, молодым пролетариям всех стран и всех наций, свой горячий братский привет и призыв. Наш съезд собрался в тяжелый момент, переживаемый нашей Советской Республикой. Русская буржуазия делает последнюю, отчаянную попытку задушить коммунистическую революцию. Контр-революционная, офицерская армия царского генерала Деникина пытается взять центры Республики — Тулу и Москву. Она несет с собой полное уничтожение всех завоеваний Октябрьской Революции, восстановление власти буржуазии и царя переход социализированных средств и орудий производства в руки капиталистов, беспощадный белый террор, массовые расстрелы рабочих и крестьян.

Русская буржуазия не одна; за ней стоит организованная буржуазия всего мира, за ней стоит разбойничья „Лига Наций". Армия царского генерала Деникина это — армия Вильсона, Клемансо, Ллойд-Джорджа. Это их правительства расстреливают рабочих и крестьян Украины и России, это они несут в Россию власть азиатского деспотизма — власть царя. Это делается в интересах международной биржи, — интересах крупных капиталистических трестов всего мира.

Развертывающаяся коммунистическая революция на Западе грозит взорвать все буржуазное общество. Мировой буржуазии необходимо задушить очаг этой революции, задушить Советскую Россию. И она делает это, расправившись ранее с рабочим классом Германии и Венгрии, делает посредством армии генерала Деникина, снабжая ее припасами, оружием, снарядами, деньгами и своими офицерами.

Интересы рабочей молодежи всего мира одни и те же. Враг у нее один — эксплуататоры всего мира. Рабочая и крестьянская молодежь России с затаенным вниманием следит за развертывающимся на Западе юношеским коммунистическим движением. Вместе со всей революционной молодежью она чтила память погибшего вождя К. Либкнехта и слала проклятия правительству Шейдемана и Носке, вместе со всей революционной молодежью она

протестовала и протестует против гонений на коммунистическое юношеское движение, против ареста его вождей, против последнего ареста тов. Арнольди.

Рабочая и крестьянская молодежь знает, что от роста и успеха коммунистического движения молодежи во всем мире зависят судьбы мировой коммунистической революции. Она знает, что создающийся сейчас Коммунистический Союз молодежи явится лучшим оплотом и передовым боевым отрядом грандиозной армии, разрушителем старого буржуазного мира и строителем нового коммунистического общества.

Товарищи! Второй Съезд нашего союза постановил отдать все силы организованной рабоче-крестьянской молодежи России на защиту революции и постановил произвести мобилизацию членов Союза. Мы обращаемся к пролетарской молодежи всего мира и говорим: В решительную минуту нашей революции мы ждем помощи от пролетарской молодежи всего мира. Помощи не только на словах, но и на деле. Помните, что наше дело—общее, помните что удушение нашей революции означает разгром коммунистического движения во всем мире, повлечет за собой реакцию в мировом масштабе.

Молодые пролетарии Франции, Англии, Америки и других стран! Протестуите против вмешательства ваших правительств в дела России, требуйте прекращения помощи с их стороны контр-революционным армиям русской буржуазии! Устраивайте митинги, демонстрации, стачки, пусть голос рабочей молодежи всего мира раздастся грозным и последним предупреждением буржуазии!

Мы верим, что наш призыв не останется без ответа. Мы уверены, что в ответ на него мы встретим единодушный отклик, который явится предвестником гибели буржуазного общества.

Да здравствует мировая коммунистическая революция! Да здравствует пролетарская молодежь всего мира! Да здравствует международное единение рабочей молодежи! Да здравствует Коммунистический Интернационал молодежи!

О Красной армии.

В момент разгара классовой борьбы для полной победы пролетариата необходима мощная классовая армия. Все силы Советской Республики должны быть направлены для укрепления и развития Красной армии. РКСМ, как авангард революционного пролетариата, должен принимать самое активное участие в строительстве Красной армии, для чего II Всероссийский Съезд РКСМ постановляет:

1. Все члены РКСМ, находящиеся в рядах Красной армии как на фронте, так и в тылу, должны служить примером стойких революционных бойцов.

2. В целях сохранения единства коммунистического строительства в Красной армии, РКСМ своих ячеек в частях Красной армии не создает.

3. РКСМ оказывает всякое участие в политическом просвещении красноармейской молодежи, привлекая ее в свои организации, клубы, митинги и собрания.

4. РКСМ помогает Красной армии, выделяя наиболее стойких членов организации на курсы командного состава.

5. Все члены РКСМ, находящиеся в Красной армии, должны, в занимаемых нами местностях, работать по созданию организаций РКСМ.

6. РКСМ принимает активное участие в работе среди раненых красноармейцев, для чего создаются особые комиссии, которые устраивают для раненых собеседования, развлечения, снабжают литературой.

7 РКСМ выделяет из рядов своих членов, главным образом, девушек на курсы красных сестер.

О военной работе в Союзе.

1. Съезд утверждает постановление ЦК об обязательности проведения во всех организациях Союза военного обучения.

2. Съезд поручает ЦК разработать вопрос о вхождении наших товарищей в отряды особого назначения.

О работе среди казачества.

Второй Всероссийский Съезд РКСМ считает необходимым притти на помощь темному, забитому и неграмотному молодому казачеству Дона, Кубани, Терека, Астраханского и Оренбургского края, которое восстает против своих отцов, воспитанных царизмом в качестве палачей русских рабочих и крестьян, РКСМ немедленно бросит туда десятки и сотни преданных делу социалистической революции молодых рабочих и работниц. Только через казацкую молодежь, не отравленную предрассудками царско-поповского строя, рабочий класс России сможет превратить черные осиные гнезда контр-революции в красные очаги освобождения трудового люда от гнета капитала. Надо покрыть казацкие станицы и хутора густой сетью организаций РКСМ. В союзе с молодым казачеством подрастающее поколение русского рабочего класса сумеет создать честную трудовую рабоче-крестьянскую Русь.

На Деникина.

Немедленно по окончании работ 2-го Всероссийского съезда РКСМ, 9 октября 1918 года Центральный Комитет РКСМ обратился со следующим воззванием ко всем членам РКСМ по поводу мобилизации против Деникина:

„Товарищи!

2-й Всероссийский съезд нашего Союза единогласно постановил произвести мобилизацию членов Союза от 16 лет как юношей, так и девушек. Это решение вызвано тяжелым положением, переживаемым сейчас нашей Советской Республикой.

Враг близок. Деникинской армией заняты Курск и Воронеж, она орудует уже в Орловской губернии. Шайка бывших царских офицеров, полковников и генералов думает занять Тулу и Москву. Для того, чтобы этого не случилось, необходимо отдать все, что у нас есть лучшего, на оборону Республики.

Генерал Деникин и его свора несут для рабочей и крестьянской молодежы расстрелы, виселицы, тюрьмы, 16-часовой рабочий день, издевательства, голодную заработную плату. Вся двухгодовая работа передовой рабоче-крестьянской молодежи, создавшей свой Коммунистический Союз, пойдет на смарку. Все, что добилась и создала трудящаяся молодежь за эти два года, будет отнято.

Объявленная съездом мобилизация должна быть полностью немедленно проведена. Все на призыв высшего органа Союза — Всероссийского Съезда! Мобилизация должна дать как фронту, так и тылу Красной армии тысячи молодых, отважных и сознательных бойцов и работников — членов нашего Союза.

Все, кто останутся в тылу, должны продолжать работу Союза. Их дело — вовлечь в Союз, на место ушедших на фронт новые десятки тысяч рабочей и крестьянской мододежи. Их дело также позаботиться об обеспечении семей уходящих на фронт.

Итак, товарищи, за работу! Отдадим все, что у нас есть лучшего и сознательного, для защиты революции, для обслуживания фронта и тыла Красной армии. Покажем, что жив дух сознательной рабоче-крестьянской молодежи России, что она готова к борьбе. Покажем, что мы сумеем выполнить задачу Всероссийского Съезда.

Да здравствует коммунистическая Революция!

Да здравствует Советская власть!

Да здравствует мобилизация!"

Первые же полученные в ЦК телеграммы с мест свидетельствовали о хорошем ходе проведения мобилизации. Большой энтузиазм наблюдался среди девушек. Не было организации, где бы девушки не записались на курсы красных сестер. Не было почти ни одного случая отказа от мобилизации. В большинстве случаев наряды по мобилизации выполнялись исключительно по добровольной записи.

В общем мобилизация была проведена Союзом блестяще и дала около 10 тысяч мобилизованных товарищей. Быстрое проведение мобилизации (это показывает хотя бы тот факт, что постановление ЦКРКП об уменьшении процента мобилизуемых членов в организации с 30 до 10% не могло быть проведено в жизнь), с одной стороны, с другой — непринятие ЦКРКП и ПУР'ом заранее необходимых мер, сделали почти невозможным правильное разумное использование мобилизованных. ЦКРКСМ пришлось посылать специальных товарищей на места, где находились мобилизованные члены Союза для урегулирования их использования.

Мобилизация сильно подняла авторитет Союза. На VII Всероссийском Съезде Советов наш Союз впервые имел официальное представительство через свой ЦК.

На Колчака.

РОССИЙСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи!

Молодые рабочие и работницы!

Царский адмирал Колчак нагло вторгся в пределы Революционной Советской России.

Последний оплот белогвардейской реакции напрягает все силы, чтобы задушить власть трудящихся и потушить в море крови пожар мировой революции.

Победа Колчака грозит вернуть России свергнутый ненавистный царский режим. Он отнимет фабрики и заводы у рабочих, землю у крестьян и восстанавливает невыносимый гнет помещиков и генералов.

Неумолчным набатом звучит призыв Советской власти — всем честным рабочим и крестьянам встать грудью на защиту пролетарской революции и отразить последний ожесточенный натиск черносотенной реакции.

„**Все на Урал, на борьбу с колчаковщиной**" — **вот лозунг, проникший до глубины пролетарской души.**

Тем более живой отклик он найдет в среде пролетарского юношества. Рабочая молодежь всегда первой откликалась на призыв Советской власти, когда завоеваниям революции угрожала опасность.

Питерская молодежь бралась за оружие каждый раз, когда социалистическое отечество объявлялось в опасности. Она уже показала себя верной защитницей идеалов коммунизма и освобождения трудящихся.

Молодые рабочие и сейчас дружно встанут на защиту Советской власти от нашествия Колчака.

Все сознательные молодые рабочие должны принять участие в этом последнем и решительном бою.

Все на Урал и на Дон.

Рабочая молодежь должна пойти в первых рядах защитников Пролетарской революции.

Все на мобилизацию!

Петербургский Комитет Росс. Ком. Союза молодежи.

На Врангеля!

К МОЛОДЫМ РАБОЧИМ И КРЕСТЬЯНАМ.

Товарищи! Не в первый раз Рабоче-Крестьянская Украина подвергается опасности, не в первый раз враги рабочих и крестьян нападают на Советскую Республику с той целью, чтобы отнять у трудового народа его достояние и передать его буржуям и помещикам. И Красная армия каждый раз, отдавая лучших своих сынов, истекая кровью, спасала Республику труда — Советскую Украину от надвигающихся полчищ мирового и отечественного капитала. Своей победой Красная армия всегда была обязана своему героическому боевому авангарду — Рабоче-Крестьянской молодежи. Всегда, в минуты опасности, когда грязные волны контр-революции грозили захлестнуть Социалистическую Республику, им навстречу поднимались несметные шеренги молодых рабочих и крестьян, и о железную грудь Молодой гвардии в бессильной злобе разбивались вражеские усилия.

Товарищи! Еще не зажили раны, нанесенные нам польскими панами, еще не успела Красная армия покончить с разбойничьей шляхтой, как на Рабоче-Крестьянскую Украину надвинулось из крымской берлоги черное баронское чудовище.

Бандитские шайки Врангеля стремятся захватить Украину и сокровищницу Советской республики — драгоценное хранилище черного хлеба — Донецкий бассейн, чтобы, отрезав от нас уголь, погубить нашу промышленность, остановить наш транспорт и заморить революционных рабочих и крестьян голодом.

Тяжелую и упорную борьбу ведет на юге Красная армия с черными сворами немецкого барона, борьбу не на жизнь, а на смерть. Красная армия нуждается в новых подкреплениях, в свежих силах для того, чтобы окончательно вытянуть крымскую занозу, для того, чтобы раз навсегда добить Врангеля.

Товарищи! В той кровожадной гражданской войне, которую вынуждена вести со своими врагами Советская Республика, нередко решительную победу одерживала Красная армия, благодаря своей непобедимой коннице.

Нередко Красная конница, пробивая фронт противника, расстреливая его ряды, вселяя в него страх и ужас, оказывала Красной армии неоценимую услугу. Ныне, когда на крымском фронте Красная конница должна нанести врагу последний удар, необходимо пополнить ее ряды свежими боевыми резервами.

Товарищи! Молодые рабочие и крестьяне! Начинается неделя Красной конницы. В эту неделю все молодые рабочие и крестьяне, умеющие держаться на седле, должны дать Красной коннице новые боевые подкрепления. В эту

неделю рабоче-крестьянской молодежи необходимо еще раз доказать свою преданность революции, необходимо еще раз доказать врагу, что *пока живи рабоче-крестьянская молодежь — социалистическая революция вне опасности.*

Пусть в эту неделю содрогнется барон Врангель, увидев несущиеся вперед тучи Красной конницы, с непобедимой геройской рабоче-крестьянской молодежью во главе. Пусть сейчас же вслед за „неделей" белогвардейская гадина будет растоптана Красной кавалерией, и над измученным Крымом взовьется Красное знамя.

В неделю Красной конницы — добьем Врангеля!

Молодые рабочие и крестьяне, в ряды Красной конницы!

Одесский Губкомитет Коммунистического
Союза молодежи Украины.

Обращение VI Съезда РЛКСМ к рабоче-крестьянской Красной армии и Красному флоту.

VI Всероссийский съезд Ленинского Комсомола шлет пламенный привет зоркому часовому Советских границ — славной Рабоче-Крестьянской Красной армии.

С первых дней своего существования наш Союз был кровно спаян с Красной армией. Рабочая молодежь была ядром первых отрядов Красной гвардии. В буре и грозе гражданской войны, по первому зову революции, наш союз сдал в ряды бойцов сотни и тысячи своих лучших сынов. На бесчисленных фронтах, кровью лучших комсомольцев, погибших в боях за власть Советов, скреплена связь Красной армии с молодой гвардией пролетариата.

И сейчас, в период мирного труда, крепка и несокрушима, как гранит связь рабоче-крестьянской молодежи с Красной армией и флотом, все наше внимание, вся наша любовь — могучему часовому Советской страны, самому лучшему красному дипломату, заставившему признать Советскую страну целым рядом капиталистических государств.

Красные бойцы! Тверже шаг! Крепче сжимайте винтовку! Стойте на страже революции. Учитесь. Закаляйтесь. Будьте готовы к борьбе за власть Советов во всем мире. Помните, что по первому зову страны мы дадим вам десятки и сотни тысяч лучших молодых рабочих и крестьян.

Пусть еще безумствует старый мир, доживающий свой век. Пусть гноит в своих тюрьмах, расстреливает, истязает десятки тысяч пролетариев Запада и трудящихся Востока. Близится день, когда под руководством Коминтерна мы с лихвой заплатим мировой буржуазии за все.

Близка десятилетняя годовщина со дня объявления международной бойни человечества. Пусть она послужит для нашего Союза, для нашей Красной армии напоминанием о вечном позоре мировой социал-демократии, предавшей рабочий класс, пусть она послужит грозным предостережением о новых истребительных войнах, подготовляемых мировой буржуазией. Пусть для всех трудящихся эта годовщина будет призывом нанести удар всякой попытке ввергнуть человечество в новую бойню.

Красные бойцы! Тверже шаги! Крепче сжимайте винтовку. Выше держите алый стяг Советов в ваших мозолистых руках. Помните, что по первому зову — все мы в ваших рядах.

Да здравствует наша славная Красная армия, наш славный Красный флот — вооруженный Комсомол!

Да здравствует РКП — вождь рабочих и крестьян Советского Союза!

Да здравствует штаб мировой революции — Коминтерн!

Да здравствует наша грядущая победа во всем мире![1]

[1] Воззвание выпущено летом 1924 года.

О работе РЛКСМ в армии и флоте.

(Резолюция VI съезда по докладу *т. Бубнова.)*

1. Изменившаяся обстановка и переход страны на мирное положение дали возможность провести значительное сокращение кадров армии и перейти к нормальному комплектованию ее рядов путем очередных призывов подрастающих возрастов. Это пополнение привело и приводит к значительному омоложению всего состава Красной армии и флота, а также все возрастающее количество РЛКСМ в ее рядах выдвигает ряд новых задач и увеличивает роль РЛКСМ в деле военного строительства, которое продолжает играть огромное значение в данной международной обстановке, все еще требующей от СССР большой бдительности и усиления боеспособности наших вооруженных сил.

2. РЛКСМ, как массовая политическая организация рабоче-крестьянской молодежи, должен стать одним из основных активных участников и ближайших помощников партии в проведении ее задач по строительству вооруженных сил республики. Усиление внимания к вопросам военного строительства и военной пропаганде должно стать одной из главных задач Комсомола. В связи с этим широкое участие и помощь в практической работе партии и военполиторганов в области военно-политической подготовки красных бойцов должно стать важнейшей составной частью работы РЛКСМ.

3. Отмечая слабо проводившуюся работу среди членов РЛКСМ, являвшейся слабым местом во всей системе партийной работы армии, в настоящее время с влитием значительного количества комсомольцев в армию, состав которого при условии нормальных призывов будет из года в год увеличиваться и возрастать за счет вновь вступающих в КСМ молодых красноармейцев и военморов, это выдвигает необходимость оформления комсомольской работы в армии и флоте в целях всемерного укрепления и усиления внимания военно-политорганами работы среди членов РЛКСМ, находящихся в рядах армии и флота, являющихся одним из источников пополнения и укрепления партъядра армии.

4. Исходя из этого, основными моментами практического участия и работы РЛКСМ в деле военного строительства и усиления обороноспособности страны, VI всесоюзный съезд РЛКСМ ставит:

А. Работа среди членов РЛКСМ в армии и флоте.

1. Исходя из общей задачи, поставленной XIII партсъездом по усилению партийной работы и укреплению партъядра в армии, комсомольская работа при наличии значительного числа членов РЛКСМ в армии должна стать одной из важнейших задач и неотъемлемой частью всей партийной работы, проводимой в частях Красной армии и флота.

2. Члены РЛКСМ, находящиеся в армии и флоте, являясь одним из связующих звеньев партии с беспартийной массой красноармейцев и моряков, для парторганизации армии и флота, в то же время являются основным источником и резервом, откуда будут черпаться силы для пополнения и укрепления партъядра; в связи с этим поставить задачу в течение срока службы втянуть в партию наиболее активную и политически подготовленную рабочую и бедняцко-крестьянскую часть комсомольцев, красноармейцев и моряков.

3. На ряду с задачей по вовлечению комсомольцев в партию считать необходимым расширение комсомольского ядра в армии и флоте, втягивая широко в РЛКСМ всю наиболее передовую часть красноармейцев. Это не должно исключать задачу по непосредственному вовлечению беспартийной красноармейской молодежи в партию.

4. Работа по вовлечению красноармейской и краснофлотской молодежи в РЛКСМ должна развертываться и итти путем проведения широких открытых комсомольских собраний вместе с беспартийными красноармейцами-моряками,

путем пропаганды роли и задач юношеского движения РЛКСМ и привлечения их к участию во всей комсомольской работе.

5. В политико-воспитательной работе среди членов РЛКСМ и армии в флоте должны быть поставлены следующие основные задачи:

а) укрепление и поднятие дисциплины среди комсомольцев, уяснение каждым комсомольцем своей роли в армии и флоте как политбойца, организующего и увлекающего своим примером всю остальную массу красноармейцев;

б) вовлечение комсомольцев в активное участие и работу по политагитпросвещению и воспитанию в духе ленинизма, широко развивая их самодеятельность и инициативу в армейских клубах, различных кружках, ленинском уголке, в выпуске стенных газет, проведении бесед и участие в проработке с красноармейцами политчаса и т. д.

в) пропаганда военных и морских знаний, связь с гражданско-фабрично-заводскими и деревенскими организациями РЛКСМ, привлечение к участию во всех кампаниях, проводимых организациями РЛКСМ, а также широкое участие во всех комсомольских собраниях, конференциях и съездах наравне со всеми членами.

6. Вся комсомольская работа и политическая обработка членов РЛКСМ должна войти в общую систему партпросвещения в армии. Ознакомление и изучение вопросов юношеского движения должно строиться и проводиться в порядке обще-партийно-просветительной работы, включая эти вопросы во все программы и планы парткружков и т. п. Считать необходимым существование юнкружков, которые должны включаться в общую систему партполитпросвещения.

7. Армейская и флотская парторганизации должны обратить особое внимание на правильное сочетание и увязку со всей партработой всю внутривоспитательную работу среди членов РЛКСМ, а также и проводимую ими практическую работу. Это даст возможность избежать вредных уклонов, как отрыв комсомольцев от общепартийной работы, внутренней замкнутости и т. п., добиваясь этим большей заинтересованности комсомольцев во всей работе армии и флота.

8. Организационными формами работы среди членов РЛКСМ в армии и флоте должны стать:

А. Для привлечения членов РЛКСМ, находящихся в армии и флоте ко всей армейской партполитпросветработе, создаются комсомольские группы содействия партии при партячейках во всех ротах, полках, кораблях и др. отдельных частях, где насчитывается не менее 5 членов РЛКСМ.

Группы РЛКСМ своего выборного органа не имеют, а проводят всю свою работу под непосредственным руководством соответствующего бюро партячейки:

В задачу группы РЛКСМ должны войти содействие и помощь в выполнении и проведении всех заданий партячейки, всемерно приближая и втягивая всех членов РЛКСМ в эту работу.

Б. Для повседневного и практического руководства комсомольской работой в группах РЛКСМ выделяются организаторы по Комсомолу из числа членов РЛКСМ (чл. партии). Организатор по Комсомолу входит в состав бюро партячейки данной части. Во взводах, отделениях и кубриках, где группы РЛКСМ не создаются, выделяются уполномоченные. Все организаторы и уполномоченные выдвигаются бюро партячейки совместно с активными работниками РЛКСМ части и проводятся на общем собрании членов РКП и РЛКСМ.

В. Все члены РЛКСМ, как правило, привлекаются и участвуют в общих собраниях партячейки. На ряду с этим проводятся, устанавливаются периодические и отдельные комсомольские собрания групп РЛКСМ. Собрания и повестка дня каждый раз утверждается бюро партячейки.

Г. Прием в члены РЛКСМ должен проходить через приемочные комиссии, организуемые при ротах, полковых, судовых группах РЛКСМ в составе: организатора по Комсомолу, представителя партячейки и представителя райкома РЛКСМ и утверждаются местной организацией РЛКСМ. Прием в РЛКСМ состоящих в терчастях производится по месту их жительства, а приемочные комиссии дают только характеристики.

Д. Учет членов РЛКСМ в армии и флоте и хранение личных дел ведется бюро партячейки и политорганами армии и флота в таком же порядке, как учет и дела членов РКП (б).

9. Местные комитеты РЛКСМ осуществляют свое руководство и проводят решения по комсомольской работе в армии и флоте через соответствующие политорганы армии и флота посредством включения всех своих задач и указаний в их производственные планы и директивы. Для практического участия во всей этой работе в политорганах Красной армии и флота комитеты РЛКСМ выделяют сильных и подготовленных активных работников КСМ в руководящие военполиторганы, а именно: ПУР, Пуокр, Подив, Пуфлот и т. д. Эти представители должны быть включены в штаты соответствующих политорганов.

10. Считая, что задача, возложенная в свое время на военные комиссии при комитетах РЛКСМ, выполнена, VI съезд считает возможным их распустить, передав эту работу в соответствующие отделы комитетов.

Б. Работа в военно-учебных заведениях.

Пополнение военно-учебных заведений исключительно рабоче-крестьянской молодежью в возрасте от 17 до 20 лет выдвигает необходимость усиления воспитательной работы в ячейках РЛКСМ, обратив особое внимание на работу в области сближения военно-вузовской молодежи с фабрично-заводскими, деревенскими ячейками. Исходя из этого, съезд выдвигает следующие задачи работы в военно-вузовских ячейках:

1. Пополнение с каждым годом военно-учебных заведений ставит перед ячейками РЛКСМ основную задачу в области воспитания новой рабоче-крестьянской молодежи, будущих краскомов в ленинском духе. Задачу воспитательной работы необходимо расширить, обратив сугубое внимание на партобработку членов РЛКСМ и вовлечение их в партию.

2. Одной из задач партячейки военных вузов должно стать систематическое руководство работой комсомольских ячеек, выделяя для этого лучших партийцев.

3. Серьезное внимание местные союзные организации должны обратить на усиление и укрепление связи военвузовских ячеек с рабочей молодежью, с производственно-деревенскими ячейками и красноармейцами.

4. Обратить внимание на широкое втягивание членов РЛКСМ во всю общественную школьную работу (самоуправление, различные школьные комиссии).

5. Отмечая, что работа комсомольских ячеек в районах вузов до сего время не везде достигла систематического планового характера, съезд считает необходимым усиление и подойти вплотную к руководству комсомольской работой со стороны местных комитетов РЛКСМ, ставя, как правило, согласование отдельных мероприятий, проводимых политорганами вузов, с местными союзными организациями, после чего включает в общий план политработы школ.

В. Работа в терчастях и по допризывной подготовке.

1. Расширение практики милиционного строительства открывает новые пути работы партии как в деревне, так и перед РЛКСМ в деле усиления комсомольского влияния и укрепления массы крестьянской молодежи, поскольку дальнейшее комплектование терчастей будет проводиться из молодежи, не прошедшей ряды Красной армии — все это ставит перед РЛКСМ задачу привлечения местных организаций к активному участию в терчастях, работа в которых будет распадаться на два момента:

а) между сборами, на которых должно быть сосредоточено особое внимание, объединяя эту работу среди переменного состава и допризывников;

б) в период сборов терчастей формы комсомольской работы здесь остаются те же, что и в кадровых частях Красной армии.

2. Допризывная подготовка, являющаяся первым звеном во всей системе вооруженных сил республики, а также военной подготовки подрастающих возрастов, приобретает большое значение для Красной армии, которая при небольшой пропускной способности будет требовать для комплектования своих рядов отборную и подготовленную через допризывную подготовку рабоче-крестьянскую

молодежь. Это положение выдвигает перед РЛКСМ необходимость уделения достаточного внимания вопросам допризывной подготовки, всемерного усиления политпросветработы среди допризывников, введя в нее планомерность, тесно связывая ее со всей работой РЛКСМ среди масс молодежи.

3. Основными практическими задачами работы среди допризывников должны явиться:

До сборов:

а) выделение и подготовка кадра политруков, избегая частой смены их, ставя одновременно задачу подготовки из них будущих политработников для армии и флота.

б) содействие в организации учебных пунктов, военных уголков, обеспечивая их литературой и газетой;

в) подготовка коллектива группы РЛКСМ к работе во время сборов допризывников и

г) развертывание проведения кампании среди молодежи и населения.

4. В период сборов:

а) активное участие в работе военных уголков при избах-читальнях, клубах, которые должны стать центром политико-просветительной работы допризывников;

б) организация внешкольной работы, привлечение допризывников в комсомольские клубы, экскурсии и проч.;

в) обслуживание подготовленными силами политчаса и работа коллективов-групп.

5. Между сборами:

а) развитие военной и морской пропаганды, привлечение допризывников в организуемые спортивные и стрелковые кружки, широко культивируя обслуживание массовыми формами работы РЛКСМ;

б) активное участие и помощь органам, проводящим ликвидацию азбучной неграмотности среди допризывников.

6. Отмечая слабое развитие преддопризывной подготовки, съезд считает необходимым начать систематическое развертывание и в первую очередь среди членов РЛКСМ в школах ФЗУ и т. д.

Все руководство политической работой среди допризывников сосредоточивается в военно-политорганах и проводится его функциональными отделами в тесном контакте и в полной согласованности с органами РЛКСМ, который для практической работы должен выделить соответствующих работников, начиная с увоенкомата до ПУР'а.

8. Съезд считает необходимым поставить перед соответствующими органами вопрос об урегулировании материального обеспечения допризывной подготовки.

Г. В области военной пропаганды.

1. Отмечая важное значение военной пропаганды как в деле военного строительства, так и в военном воспитании членов РЛКСМ, этой работе необходимо придать характер длительной и систематической военно-воспитательной деятельности Союза.

2. Военная пропаганда Союза должна носить не только замкнутый характер внутренней работы Союза, но и во всей своей массовой части должна быть перенесена на широкие массы рабоче-крестьянского юношества и в первую очередь среди допризывников и переменников. В этих целях необходимо широко использовать военно-революционные праздники, устройство массовых экскурсий в части Красной армии и флота, совместных вечеров, массовых походов и т. д.

3. Съезд обращает сугубое внимание на необходимость внедрения и пропитывания элементами военной пропаганды воспитательную работу подростков преддопризывных возрастов (фабзавуч, школа I, II ступени и проч.). Особое внимание следует уделить правильной и широкой постановке военной пропаганды в организации юных пионеров. Эта работа не должна носить характера узкой военизации юных пионеров, а в основном сводится к уяснению значения Красной армии в деле обороны революции, ознакомления с техникой военного дела, поощряя и распространяя элементы вспомогательной службы, применяемых

к пионер-практике, могущие быть использованными в условиях военной обстановки Красной армии (санитарная работа, разведка, сигнализация и т. д.).

4. Военная пропаганда в Союзе должна развертываться, главным образом, в клубах РЛКСМ вокруг вопроса истории и значения Красной армии и флота, технического состояния вооруженных сил соседних государств, вопроса воздухофлота, морского флота, военной химии и других технических усовершенствований военного дела. Практическая работа по военной пропаганде должна итти по пути развития в клубах Союза, избах-читальнях, военных уголках, которые охватывают все составные отрасли военной пропаганды и развертывают свою работу вокруг популярных военно-научных лекций, военно-политических бесед, работы кружков военных знаний и технической истории гражданской войны, химических и проч. В работе по военной пропаганде необходимо стремиться к широкому вовлечению девушек к изучению санитарного дела, оказания первой помощи больным и раненым и т. д.

5. Усиление пропаганды задач ОДВФ в строительстве воздухофлота должно в течение ближайшего года итти по пути массового вовлечения членов РЛКСМ в члены ОДВФ, втягивая в практическое участие в нем, обращая сугубое внимание на развитие в Союзе планерных кружков изучения воздухофлота, его роли в будущих войнах и значения в обороноспособности СССР.

6. Не меньше внимания съезд уделяет вопросам Общества „Доброхим". Задачей Союза положено явиться ознакомление всех членов РЛКСМ с общими задачами „Доброхима", вовлечение в члены его в первую очередь комсомольцев химической промышленности. На ряду с этим следует широко поставить в Союзе изучение прошлого военной химии, его роли в будущих войнах и способов борьбы с ними, привлекая широко к работе в кружках, проведению бесед, лекций и т. д комсомольцев, учащихся школ II ступени, рабфаков и вузов.

7. Пропаганда среди молодежи и всех трудящихся интернациональной роли Красной армии должна явиться задачей огромной важности. Поэтому съезд считает, что Комсомолу в национальных республиках вопросам военной пропаганды среди молодежи необходимо придать сугубо-важное значение в системе воспитательной работы Союза, одновременно втягивая широко туземную молодежь в практическое участие в строительстве национальных частей Красной армии.

8. Съезд считает необходимым усиление издательских работ по вопросу о военной пропаганде. На ряду с широким освещением вопросов военной пропаганды в юношеской печати, издательство „Молодая Гвардия" и друг. необходимо привлечь к изданию популярной серии военно-научной, военно-политической и исторической литературы для молодежи. На ряду с этим считать необходимым усилить подписку местных организаций РЛКСМ на военно-морские издания.

9. Во всей работе по военной пропаганде съезд считает необходимым теснейшее сотрудничество, контактирование и использование сил военно-научных обществ, политорганов в Красной армии и военвузов, привлекая широко для постановки этой работы в КСМ военных специалистов, командиров, комиссаров, курсантов и другие военно-научные силы.

СОДЕРЖАНИЕ.

Вожди о молодежи.

Молодежь в Феврале.

В Красной гвардии.

Октябрьский переворот.

В разгаре боев за Советскую власть.

Девятнадцатый год.

Двадцатый год.

Двадцать первый год.

В тылу у белых.

На Украине и в Крыму.

Под панской пятой.

В Белоруссии.

В меньшевистском подполье.

В Закавказье.

Программы, воззвания, резолюции.
